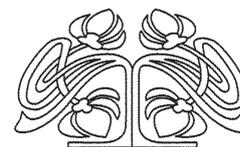

Федеральное государственное бюджетное образовательное учреждение высшего образования
«Саратовский национальный исследовательский государственный университет имени Н. Г. Чернышевского»

ИЗВЕСТИЯ

САРАТОВСКОГО
УНИВЕРСИТЕТА
Новая серия

Научный журнал
2016 Том 16
ISSN 1814-733X
ISSN 1994-2540

Серия Экономика. Управление. Право, выпуск 3

Продолжение «Известий Императорского Николаевского Университета» 1910–1918 и «Ученых записок СГУ» 1923–1962

Издается с 2001 года

СОДЕРЖАНИЕ

Научный отдел

Экономика

Красильников О. Ю. Институциональное трансформирование теневой экономики 251

Батаева Б. С., Айрапетян Л. Н. Сотрудничество властных и предпринимательских структур в разработке и реализации целевых программ СТАТЬЯ ОТОЗВАНА 01.09.2021 257

Гусев В. В., Осипов Р. А. Инновационное развитие Саратовской области: аргументы «за» и «против» 262

Ромашкин Т. В. Актуальность исследования экономической безопасности предприятия в условиях глобальной экономической нестабильности 269

Попюк В. И. Стратегические аспекты обеспечения экономической безопасности в условиях новой волны кризиса 275

Каткова М. А., Коротин В. О. Социально-экономические факторы формирования национальной идентичности в условиях глобализации 281

Семенов А. С., Дерунов В. А. Математическое обоснование экономического роста в условиях попадания страны в «ловушку отсталости» 288

Управление

Катаев А. В., Катаева Т. М., Макарова Е. Л. Управление проектами: математические модели оптимального назначения исполнителей проектных работ 294

Павлов В. Н., Вавилина А. В. Комплексная модернизация сельскохозяйственных предприятий малого бизнеса 299

Копнова Е. Д., Родионова Л. А. Статистические подходы к анализу и прогнозированию демографических данных 306

Голубниченко М. В. К вопросу о льготном режиме налогообложения для субъектов малого предпринимательства в Саратовской области 315

Роскошная М. С. Выявление актуальных угроз системы экспортного контроля: международный и российский опыт 320

Троекуров П. С. Финансово-правовые основы индивидуальных инвестиционных счетов: опыт развитых стран и перспективы в России 326

Чувелева Е. А. Принципы нивелирования негативных последствий влияния рисков на эффективность проектов корпоративных слияний и поглощений 332

Право

Лисюткин А. Б., Архипова Е. Ю. Нормативные основания легализации неюрисдикционного процесса 338

Велиева Д. С. Защита прав человека в деятельности законодательных (представительных) органов государственной власти субъектов РФ 346

Липчанская М. А. Конституционные основы государственной политики Российской Федерации в отношении культурного наследия 354

Бердникова Е. В., Деманова С. В. Практика как обязательный элемент образовательного процесса в вузе: проблемы нормативного обеспечения 360

Кравец Д. А. Развитие избирательного законодательства о тайне голосования в дореволюционной России и в советский период 365

Журнал включен в Перечень рецензируемых научных изданий, в которых должны быть опубликованы основные научные результаты диссертаций на соискание ученой степени кандидата наук, на соискание ученой степени доктора наук

Зарегистрировано в Министерстве Российской Федерации по делам печати, телерадиовещания и средств массовых коммуникаций.

Свидетельство о регистрации СМИ ПИ № 77-7185 от 30 января 2001 года.

Зарегистрировано в Федеральной службе по надзору в сфере связи, информационных технологий и массовых коммуникаций.

Свидетельство о регистрации СМИ ПИ № ФС77-56133 от 15 ноября 2013 года

Индекс издания в объединенном каталоге «Пресса России» 36012, раздел 30 «Научно-технические издания. Известия РАН. Известия вузов». Журнал выходит 4 раза в год

Заведующий редакцией

Бучко Ирина Юрьевна

Редактор

Трубникова Татьяна Александровна

Художник

Соколов Дмитрий Валерьевич

Редактор-стилист

Степанова Наталия Ивановна

Верстка

Ковалева Наталья Владимировна

Технический редактор

Ковалева Наталья Владимировна

Корректор

Гаврина Марина Владимировна

Адрес редакции:

410012, Саратов, ул. Астраханская, 83

Тел.: (845-2) 51-45-49, 52-26-89

E-mail: izvestiya@sgu.ru

Подписано в печать 24.09.2016.

Формат 60x84 1/8.

Усл. печ. л. 14,85 (15,5).

Тираж 500 экз. Заказ 148-Т.

Отпечатано в типографии Саратовского университета.

Адрес типографии:

410012, Саратов, Б. Казачья, 112А

© Саратовский университет, 2016

ПРАВИЛА ДЛЯ АВТОРОВ

Журнал принимает к публикации на русском и английском языках общетеоретические, методические, дискуссионные, критические статьи, результаты исследований экономической и юридической науки в области экономической теории, экономики, организации, управления, государства и права.

Для рассмотрения статьи автору необходимо представить в редакцию следующие материалы: 1) текст статьи в электронном виде, включая УДК, сведения об авторах, название, ключевые слова и структурированную аннотацию на русском и английском языках, список литературы, references в одном документе; 2) внешнюю для автора рецензию на статью, заверенную в установленном порядке, содержащую оценку актуальности, научной новизны, теоретической и практической значимости, научного уровня статьи, критику, рекомендации; 3) справку о результатах самопроверки статьи на наличие неправомерных заимствований в системе «Антиплагиат»; 4) договор на издание и предоставление права использования произведения. Статья направляется на рецензирование только после получения подписанного автором договора и оригинала внешней рецензии (в деканате экономического факультета или по почте). Более подробная информация о правилах оформления статей и образцы оформления различных источников приведены вместе со стилевым файлом по адресу: <http://eup.sgu.ru/ru/dlya-avtorov>.

Представляемая для публикации рукопись статьи должна быть законченной научной работой, содержащей важные научные результаты самостоятельных исследований теоретического или эмпирического уровня. Статья должна быть структурирована с использованием подзаголовков: например, Введение, Теоретический анализ, Методика исследования, Экспериментальная часть, Обсуждение результатов, Выводы, Список литературы, оформлена в соответствии с требованиями и тщательно отредактирована.

Статьи подвергаются рецензированию и в случае положительного отзыва – научному и контрольному редактированию. Статья, направленная автору на доработку, должна быть возвращена в исправленном виде в течение трех недель. Статья, задержанная на больший срок или требующая повторной доработки, рассматривается как вновь поступившая. Редакция оставляет за собой право проводить редакторскую, корректорскую и допечатную правку текстов статей, не изменяющую их основного смысла, без согласования с автором. Статьи публикуются в порядке очередности.

Статьи и документы следует присылать в редколлегию Серии по электронной почте: sgu-eup@rambler.ru, документы – простыми (не заказными) письмами по адресу: 410012, г. Саратов, ул. Астраханская, 83, Саратовский университет, экономический факультет, деканат. Справки по тел.: ответственный секретарь Серии: Фирсова Анна Александровна: 891 721 53959, деканат экономического факультета: (8452) 22-51-38. Сайт журнала: <http://eup.sgu.ru>

CONTENTS

Scientific Part

Economics

- Krasilnikov O. Yu.** Institutional Transformation of the Underground Economy 251
- Bataeva B. S., Airapetyan L. N.** Cooperation between Business and Government in the Development and Implementation of Targeted Programs **Retracted 01/09/2021** 257
- Gusev V. V., Osipov R. A.** Innovative Development of the Saratov Region: the Arguments «Pro» and «Contra» 262
- Romashkin T. V.** Actuality of the Study of Economic Safety of the Enterprise in the Face of Global Economic Instability 269
- Popyuk V. I.** Strategic Aspects of Economic Security in the New Wave of Crisis 275
- Katkova M. A., Korotin V. O.** Socio-economic Factors of Formation of National Identity in the Conditions of Globalization 281
- Semenov A. S., Derunov V. A.** Mathematical Justification of Economic in the Conditions of Falling of the Country in the «Underdevelopment Trap» 288

Management

- Kataev A. V., Kataeva T. M., Makarova E. L.** Project Management: Mathematical Models of Optimal Executors' Appointment for Project Works 294
- Pavlov V. N., Vavilina A. V.** Complex Modernization of Agricultural Small Business Enterprises 299
- Kopnova E. D., Rodionova L. A.** The Statistical Approach to the Analysis and Forecasting of Demographic Data 306
- Golubnichenko M. V.** To the Question of Preferential Tax Treatment for Small Businesses in Saratov Region 315
- Roskoshnaya M. S.** Identification of Actual Threats for Export Control System: International and Russian Experience 320
- Troekurov P. S.** Financial and Legal Basics of Individual Investment Accounts: the Experience of Developed Countries and Prospects in Russia 326
- Chuveleva E. A.** Principles of Levelling of Negative Consequences of Influence of Risks on Efficiency of Projects of Corporate Merges and Absorption 332

Law

- Lisyutkin A. B., Arkhipova E. Yu.** The Normative Bases of Legalization of Non Jurisdictional Process 338
- Veliyeva D. S.** Protection of Human Rights in the Activities of Legislative (Representative) Bodies of State Power of Subjects of the Russian Federation 346
- Lipchanskaya M. A.** Constitutional Basis of the State Policy of the Russian Federation with Regard to Cultural Heritage 354
- Berdnikova E. V., Demanova S. V.** Practice as a Compulsory Element of the Educational Process at University: the Problems of Normative Support 360
- Kravec D. A.** Development of Electoral Legislation on Secret Ballot in Pre-Revolutionary and Soviet Russia 365

**РЕДАКЦИОННАЯ КОЛЛЕГИЯ ЖУРНАЛА
«ИЗВЕСТИЯ САРАТОВСКОГО УНИВЕРСИТЕТА.
НОВАЯ СЕРИЯ»**

Главный редактор

Чумаченко Алексей Николаевич, доктор геогр. наук, профессор (Саратов, Россия)

Заместитель главного редактора

Короновский Алексей Александрович, доктор физ.-мат. наук, профессор (Саратов, Россия)

Ответственный секретарь

Халова Виктория Анатольевна, кандидат физ.-мат. наук, доцент (Саратов, Россия)

Члены редакционной коллегии:

Балаш Ольга Сергеевна, кандидат экон. наук, доцент (Саратов, Россия)

Бучко Ирина Юрьевна, директор Издательства Саратовского университета (Саратов, Россия)

Данилов Виктор Николаевич, доктор ист. наук, профессор (Саратов, Россия)

Ивченков Сергей Григорьевич, доктор соц. наук, профессор (Саратов, Россия)

Коссович Леонид Юрьевич, доктор физ.-мат. наук, профессор (Саратов, Россия)

Макаров Владимир Зиновьевич, доктор геогр. наук, профессор (Саратов, Россия)

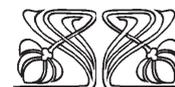
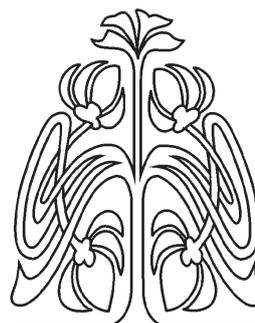
Прозоров Валерий Владимирович, доктор филол. наук, профессор (Саратов, Россия)

Усанов Дмитрий Александрович, доктор физ.-мат. наук, профессор (Саратов, Россия)

Устьянцев Владимир Борисович, доктор филос. наук, профессор (Саратов, Россия)

Шамионов Раиль Мунирович, доктор психол. наук, профессор (Саратов, Россия)

Шляхтин Геннадий Викторович, доктор биол. наук, профессор (Саратов, Россия)

**EDITORIAL BOARD OF THE JOURNAL
«IZVESTIYA OF SARATOV UNIVERSITY. NEW SERIES»**

Editor-in-Chief – Chumachenko A. N. (Saratov, Russia)

Deputy Editor-in-Chief – Koronovskii A. A. (Saratov, Russia)

Executive Secretary – Khalova V. A. (Saratov, Russia)

Members of the Editorial Board:

Balash O. S. (Saratov, Russia)

Buchko I. Yu. (Saratov, Russia)

Danilov V. N. (Saratov, Russia)

Ivchenkov S. G. (Saratov, Russia)

Kossovich L. Yu. (Saratov, Russia)

Makarov V. Z. (Saratov, Russia)

Prozorov V. V. (Saratov, Russia)

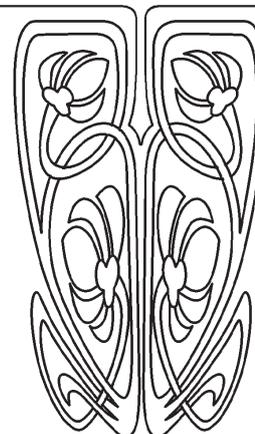
Usanov D. A. (Saratov, Russia)

Ustiantsev V. B. (Saratov, Russia)

Shamionov R. M. (Saratov, Russia)

Shlyakhtin G. V. (Saratov, Russia)

**РЕДАКЦИОННАЯ
КОЛЛЕГИЯ**

**РЕДАКЦИОННАЯ КОЛЛЕГИЯ ЖУРНАЛА
«ИЗВЕСТИЯ САРАТОВСКОГО УНИВЕРСИТЕТА. НОВАЯ СЕРИЯ.
СЕРИЯ: ЭКОНОМИКА. УПРАВЛЕНИЕ. ПРАВО»**

Главный редактор

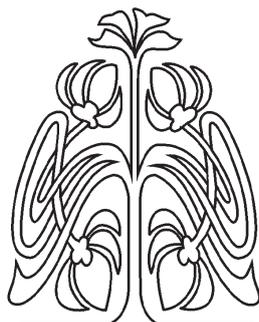
Балаш Ольга Сергеевна, кандидат экон. наук, доцент (Саратов, Россия)

Заместитель главного редактора

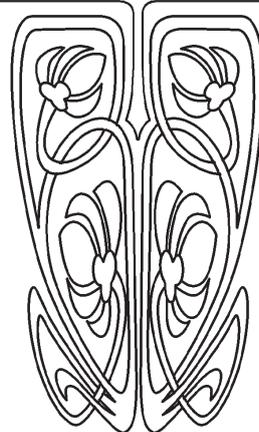
Комкова Галина Николаевна, доктор юрид. наук, профессор (Саратов, Россия)

Ответственный секретарь

Фирсова Анна Александровна, доктор экон. наук, доцент (Саратов, Россия)

**РЕДАКЦИОННАЯ
КОЛЛЕГИЯ**

Члены редакционной коллегии:

Александр Анна, Ph.D, доктор философии, профессор (Вайоминг, США)
Балаш Владимир Алексеевич, доктор экон. наук, профессор (Саратов, Россия)
Бенойт Уильям, Ph.D, доктор политологии, профессор (Огайо, США)
Ермасова Наталия Борисовна, Ph.D, доктор экон. наук, профессор (Иллинойс, США)
Землянухин Александр Исаевич, доктор физ.-мат. наук, профессор (Саратов, Россия)
Козин Михаил Николаевич, доктор экон. наук, профессор (Москва, Россия)
Красильников Олег Юрьевич, доктор экон. наук, профессор (Саратов, Россия)
Лхагвадори Ариунаа, Ph.D, доктор философии, профессор (Уланбаатор, Монголия)
Мингалева Жанна Аркадьевна, доктор экон. наук, профессор (Пермь, Россия)
Муравьев Николай Васильевич, Ph.D, MBA, кандидат экон. наук (Данди, Великобритания)
Носов Владимир Владимирович, доктор экон. наук, профессор (Москва, Россия)
Орехова Елена Анатольевна, доктор экон. наук, профессор (Волжский, Россия)
Разгельдеев Назир Тагирович, доктор юрид. наук, профессор (Саратов, Россия)
Сидоров Сергей Петрович, доктор физ.-мат. наук, профессор (Саратов, Россия)
Синюкова Татьяна Витальевна, кандидат юрид. наук, доцент (Саратов, Россия)
Стойлова Десислава, Ph.D, доктор философии, профессор (Благоевград, Болгария)
Трубицына Тамара Ивановна, доктор экон. наук, профессор (Саратов, Россия)
Хрусталеv Виталий Николаевич, доктор юрид. наук, профессор (Саратов, Россия)
Цыбулевская Ольга Ивановна, доктор юрид. наук, профессор (Саратов, Россия)
Черемисинов Георгий Александрович, доктор экон. наук, доцент (Саратов, Россия)
Шугрина Екатерина Сергеевна, доктор юрид. наук, профессор (Москва, Россия)
Эретин Сефика Шуле, Ph.D, доктор философии, профессор (Анкара, Турция)

**EDITORIAL BOARD OF THE JOURNAL
«IZVESTIYA OF SARATOV UNIVERSITY. NEW SERIES.
SERIES: ECONOMICS. MANAGEMENT. LAW»**

Editor-in-Chief – Balash O. S. (Saratov, Russia)

Deputy Editor-in-Chief – Komkova G. N. (Saratov, Russia)

Executive Secretary – Firsova A. A. (Saratov, Russia)

Members of the Editorial Board:

Alexander A. (Wyoming, USA)	Orekhova E. A. (Volgskii, Russia)
Balash V. A. (Saratov, Russia)	Razgeldeev N. T. (Saratov, Russia)
Benoit W. (Ohio, USA)	Sidorov S.P. (Saratov, Russia)
Ermasova N. B. (Illinois, USA)	Sinyukova T. V. (Saratov, Russia)
Zemlyanukhin A. I. (Saratov, Russia)	Stoilova D. (Blagoevgrad, Bulgaria)
Kozin M. N. (Moscow, Russia)	Trubitsina T. I. (Saratov, Russia)
Krasilnikov O. U. (Saratov, Russia)	Khrustalov V. N. (Saratov, Russia)
Lkhagvadorj A. (Ulaanbaatar, Mongolia)	Tsibulevskaya O. I. (Saratov, Russia)
Mingaleva Z. A. (Perm, Russia)	Cheremisov G. A. (Saratov, Russia)
Mouraviev N. V. (Dundee, United Kingdom)	Shugrina E. S. (Moscow, Russia)
Nosov V. V. (Moscow, Russia)	Erçetin Ş. Ş. (Ankara, Turkey)

ЭКОНОМИКА

УДК 330.837

ИНСТИТУЦИОНАЛЬНОЕ ТРАНСФОРМИРОВАНИЕ ТЕНЕВОЙ ЭКОНОМИКИ

О. Ю. Красильников

доктор экономических наук, профессор кафедры экономической теории и национальной экономики, Саратовский национальный исследовательский государственный университет имени Н. Г. Чернышевского
E-mail: ok-russia@yandex.ru

Введение. В статье исследована теневая экономика как хозяйственная система. По некоторым данным, объем теневой экономики в России составляет 46% величины ВВП. Целью научной статьи является изучение институционального механизма трансформирования системы теневой экономики. **Теоретический анализ.** Исследуются системные признаки теневой экономики, среди которых выделяются: целостность, открытость, приспособляемость, воспроизводимость, структурированность и иерархичность. Рассмотрена структура теневой экономики, в составе которой выделены три сектора: социально опасные (криминальные) формы теневой экономики, различные формы проявления оппортунистического поведения экономических агентов и социально неопасные формы теневой деятельности (например домашняя экономика). Выявлены основные и производные противоречия теневой экономики. Изучен институциональный механизм трансформирования теневой экономики. Рассмотрены его функции и противоречия. Проанализированы два направления трансформации теневой экономики: ограничение (ликвидация) социально опасных форм и легализация (легитимизация) наиболее «здоровых» элементов. **Результаты.** Сделан вывод о необходимости формирования государственной стратегии институционального трансформирования теневой экономики. Определены принципы и задачи институционализации системы теневой экономики России на современном этапе.

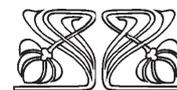
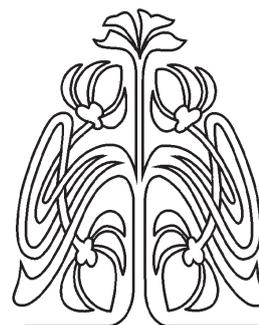
Ключевые слова: теневая экономика, экономическая система, институциональный механизм, трансформация, противоречие.

DOI: 10.18500/1994-2540-2016-16-3-251-257

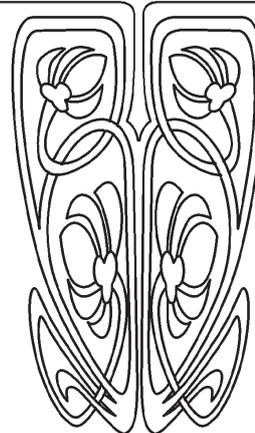
Введение

Внимание экономической науки к теневой экономике обусловлено увеличением масштабов нелегальной экономической деятельности, проникновением теневых отношений в легальную сферу, ростом влияния теневой экономики на хозяйственные процессы и экономическую безопасность страны, слабой контролируемостью данного явления со стороны государства и общества. По оценкам международной исследовательской организации Global Financial Integrity (GFI), в 2011 г. объем теневой экономики России составлял 211,5 млрд долл. США, или 46% от величины ВВП [1]. Развитие теневой экономики отвлекает массу ресурсов и усилий на сокрытие как самой деятельности, так и ее результатов, порождает значительные дополнительные издержки субъектов хозяйствования, усиливает социальную напряженность в обществе.

Проблемы теневой экономики являются весьма дискуссионными среди исследователей. В работах отечественных и зарубежных ученых рассматриваются вопросы выделения различных секторов экономики (неформального, теневого, черного, серого и т.п.), ха-

**НАУЧНЫЙ
ОТДЕЛ**

рактические субъекты теневой экономической деятельности, определения их связей с государственными структурами, различными легальными предприятиями. Однако, несмотря на возрастающий интерес ученых к этой теме и увеличивающееся число публикаций в экономической литературе, на сегодняшний день отсутствуют комплексные исследования теневой экономики с точки зрения институционального подхода. Изучение вопроса показывает, что значительное количество населения имеет отношение к теневой экономике. Поэтому все более актуальным становится рассмотрение институционального механизма трансформирования теневой экономики, ее частичная легализация. Решающая роль в данном процессе принадлежит государству как основному субъекту формирования законодательных норм, правил и ограничений.

Целью научной статьи является изучение институционального механизма трансформирования системы теневой экономики, его функций и противоречий, а также рассмотрение основных способов преобразования указанной системы.

Теоретический анализ

Теневая экономика – явление сложное, состоящее из ряда элементов и охватывающее различные сферы общественной жизни. К теневой экономике относят всю экономическую деятельность, которая по разным причинам не учитывается официальной статистикой, скрыта от налогообложения и, соответственно, не включается в ВВП.

Мы рассматриваем теневую экономику как систему. Следовательно, она должна обладать определенными признаками системы и специфическими системными качествами. По нашему мнению, ведущей качественной характеристикой, позволяющей отнести хозяйственный элемент к системе теневой экономики, является его неподконтрольность официальным государственным институтам. Отсюда следуют и другие системные качества теневой экономики: неподотчетность, отсутствие налогообложения, неформальные отношения между субъектами, скрытые товарно-денежные потоки.

Основными признаками теневой экономики как системы являются:

- целостность. Теневая экономика является целостной системой, функционирование которой возможно и в отсутствие институтов легальной экономики;
- открытость. Теневая экономика является открытой экономической системой, тесно связанной совокупностью товарно-денежных отношений с легальной экономикой;

- приспособляемость. Теневая экономика существовала во все времена, во всех социально-экономических системах и странах. Подобная живучесть теневой экономики объясняется ее целостностью и неподконтрольностью со стороны государства;

- воспроизводимость. Теневые экономические отношения повторяются в каждом новом цикле воспроизводства в единстве всех его стадий: производства, распределения, обмена и потребления;

- структурированность. Система теневой экономики имеет сложную многомерную и многоуровневую, отраслевую и региональную структуру;

- иерархичность. Элементы теневой экономики отличаются соподчиненностью. Это относится как к субъектам, так и к объектам теневого сектора.

Особенностью теневой экономики как системы является то, что данные признаки, в отличие от легальной экономики, проявляются неявно и имеют свою специфику. Так, например, открытость теневой экономики носит условный характер, поскольку, попав однажды в систему внезаконных отношений, хозяйствующие субъекты редко готовы порвать с ними добровольно. Теневая экономика является своеобразным насосом, вытягивающим материальные и финансовые ресурсы из сферы легального производства.

Институциональный механизм трансформирования теневой экономики может быть определен как совокупность способов упорядоченного воздействия государства на данную систему с целью снижения ее негативного влияния на хозяйственную жизнь общества. Таким образом, ограничивая негативные проявления теневой экономики и усиливая ее положительные стороны, можно добиться бесконфликтного сосуществования теневой и легальной экономических систем.

Субъектно-объектная структура институционального механизма трансформирования системы теневой экономики представляет собой совокупность, включающую в себя три основных структурных составляющих:

- субъект управления трансформацией – государство в лице федеральных, региональных или местных органов власти;

- объект трансформирования – теневая экономика как система;

- способ трансформации – набор конкретных методов, приемов и инструментов институционального воздействия на систему теневой экономики, а также обратные объектно-субъектные связи, позволяющие отслеживать эффективность проводимых мероприятий.

При рассмотрении институционального механизма трансформирования теневой экономики необходимо структурировать данную систему с точки зрения общественной опасности, которую несут те или иные ее составляющие. Условно систему теневой экономики можно разделить на три сектора:

1) социально опасные формы теневой экономики, непосредственно граничащие с криминальной деятельностью (коррупция, незаконное использование бюджетных средств и т.д.);

2) различные формы проявления оппортунистического поведения экономических агентов (неисполнение контрактных обязательств, неплатежи, прокрутка чужих средств и др.);

3) социально неопасные формы теневой деятельности (домашняя экономика, выплаты зарплаты «в конвертах» и т.п.).

Для каждого из указанных сегментов системы теневой экономики необходимы свои методы институционального воздействия со стороны государства.

Можно выделить следующие функции институционального механизма трансформирования теневой экономики как системы: основная – обеспечение экономической безопасности страны, а также производные функции – ограничительная, контролирующая, информационная, распределительная и перераспределительная.

Функции институционального механизма трансформирования теневой экономики тесно связаны между собой. Специфичность проявления указанных функций в условиях взаимодействия формальных и неформальных экономических институтов заключается в том, что государство посредством создания системы правовых норм выступает гарантом важнейших экономических институтов, таких как собственность, хозяйственный договор, свобода предпринимательства, справедливая конкуренция и ряд других.

Основой экономической безопасности страны выступает ограничительная функция институционального механизма трансформирования системы теневой экономики, наиболее опасными проявлениями которой в современной России, на наш взгляд, являются коррупция, присвоение государственных фондов и нецелевое использование бюджетных средств в целях личного обогащения. Так, по данным авторитетной международной организации «Transparency International», в 2015 г. Россия занимала 119-е место из 168 стран по индексу восприятия коррупции, оказавшись в одном ряду с Азербайджаном, Гайаной и Сьерра-Леоне (наименее коррумпированные страны расположены в начале списка) [2].

Важной функцией институционального механизма трансформирования теневой экономики как системы является легализация наиболее «здоровых» форм теневого бизнеса. Институционализация элементов теневой экономики, выполняющих положительные социально-экономические функции, становится необходимым условием будущего экономического роста.

Теневая экономика оказывает двойственное влияние на социально-экономическое положение в стране: положительное и отрицательное, стабилизирующее и дестабилизирующее. Отсюда вытекают противоречия институционального механизма трансформирования этой подсистемы национального хозяйства (таблица).

Противоречия институционального механизма трансформирования теневой экономики как системы

Основное противоречие	Производные противоречия
Между субъектом и объектом трансформирования	Между государством и субъектами теневой экономики
	Между формальными инструментами воздействия и неформальной средой теневой экономики
	Между легальным и теневым экономическими секторами
	Между субъектами теневой экономики

Основным, на наш взгляд, является противоречие между субъектом (государством) и объектом трансформирования (теневым сектором экономики). Государство как субъект трансформационного воздействия пытается с помощью доступных ему институциональных рычагов (прежде всего с помощью разработки соответствующих хозяйственных норм и правил) установить такие границы теневого сектора, которые максимально нивелируют негативное влияние и усиливают положительный эффект теневых экономических отношений.

Важной формой проявления основного противоречия институционального механизма трансформирования теневой экономики как системы является противоречие между государством и субъектами теневой экономики. Частный интерес субъекта состоит в максимизации своего дохода и нежелании делиться им с кем-либо, и особенно с государством. Соответственно, размер налогообложения самым непосредственным образом влияет на поведение хозяйствующего субъекта: чем больше налоги, тем активнее уход в тень.

Большое значение в функционировании институционального механизма трансформирования имеет противоречие между формальными

инструментами воздействия и неформальной средой теневой экономики. Оно объясняет трудности государственного трансформирования теневой (неформальной) экономики с использованием, по сути, только формальных институциональных ограничений (закона, хозяйственного права). Еще одним противоречием институционального механизма трансформирования теневой экономики как системы является противоречие между теневым и легальным экономическими секторами, которое в современных российских условиях разрешается не в пользу последнего, что отрицательно сказывается на эффективности функционирования национального хозяйства.

Следующим противоречием институционального механизма трансформирования теневой экономики как системы является противоречие между субъектами самой теневой экономики. Можно предположить, что отношения между субъектами теневой экономики отличаются элементами соперничества, как на рынке труда, так и на рынке товаров и услуг. В соревнование за присвоение теневой экономической ренты вступают также государственные чиновники и представители криминальных группировок.

Обострение указанных противоречий приводит к тому, что компоненты теневой структуры начинают адсорбировать (вовлекать в свой оборот) элементы самого государства как субъекта трансформации. При этом сфера функционирования теневой экономической системы расширяется, прирастая за счет коррумпированных чиновников, хищения бюджетных средств и т.д. Наряду с приватизацией собственности происходит приватизация функций государства отдельными группами чиновников.

На наш взгляд, добиться разрешения указанных выше противоречий только на базе введения разного рода запретительных мер невозможно. Позитивное разрешение противоречий институционального механизма трансформирования теневой экономики как системы должно идти по пути развития конкурентоспособности легального сектора экономики, дальнейшего осуществления институциональных реформ в плане либерализации хозяйственного (в первую очередь налогового) законодательства, установления партнерских отношений между государством и бизнес-сообществом.

Проблема существования теневой экономики не теряет актуальности даже в странах с развитой рыночной системой. Особенностью России является то, что здесь теневая экономическая деятельность достигла значительных размеров. Вместе с тем нельзя не признать того факта, что в условиях экономического кризиса, снижения

реальных доходов населения, неэффективности государственного управления (бюджетного и налогового механизмов, спецификации и защиты прав собственности) отдельные элементы теневой экономики играют положительную роль. Так, например, выплата зарплаты «в конвертах» в условиях непосильного налогового пресса положительно сказывается на общем благосостоянии граждан. То же самое можно сказать о расчетах с использованием так называемого «черного нала». В условиях стагнации подобная практика поддерживает товарооборот между предприятиями, способствует удовлетворению потребностей населения. Что же касается спецификации и защиты прав собственности, то во многих странах различные неформальные институты и структуры показали большую эффективность по сравнению со слабым, зачастую коррумпированным государством [3].

Указанные положительные эффекты достигаются благодаря тому, что неформальные хозяйственные механизмы позволяют экономить на трансакционных издержках, размер которых в деформированной кланово-корпоративной экономике становится запретительно-высоким для легальной деятельности. Все это еще более усиливает необходимость трансформирования теневой экономики как системы, которое предполагает разработку способов управления процессами, обеспечивающими:

- сокращение (в идеале – полную ликвидацию) наиболее опасных элементов теневой экономики;

- преобразование несущих положительную нагрузку и наименее социально-опасных секторов теневой хозяйственной деятельности в легальную.

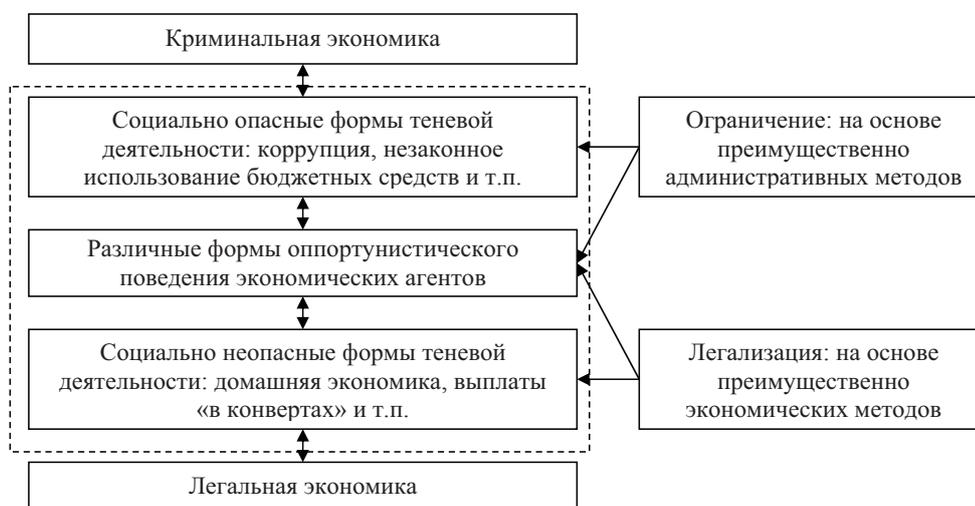
Таким образом, цель государственного управления трансформированием теневой экономики – соблюдение интересов общества относительно каждого из ее элементов, т.е. устранение их негативного влияния на различные сферы общественной жизни (рисунок).

Особенностью институционального механизма трансформирования системы теневой экономики является то, что объектами государственного воздействия в данном случае выступают различные неформальные институты и организации: институт нелегальной собственности, институты сокрытия и теневого распределения доходов, институты внезаконной контрактиции, организационные структуры теневого бизнеса. При этом трансформирование системы теневой экономики со стороны государства может производиться только формальными методами: ограничения и легитимизации элементов тене-

вой экономики. В основе институционального механизма трансформационного воздействия государства на систему теневой экономики ле-

жат, прежде всего, формальные экономические, политические и социальные институты: законы, правовые нормы, бюджет, налоги и т.п.

Способы трансформирования системы теневой экономики

Нетрудно заметить различие правовых полей, на которых выступают представители субъекта и объекта институционального трансформирования. Теоретически на любое трансформирующее воздействие государства субъекты теневой экономики могут найти адекватный ответ, действуя в неправовом институциональном поле. В этом, пожалуй, заключается основная трудность исследования институционального механизма трансформирования теневой экономики как системы.

Развитие институционального механизма трансформирования теневой экономики в применении к элементам, подрывающим экономическую безопасность страны, должно происходить в направлении ограничения (сужения) сферы их распространения и влияния. К таким элементам мы относим, прежде всего, коррупцию, хищение и незаконное (нецелевое) использование бюджетных средств, налоговые и таможенные преступления.

Ориентировочным параметром ограничения теневой экономики может быть ее удельный вес, не превышающий 10% ВВП (соответствующей в среднем доле теневого бизнеса в развитых странах). Принципиально важной задачей является определение взвешенного соотношения между экономическими и административными методами государственного воздействия. На наш взгляд, ограничительные функции институционального механизма трансформации теневой экономики могут быть реализованы в основном при помощи административных методов регулирования. Необходимо прямое государственное вмешатель-

ство, жесткая реализация принципа диктатуры закона, когда речь идет о злостных нарушениях хозяйствующими субъектами законодательства, коррупции государственного чиновничества, теневой активности олигархов, хищения и разбазаривании бюджетных средств.

Реализация поставленных задач требует значительных изменений в структуре государственного управления. В широком комплексе институциональных реформ можно выделить следующие: совершенствование законодательной базы, оптимизация структуры органов государственного управления и правоохранительных органов, судебная и административная реформы, ограничение нелегального вывоза российского капитала, борьба с отмыванием «грязных денег».

Отдельные элементы теневой экономики, несущие положительную экономическую составляющую, при определенных условиях могут быть соответствующим образом институционально легитимизированы, легализованы и закреплены формальными законодательными рамками. Приоритет здесь должен принадлежать, прежде всего, косвенным экономическим методам воздействия на теневую экономику. Комплексное решение проблем легитимизации теневой экономики способствует положительному разрешению противоречий институционального механизма ее трансформирования и является на сегодняшний день фактором будущего экономического роста.

Одним из блоков теневой экономики, подлежащих легализации, является домашняя экономика, которая изначально предполагает в каче-

стве основы неформальные институциональные нормы. Для домашней экономики, в отличие от других элементов теневого бизнеса, характерен статус борьбы за выживание (продажа урожая с приусадебных и дачных участков, садов и огородов). Существование данного сегмента теневого хозяйства обусловлено необходимостью сопротивления неблагоприятной институциональной среде. В изменении данной среды заключается возможность институциональной легитимизации и легализации домашней экономики.

Институциональный механизм трансформирования теневой экономики в легальную предусматривает приведение в соответствие формальных и неформальных хозяйственных институтов. Одной из составляющих интеграции части теневой экономики в легальную может способствовать так называемая экономическая (налоговая, дачная) амнистия. Большое значение для легализации теневой экономики имеют институциональные рычаги по репатриации вывезенного за границу капитала. Необходимым условием институционального механизма легализации теневой экономики является либерализация статей затрат и вычет инвестиционных расходов из налогооблагаемой базы.

Важное место в плане институциональной легитимизации теневой экономики имеет вопрос легализации незаконной миграции рабочей силы. В условиях сложной демографической ситуации, сложившейся в России, легализация иммиграционных потоков трудовых ресурсов может стать одним из факторов ускорения экономического роста.

Результаты

В целом проблема институциональной легитимизации некоторых элементов теневой экономики России должна базироваться на следующих принципах: благоприятные для бизнеса изменения правохозяйственных условий; де бюрократизация государства; мероприятия по совершенствованию налоговой системы – упрощение порядка исчисления и снижение части налогов; четкое разграничение капиталов криминальных элементов и теневиков-хозяйственников; формирование нового отношения к отечественным предпринимателям на основе эффективной программы репатриации капиталов и превращения их в инвестиционный ресурс страны; кардинальные перемены в сфере социально-экономических отношений, направленные на повышение уровня жизни населения, снижение инфляции и безработицы; укрепление доверия к власти.

По нашему мнению, необходима продуманная государственная стратегия институционального трансформирования теневой экономики в

России. Разработка подобной стратегии требует решения следующих задач: координация деятельности федерального правительства и субъектов Федерации; подбор и обучение кадров, занимающихся борьбой с экономическими преступлениями; научно-методическое и концептуальное обеспечение противодействия теневой экономике; выделение приоритетных направлений и методов институционального трансформирования данной системы; ограничение наиболее опасных и легитимизация социально полезных элементов теневой экономики.

На современном этапе необходимо создание таких условий, при которых легальная экономика будет более конкурентоспособной по сравнению с теневой деятельностью. Этому должно способствовать научное обоснование причин существования, особенностей проявления и путей институционализации теневой экономики.

Список литературы

1. Russia : Illicit Financial Flows and the Underground Economy / A February 2013 Report from Global Financial Integrity. URL: <http://russia.gfintegrity.org> (дата обращения: 27.04.2016).
2. Индекс восприятия коррупции – 2015 // Трансперенси Интернешнл Россия. URL: <http://www.transparency.org.ru/indeks-vospriatiia-korruptcii/indeks-vospriatiia-korruptcii-2015-rossiia-podnialas-na-119-mesto> (дата обращения: 17.05.2016).
3. *Сомо Э.* Загадка капитала : почему капитализм торжествует на Западе и терпит поражение во всем остальном мире. М. : Олимп-Бизнес, 2001. 272 с.

Institutional Transformation of the Underground Economy

O. Yu. Krasilnikov

Saratov State University,
83, Astrakhanskaya str., Saratov, 410012, Russia
E-mail: ok-russia@yandex.ru

Introduction. The underground economy as an economic system is investigated in the article. According to some estimates, the underground economy volume in Russia amounts to 46% of GDP. The purpose of a scientific article is to study the institutional mechanism of transformation of the underground economy system. **Theoretical analysis.** The author explores the systemic signs of the underground economy, among which there are: integrity, openness, adaptability, reproducibility, structure, and hierarchy. The structure of the underground economy, including three sectors: socially dangerous (criminal) forms of the underground economy; various forms of opportunistic behavior of economic agents and socio-benign forms of underground activities (e.g., home economy), is examined. The main and derivative contradictions of underground economy are revealed. The institutional mechanism of transformation of the underground economy is studied; its options and contradictions are considered. The author analyzed two directions of transformation of the underground economy: restriction (liquidation) of socially dangerous forms and

legalization (legitimation) the most «healthy» elements. **Results.** The author makes a conclusion about the necessity of state strategy of institutional transformation of the underground economy. The principles and objectives of institutionalization of the underground economy system in Russia at the present stage are defined.

Key words: underground economy, economic system, institutional mechanism, transformation, contradictions.

References

1. *Russia: Illicit Financial Flows and the Underground Economy / A February 2013 Report from Global Finan-*

cial Integrity. Available at: <http://russia.gfintegrity.org> (accessed 27 April 2016).

2. Corruption Perceptions Index – 2015. *Transparency International Russia.* Available at: <http://www.transparency.org/ru/indeks-vospriatiia-korruptcii/indeks-vospriatiia-korruptcii-2015-rossiia-podnialas-na-119-mesto> (accessed 17 May 2016).

3. Soto H. *Zagadka kapitala: pochemu kapitalizm torzhestvuet na Zapade i terpit porazhenie vo vsem ostalnom mire* [The Mystery of Capital. Why Capitalism Triumphs in the West and Fails Everywhere Else]. Moscow, Olimp-Business Publ., 2001. 272 p.

УДК 334.72

СОТРУДНИЧЕСТВО ВЛАСТНЫХ И ПРЕДПРИНИМАТЕЛЬСКИХ СТРУКТУР В РАЗРАБОТКЕ И РЕАЛИЗАЦИИ ЦЕЛЕВЫХ ПРОГРАММ

Б. С. Батаева

профессор кафедры «Корпоративное управление», Финансовый университет при Правительстве РФ, Москва
E-mail: b.bataeva@gmail.com

Л. Н. Айрапетян

аспирантка кафедры «Корпоративное управление», Финансовый университет при Правительстве РФ, Москва
E-mail: liana_sochi@list.ru

Введение. В рамках данной статьи рассмотрена практика взаимодействия власти и бизнеса при разработке и реализации федеральных целевых программ, с помощью которых достигаются приоритеты социально-экономического развития страны. Целевые программы являются одним из важнейших инструментов решения социально-экономических задач в государстве. **Теоретический анализ.** Программно-целевой подход используется и в государственном управлении, и в бизнес-планировании. В государственном управлении он применяется при разработке комплексных целевых программ, долгосрочных и среднесрочных планов. Понятие «целевая программа» использовалось еще в советской экономике под названием «целевая комплексная программа», которая представляла собой исходную категорию программно-целевого планирования и управления. В бюджетном планировании Российской Федерации программно-целевой подход стал активно применяться начиная с 2000-х гг. В настоящее время под целевой программой понимается система мероприятий, направленных на решение определенных целей и задач в установленные сроки и с установленным ресурсным обеспечением для достижения определенных показателей исполнителями программы, учитывающая интересы всех заинтересованных в реализации программы сторон. **Результаты.** Доказана необходимость использования корпораций развития территорий при реализации целевых программ. Предложены меры по координации взаимодействия корпораций развития территорий с органами власти при разработке и реализации целевых программ.

Ключевые слова: целевые программы, взаимодействие власти и бизнеса, корпорации развития территорий.

DOI: 10.18500/1994-2540-2016-16-3-257-262

Введение

Теория современного государства утверждает, что функции государства эволюционируют от принуждения в сторону сотрудничества между тремя основными секторами экономики. Говорят о постепенной гуманизации государства под влиянием эволюции хозяйства, требующей все большей взаимопомощи и сотрудничества всех агентов экономики. Координация экономических связей, сотрудничество становится не одной из форм конкуренции, а равноправным механизмом регулирования хозяйственной деятельности. В основе сотрудничества лежит принцип учета интересов всех заинтересованных сторон, его соблюдение является основой устойчивого развития страны. Необходимость рассмотрения сотрудничества властных и предпринимательских структур в рамках реализации федеральных целевых программ обосновано тем, что с их помощью достигаются приоритеты социально-экономического развития страны. Целевые программы являются одним из важнейших инструментов решения социально-экономических задач в государстве. Программно-целевой подход используется и в государственном управлении, и в бизнес-планировании. В государственном управлении он применяется при разработке комплексных целевых программ, долгосрочных и среднесрочных планов. Понятие «целевая программа» использовалось еще в советской экономике под названием «целевая комплексная программа», которая представляла собой исходную категорию программно-целевого планирования

и управления. В бюджетном планировании Российской Федерации программно-целевой подход стал активно применяться начиная с 2000-х гг.

Теоретический анализ

Эффективное сотрудничество/взаимодействие властных и предпринимательских структур в рамках отношений «власть – бизнес – общество» зависит от наличия развитой институциональной структуры. Она включает институты, методы и механизмы реализации взаимодействия власти, бизнеса и общественных организаций, которые приведены ниже:

«– институты реализации взаимодействия власти, бизнеса и общественных организаций (институт государственного законодательного и договорного регулирования, институт частногосударственного партнерства, институт информационной прозрачности и контроля, институт реализации социальных проектов и др.);

– методы реализации взаимодействия власти, бизнеса и общественных организаций (трехсторонние соглашения, лоббирование, GR-менеджмент, мотивация, государственный заказ, осуществление отдельных государственных функций, конкурсные методы, участие в координационных, наблюдательных, экспертных советах и др.);

– механизмы реализации взаимодействия власти, бизнеса и общественных организаций (коллективные переговоры, взаимные консультации, мониторинг законодательства, поддержка партий и общественных движений, концессии, лизинг, аренда, конкурсы грантов, социальных проектов, корпоративные фонды, программы пожертвований, стипендии и др.» [1].

В настоящее время под целевой программой понимается система мероприятий, направленных на решение определенных целей и задач в установленные сроки и с установленным ресурсным обеспечением для достижения определенных показателей исполнителями программы, учитывающая интересы всех заинтересованных в реализации программы сторон.

Процесс разработки проекта и утверждения целевой программы состоит из нескольких этапов:

– выбор проблемы, разработка проекта концепции целевой программы и подготовка проекта правовых актов об утверждении концепции и разработке целевой программы;

– разработка целевой программы;

– согласование и экспертиза проекта целевой программы;

– рассмотрение и утверждение целевой программы в установленном действующим законодательством порядке.

Целевая программа может включать в себя несколько подпрограмм, направленных на решение конкретных задач в рамках программы. Например, Федеральная целевая программа «Развитие транспортной системы России (2010–2020 гг.)» включает восемь подпрограмм: «Развитие экспорта транспортных услуг»; «Автомобильные дороги»; «Морской транспорт»; «Внутренний водный транспорт»; «Гражданская авиация»; Расходы общепрограммного характера по федеральной целевой программе «Развитие транспортной системы России (2010–2020 годы)»; «Государственный контроль и надзор в сфере транспорта» и «Железнодорожный транспорт». Федеральная целевая программа состоит из шести разделов:

Раздел 1. Характеристика проблемы, на решение которой направлена целевая программа.

Раздел 2. Основные цели и задачи целевой программы с указанием сроков и этапов ее реализации, а также целевых индикаторов и показателей.

Раздел 3. Перечень программных мероприятий.

Раздел 4. Обоснование ресурсного обеспечения целевой программы.

Раздел 5. Механизм реализации целевой программы, включающий в себя механизм управления программой и механизм взаимодействия государственных заказчиков.

Раздел 6. Оценка социально-экономической и экологической эффективности целевой программы [2].

Взаимоотношения с бизнесом должны прописываться в четвертом разделе целевой программы, который должен содержать обоснование ресурсного обеспечения, сроки и источники финансирования. Кроме того, «раздел должен включать в себя обоснование возможности привлечения (помимо средств федерального бюджета) внебюджетных средств и средств бюджетов субъектов Российской Федерации для реализации программных мероприятий и описание механизмов привлечения этих средств» [2].

Федеральные целевые программы в Российской Федерации разрабатываются согласно действующему Порядку разработки и реализации федеральных целевых программ и межгосударственных целевых программ, в осуществлении которых участвует Российская Федерация (далее Порядок). Порядок утвержден Постановлением Правительства Российской Федерации от 26 июня 1995 г. № 594 «О реализации федерального закона “О поставках продукции для федеральных государственных нужд”» (в настоящее время действует редакция от 03.12.2014) [3]. Основные требования

к пятому разделу целевой программы изложены в разделе VII Постановления Правительства Российской Федерации от 25 декабря 2004 г. № 842 «О внесении изменений в порядок разработки и реализации федеральных целевых программ и межгосударственных целевых программ, в осуществлении которых участвует Российская Федерация».

Программы финансируются за счет бюджетных средств и внебюджетных источников, привлекаемых для выполнения этих программ. К внебюджетным источникам, привлекаемым к выполнению федеральных целевых программ, «могут относиться средства, получаемые за счет взносов участников реализации программ: министерств и ведомств Российской Федерации, республик в составе Российской Федерации, краев, областей, автономных образований, городов Москвы и Санкт-Петербурга, предприятий и организаций, государств-членов СНГ, зарубежных инвесторов, заинтересованных в реализации программы (или ее частей), а также отчислений от прибыли предприятий, кредитов банков и других поступлений» [4].

Внебюджетное финансирование предусмотрено в рамках большинства федеральных целевых программ. Оно не предусматривается только программами, имеющими определенную специфику (например, Федеральная целевая программа «Развитие уголовно-исполнительной системы (2007–2016 годы)»).

В Перечень федеральных целевых программ и федеральных программ развития регионов, предусмотренных к финансированию из федерального бюджета на 2015 г., входят 46 программ [5]. Программы разработаны по семи основным направлениям: «Развитие социальной инфраструктуры»; «Развитие транспортной инфраструктуры»; «Новое поколение»; «Безопасность и экология»; «Развитие науки и технологий»; «Развитие регионов»; «Развитие государственных институтов». Практически во всех субъектах Федерации разработаны и реализуются региональные программы.

Инструментами привлечения бизнеса к разработке и реализации целевых программ являются: совместная разработка стратегий развития территорий; соглашения о социально-экономическом сотрудничестве компаний с властью; региональные институты развития (корпорации развития территорий и агентства); общественные и координационные советы при органах власти; государственные контракты; государственные гарантии; налоговые льготы и преференции; особые экономические зоны; реализация социально-значимых инвестиционных проектов; субсидирование; отсрочка платежей и др.

Результаты

Привлечение бизнеса к реализации целевых программ осуществляется по двум направлениям: выполнение коммерческими организациями государственных контрактов и привлечение средств инвесторов к реализации целевых программ в качестве внебюджетных источников. Ключевую роль в реализации ФЦП развития регионов и иных ФЦП, которые в настоящее время построены по региональному признаку, призваны играть региональные институты развития в виде корпораций развития территорий (далее – КРТ) и агентств. Смысл создания КРТ состоит в том, чтобы построить систему взаимоотношений между органами власти и управления, инвесторами, подрядчиками, собственниками и арендаторами недвижимости, населением территории, которая бы максимально способствовала привлечению инвестиций, осуществлению различных проектов развития с учетом и согласованием интересов различных сторон. Причем чиновники должны выступать лишь одной из сторон в данном партнерстве. КРТ свойственна такая структурно-организационная схема, при которой каждое ее подразделение – это функционально самостоятельный инвестор и девелопер.

Данные структуры более пятидесяти лет активно используются в США. В России корпорации развития территорий создаются в соответствии со Стандартом Агентства стратегических инициатив начиная с 2007 г. Самая первая региональная корпорация, ОАО «Корпорация развития Калужской области», возникла на основании приказа Министерства экономического развития Калужской области № 1292-п от 28 ноября 2007 г. На сегодняшний день создано уже более 40 корпораций развития территорий почти в половине субъектов Российской Федерации. В 22 из 40 созданных корпораций учредителем является субъект Российской Федерации.

В рамках деятельности корпораций развития территорий и агентств предусмотрено взаимодействие с инвесторами и оказание консультативной помощи, а также предоставление налоговых льгот, преференций и государственных гарантий для инвесторов на определенной территории.

На наш взгляд, потенциал корпораций развития территорий в разработке и реализации целевых программ в настоящее время используется не в полную силу. Сами КРТ рассматривают целевые программы как источники финансирования. В качестве примера приведем данные из стратегии развития ОАО «Корпорация развития Камчатского края», в которой указываются потенциальные источники федерального финансирования и проводится их группировка по вероятности использования (табл. 1) [6].

Таблица 1

**Источники привлечения федерального финансирования проектов
ОАО «Корпорация развития Камчатского края»**

Наиболее перспективные источники федерального финансирования	Потенциально интересные в перспективе источники федерального финансирования	Наименее интересные в качестве источников федерального финансирования
Программа развития малого и среднего предпринимательства	ГП «Развитие рыбохозяйственного комплекса»	ГП «Развитие физической культуры и спорта»
ФЦП «Развитие внутреннего и въездного туризма»	ФЦП «Экономическое и социальное развитие Дальнего Востока и Байкальского региона»	ГП «Энергосбережение и повышение энергетической эффективности»
	ФЦП «Устойчивое развитие сельских территорий»	ГП «Охрана окружающей среды»
	ФЦП «Развитие водохозяйственного комплекса»	ФЦП «Жилище»
	ФЦП «Развитие транспортной системы»	ФЦП «Культура России»
	ФЦП «Повышение устойчивости жилых домов, основных объектов и систем жизнеобеспечения в сейсмических районах»	Фонд содействия реформированию ЖКХ
ОАО «Фонд развития Дальнего Востока и Байкальского региона»	Инвестиционный фонд Российской Федерации	
ОАО «РОСНАНО»	Фонд содействия развитию жилищного строительства	

Примечание. Сост. по [6].

Этот пример иллюстрирует наличие фактов взаимодействия КРТ с органами власти при реализации федеральных и региональных целевых программ, однако эти случаи носят единичный характер. Действующий Порядок не предусматривает мероприятий по привлечению региональных ин-

ститутутов развития к реализации целевых программ.

На наш взгляд, необходимо повысить сотрудничество органов власти и корпораций развития территорий в рамках целевых программ, с этой целью может быть предложен алгоритм взаимодействия, представленный в табл. 2.

Таблица 2

Алгоритм взаимодействия органов власти и корпораций развития территорий при разработке и реализации федеральных целевых программ

Этапы	Наименование действий
Этап 1	Правительство Российской Федерации совместно с заинтересованными органами власти и представителями корпораций развития территорий утверждает порядок отбора комплексных инвестиционных проектов, планируемых к реализации в рамках целевых программ
Этап 2	Инвесторы направляют свои предложения на рассмотрение в корпорации развития территорий
Этап 3	Корпорация развития территории рассматривает каждый проект согласно порядку отбора комплексных инвестиционных проектов, планируемых к реализации в рамках целевых программ, и формирует комплексные инвестиционные проекты
Этап 4	Корпорация развития территории направляет сформированные комплексные инвестиционные проекты на согласование в органы власти субъектов Российской Федерации
Этап 5	Органы власти субъектов Российской Федерации формируют свои предложения по проектам с учетом средств консолидированных бюджетов субъектов и направляют их государственному заказчику-координатору (государственному заказчику) целевой программы
Этап 6	Государственный заказчик-координатор (государственный заказчик) формирует отраслевые федеральные целевые программы по региональному принципу с учетом всех представленных материалов и направляет их на согласование в заинтересованные федеральные органы исполнительной власти
Этап 7	Правительство Российской Федерации утверждает федеральную целевую программу после согласования со всеми заинтересованными сторонами, с учетом интересов корпораций развития территорий

Использование данного алгоритма позволит более полно задействовать потенциал региональных институтов развития в виде КРТ и агентств для выполнения целевых программ.

Анализ зарубежного опыта использования корпораций развития территорий в части реализации целевых программ позволил выделить две применяемые схемы взаимодействия. В первом случае при государственном заказчике-координаторе программы создается координационный совет с участием представителей бизнеса, куда входят корпорации развития территорий; целевые программы формируются на основе комплексных инвестиционных проектов. Во втором случае целевые программы управляются с помощью госкорпораций, которые сочетают в себе функции управления целевой программой регионального экономического развития и осуществление производственной деятельности. На наш взгляд, в России применима первая схема сотрудничества, для этого необходимо создание координационных советов при государственном заказчике-координаторе целевой программы.

В настоящее время при органах федеральной и региональной власти создаются совещательные структуры. Однако на практике представители бизнеса не привлекаются к работе большинства указанных структур (их участие предусмотрено лишь в 6 из 19 федеральных министерств).

Более того, анализ действующего Порядка разработки и реализации федеральных целевых программ и межгосударственных целевых программ показывает недостаточную проработанность процедуры привлечения бизнеса на этапе разработки программы. Порядок не включает представителей бизнеса даже в состав участников целевой программы.

Анализ существующих проблем методического и практического характера в области сотрудничества власти и бизнеса при реализации целевых программ позволил предложить следующие меры:

– создание координационных советов при каждой целевой программе, в состав участников которых войдут представители бизнеса;

– вовлечение бизнеса на этапе разработки целевых программ;

– активное привлечение региональных институтов развития в виде корпораций развития территорий и агентств к разработке и реализации целевых программ;

– стандартизация отношений «власть – бизнес – общество» с помощью алгоритма взаимодействия власти и региональных институтов развития при разработке целевых программ.

В условиях сокращения бюджетного финансирования по программам, в условиях ожидаемой стагнации экономики и бюджетного дефицита актуальность разработки проблемы привлечения бизнеса к реализации целевых программ будет повышаться.

Список литературы

1. Кузнецова О. Б. Комплексная модель взаимодействия власти, бизнеса и общественных организаций в стратегии развития региона. URL: <http://umc.gu-unpk.ru/umc/arhiv/2006/1/Kuznecova.doc> (дата обращения: 17.05.2015).
2. Федеральные целевые программы : [сайт]. URL: <http://www.programs-gov.ru> (дата обращения: 20.05.2015).
3. Порядок разработки и реализации федеральных комплексных программ и межгосударственных целевых программ, в осуществлении которых участвует Российская Федерация. 1992–2015. Доступ из справ.-правовой системы «КонсультантПлюс».
4. Батаева Б. С., Айрапетян Л. Н. Взаимодействие властных и предпринимательских структур в ходе разработки и реализации целевых программ // Управление экономическими системами : электр. науч. журнал. URL: <http://uecs.ru/marketing/item/3390-2015-03-04-12-48-17>(дата обращения: 27.05.2015).
5. Департамент государственных целевых программ и капитальных вложений Минэкономразвития России : [сайт]. URL: <http://fcp.economy.gov.ru/cgi-bin/cis/fcp.cgi/Fcp/FcpList/Full/2015> (дата обращения: 27.05.2015).
6. ОАО «Корпорация развития Камчатского края» : [сайт]. URL: <http://www.krkk.pro/> (дата обращения: 20.05.2015).

Cooperation between Business and Government in the Development and Implementation of Targeted Programs

B. S. Bataeva

Financial University under the Government of the Russian Federation, 49, Leningradsky ave., Moscow, 125993, Russia
E-mail: b.bataeva@gmail.com

L. N. Airapetyan

Financial University under the Government of the Russian Federation, 49, Leningradsky ave., Moscow, 125993, Russia
E-mail: liana_sochi@list.ru

Introduction. Within this article practice of interaction of the power and business during the developing and implementation of federal target programs by means of which priorities of social and economic development of the country are reached is considered. Target programs are one of the most important tools of the solution of social and economic tasks in the state. **Theoretical analysis.** Program and target approach is used both in a state administration, and in business planning. In a state administration it is used when developing comprehensive target programs, long-term and medium-term plans. The concept «target program» was used in the Soviet economy under

the name «target comprehensive program» which represented initial category of program and target planning and management. In budget planning of the Russian Federation program and target approach began to be applied actively, since 2000. Now the target program is understood as system of the actions directed on the solution of definite purposes and tasks in established periods and with the established resource providing for achievement of certain indicators by performers of the program, and considering interests of all parties interested in implementation of the program. **Results.** Need of use of Territory Development Corporations at implementation of target programs is proved. Measures for coordination of interaction of Territory Development Corporations with authorities during the developing and implementation of target programs are offered.

Key words: targeted programs, the interaction between business and government, Regional Development Corporations.

References

1. Kuznetsova O. B. *Kompleksnaia model' vzaimodeistviia vlasti, biznesa i obshchestvennykh organizatsii v strategii razvitiia regiona* (Complex model of interaction of the power, business and public organizations in strategy of development of the region). Available at: <http://umc.gu-unpk.ru/umc/arhiv/2006/1/Kuznetsova.doc> (accessed 17 May 2015).
2. *Federal'nye tselevye programmy* (Federal target programs. Site). Available at: <http://www.programs-gov.ru> (accessed 20 May 2015).
3. Poriadok razrabotki i realizatsii federal'nykh kompleksnykh programm i mezhgosudarstvennykh tselevykh programm, v osushchestvlenii kotorykh uchastvuet Rossiiskaia Federatsiia. 1992–2015 (An order of development and implementation of federal comprehensive programs and interstate target programs in which implementation the Russian Federation participates. 1992–2015). *ATP «Consultant»* [electronic resource].
4. Batayeva B. S., Ayrapetyan L. N. *Vzaimodeistvie vlastnykh i predprinimatel'skikh struktur v khode razrabotki i realizatsii tselevykh programm* (Interaction between business and government in the development and implementation of targeted programs). *Upravlenie ekonomicheskimi sistemami : elektr. nauch. zhurnal* (Management of economic systems. Scientific electronic journal). Available at: <http://uecs.ru/marketing/item/3390-2015-03-04-12-48-17> (accessed 27 May 2015).
5. Departament gosudarstvennykh tselevykh programm i kapital'nykh vlozhenii Minekonomrazvitiia Rossii (Department of the state target programs and capital investments of the Ministry of Economic Development of the Russian Federation. Site). Available at: <http://fcp.economy.gov.ru/cgi-bin/cis/fcp.cgi/Fcp/FcpList/Full/2015> (accessed 27 May 2015).
6. OAO «Korporatsiia razvitiia Kamchatskogo kraia» (Corporation of the Kamchatka territory. Site). Available at: <http://www.krkk.pro/> (accessed 20 May 2015).

УДК 332.1

ИННОВАЦИОННОЕ РАЗВИТИЕ САРАТОВСКОЙ ОБЛАСТИ: АРГУМЕНТЫ «ЗА» И «ПРОТИВ»

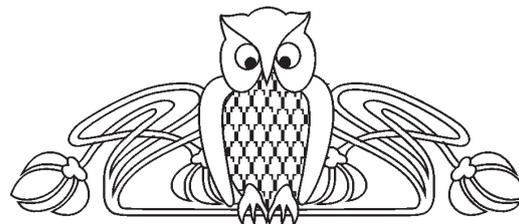
В. В. Гусев

кандидат экономических наук, доцент, доцент кафедры корпоративной экономики, Поволжский институт управления имени П. А. Столыпина – филиал РАНХиГС при Президенте РФ, Саратов
E-mail: vladgus2006@yandex.ru

Р. А. Осипов

старший преподаватель кафедры корпоративной экономики, Поволжский институт управления имени П. А. Столыпина – филиал РАНХиГС при Президенте РФ, Саратов
E-mail: osipov_r@mail.ru

Введение. В статье предлагается рассматривать инновацию не просто как фактор экономического развития, а как инструмент разрешения сложнейших противоречий и преодоления ограничений, которые иными способами преодолеть невозможно. **Теоретический анализ.** В процессе развития экономических систем в них формируются консервативные структуры, которые это развитие останавливают. В статье выдвигается гипотеза о том, что подобные противоречия не разрешимы структурами самой экономической системы. И сами противоречия, и порождаемые ими ограничения могут быть преодолены только за счёт внешних инноваций. **Эмпирический анализ.** Через

призму предложенной модели инновационного процесса рассматривается экономическая эволюция Саратовской области. Путём приведения различных аргументов даётся оценка состояния инновационного процесса в Саратовской области на современном этапе. **Результаты.** Делается вывод о формировании в экономической системе Саратовской области комплекса неразрешимых противоречий: деформация отраслевой структуры, неопределённое место региона в общероссийской системе разделения труда, отсутствие государственных ресурсов, непривлекательность региона у инвесторов, низкое качество управления регионом. По мнению авторов, разрешение противоречий и преодоление порождаемых ими ограничений возможно только за счёт внешних инноваций.

Ключевые слова: инновационное развитие региона, экономический рост, эволюция (динамика), противоречия развития экономической системы, ограничения экономического роста.

DOI: 10.18500/1994-2540-2016-16-3-262-268

Введение

Понятие «инновации» в экономическую теорию ввёл австрийский экономист, автор теории экономического развития Йозеф Шумпетер. Он определил его как наиважнейшее во всей экономической теории. По мнению Й. Шумпетера, именно инновации обеспечивают экономический рост [1, с. 34]. В условиях жёсткой конкуренции на рынке способность генерировать инновации становится не просто вопросом экономического развития, а выживания предприятий в долгосрочной перспективе. Опоздание с переходом на новый технологический уклад может закрепить, а затем и усилить разрыв между развитыми и отстающими странами, регионами, обществами. Зачастую вопрос экономического роста и инноваций, обеспечивающих этот рост, становится вопросом выживаемости и национальной безопасности. Считаем, что имеет право на существование гипотеза о том, что инновации обеспечивают динамику экономического развития через разрешение противоречий и преодоление ограничений. В статье поставлена цель – исследовать данный процесс на примере инновационного развития Саратовской области.

Теоретический анализ

На наш взгляд, целесообразно предложить гипотезу о том, что инновационная деятельность не просто влияет на развитие экономики отдельных предприятий, регионов, страны в целом, но и способна разрешать сложнейшие противоречия экономического развития. Как показывает опыт, развитие производства сталкивается с рядом ограничений и противоречий. Ряд подобных ограничений преодолеть невозможно. Тогда перед экономической системой (будь то отдельная коммерческая организация или экономика целой страны) на пути её развития возникает проблема выбора: остановиться или разрешить противоречия таким подходом, который уже никак не связан со сложившейся экономической системой. Если действовать в рамках сложившейся системы, то невозможно добиться положительных результатов. Сама система (её структура, ресурсы, внутренняя среда) не может разрешить сложившиеся противоречия и устранить возникшие ограничения. Решение проблемы можно найти только вовне системы, например, предложив новую технологию или новый технологический уклад.

Так, противоречие между исчерпаемостью углеводородов и необходимостью сохранения достигнутого уровня качества жизни в странах Персидского залива разрешается за счёт создания районов инновационной жилой недвижимости и инновационных объектов рекреации: это и жилые

районы со всей необходимой инфраструктурой на искусственных песчаных островах в Персидском заливе, и горнолыжные курорты в условиях жаркого климата, и гольф-поля в пустынях. Другой пример: буржуазные реформы Александра II, кроме выдающихся результатов, породили и ряд побочных явлений, создавших реальные ограничения для развития экономики. Значительные ресурсы (средства производства, капитал) концентрировались в руках зарождавшейся буржуазии, земля же осталась в собственности дворян, крестьяне получили только свободу. Труд, капитал, земля – эти важнейшие экономические факторы, оказавшиеся в разных руках, привели к ограничениям в развитии сельского хозяйства, которое не могло удовлетворить потребностей растущей промышленности. Реформы П. А. Столыпина разрешают эти противоречия. И таких примеров можно приводить очень много, все они подтверждают, что инновационная деятельность не просто является фактором развития экономической системы. Инновации спасают экономическую систему от собственных противоречий, ведущих к стагнации. Примером значения инноваций в динамике экономической системы может служить развитие экономики Саратовской области.

Эмпирический анализ

Чтобы понять эволюцию экономической специализации Саратовской области, необходим краткий исторический экскурс. Империя Золотой Орды концентрировала в своих границах огромные территории, которые были соединены друг с другом торговыми путями. Часть этих торговых путей становится основой для роста богатства московских князей. При приобретении Московским государством независимости платой за свободу становится утрата со стороны Москвы контроля над теми самыми торговыми путями, которые и были для неё источником могущества. С такими ограничениями Московское государство не могло существовать и развиваться. Для него жизненно важным условием было установление контроля за торговыми потоками из Персии в Европу через Великий Новгород. Для восстановления контроля был создан огромный логистический коридор. Результатом этой инновации стало появление ряда волжских городов, в том числе и Саратова. То есть экономическая система Поволжья изначально сформировалась как транзитная экономика, как система обеспечения движения товаров по Волжскому пути [2, с. 262].

Транспорт становится отраслью специализации всего Поволжья. Охрана перевозки товаров на долгое время станет главной функцией волжских городов. Важной (особенно учитывая

длительный зимний период) инновацией для Московского государства становится технология консервирования продуктов. Распространение консервирования повышает спрос на поваренную соль и приводит к росту благосостояния тех регионов, которые связаны с добычей соли. Разработка соляных месторождений на озёрах Эльтон (Саратовская губерния) и Баскунчак (Астраханская губерния) превращает сначала Самару, затем Саратов и Царицын в крупные перевалочные центры. Соляная торговля и транспортировка соли усиливают транзитный характер саратовской экономики. Однако хозяйства, которые занимаются транзитом, тоже нуждаются в снабжении различными товарами. Если все товары привозятся со стороны, это вызывает высокие затраты по снабжению и становится серьёзным ограничением в развитии экономической системы. Поэтому степень транзитности экономики не может превышать некоторых пороговых значений. Инструментом преодоления сложившихся ограничений стало развитие товарного рыбного промысла.

Сложившаяся в Поволжье экономика к XVIII в. достаточно эффективно выполняла свою функцию – торговый путь работал, его безопасность обеспечивалась, но не полностью. Поскольку российскими властями контролировались только территории вдоль Волги, то всегда существовала угроза кочевых набегов со стороны огромных степных и лесостепных пространств. Возникла острая необходимость в повышении безопасности Волжского пути. Но в сложившихся обстоятельствах сделать это было невозможно. Решение, принятое Екатериной II, является ярким примером того, как ограничения развития, непреодолимые возможностями самой экономической системы, преодолеваются за счёт внешних инструментов, за счёт инструментов более высокого уровня. Своим указом Екатерина II высылает в Поволжье раскольников и приглашает иностранцев, прежде всего немцев. Одна инновация влечёт за собой другую, которая долгое время будет определять структуру в целом всей волжской и, в частности, саратовской экономики. Освоение огромных территорий, возникновение и развитие сельского хозяйства, вытеснение кочевых народов с их традиционным кочевым укладом, развитие оседлого хозяйства с мощным растениеводством не только снимают угрозу набегов на Волжский торговый путь, но кардинально изменяют структуру экономики региона. Она в очень значительной степени перестаёт быть транзитной и начинает опираться на местные ресурсы. Это пример того, как инновация может изменить вектор развития [3, с. 126].

Развитие сельского хозяйства на только что освоенных пионерных территориях сразу ограничивается серьёзными барьерами. Возникающие хозяйства вынуждены вести комплексное натуральное производство. В рамках одной хозяйственной единицы должны были реализовываться все этапы всего цикла производства – от изготовления орудий труда до переработки сырья в готовые продукты питания. Низкий уровень специализации, конечно же, становился серьёзным ограничением в росте производительности труда. Низкий уровень диверсификации, комплексности экономики должен был компенсироваться высоким уровнем комплексности самих хозяйств, но в результате этого снижалась их эффективность. Такое противоречие нуждается в разрешении, и решение происходит за счёт инноваций. В конце XVIII в. вокруг аграрного производства начинают складываться смежные промышленные отрасли. Появляются канатные фабрики, винокуренные заводы, кожевенные мастерские. Развитием зернового хозяйства порождается мукомольное производство. В начале XIX в. в различных уездах Саратовской губернии получают развитие кустарные промыслы.

Процесс формирования агропромышленного комплекса в направлении максимально полной завершенности продолжается и в XIX в. Это был естественный и постепенный процесс обрастания сельского хозяйства как центрального элемента отраслями сначала пищевой промышленности, а затем и сельскохозяйственного машиностроения. Зарождение саратовского машиностроения связано с появлением предприятий по ремонту машин, изготовлению комплектующих для мельниц, паровозов, маслобойных и винокуренных заводов, а также земледельческих орудий.

Несмотря на видимую гармоничность, комплексность саратовской экономики, в ней всё равно проявляются противоречия, порождающие ограничения для развития. В основе противоречий лежит взаимодействие между сельским хозяйством и пищевой промышленностью. Развитие пищевой промышленности делает существование натуральных хозяйств невозможным. Если сельскохозяйственное сырьё перерабатывается в продукты питания промышленным способом, то его производство должно быть массовым и товарным. Но для достижения высоких оборотов в сельском хозяйстве должны развиваться такие процессы, как механизация, а позже, с появлением электричества, – электрификация, а затем и автоматизация производства. Всё это возможно только при наличии комплексного, многоотраслевого, глубоко эшелонированного машиностроения. Машиностроительный комплекс должен

включать в себя отрасли, производящие не только машины для сельского хозяйства, но и станки и оборудование для самого машиностроения. В то же время достаточно долго машиностроение Саратовской губернии не производит не только машины для машиностроения, но и машины для сельского хозяйства. Предприятия занимаются лишь ремонтом, обслуживанием завезённых агрегатов и производством комплектующих. По объёму товарной продукции и доле основных фондов пищевая промышленность доминирует над машиностроением. Но это доминирование пагубно для самой пищевой промышленности, поскольку именно оно является причиной низкого уровня товарности сельхозпроизводителей и дефицита сельскохозяйственного сырья. Доминирование пищевой промышленности в отраслевой структуре саратовской экономики становится причиной невозможности дальнейшего развития пищевой промышленности – ситуация несколько парадоксальная. Разрешение противоречия кроется в изменении отраслевой структуры экономики Саратовского региона. Но речь идёт не о том, чтобы кроме транспорта, сельского хозяйства и машиностроения появилась ещё одна некоторая важная отрасль, а об изменении соотношения между отраслями в пользу машиностроения [4, с. 118–119].

Это изменение происходит в течение тридцати лет, с 1897 по 1927 г. В 1897 г. на пищевую промышленность приходится 80% всех основных фондов саратовской экономики [4, с. 118]. Но в следующие годы происходят постепенные изменения. В городах Балаково, Марксе, Энгельсе и Саратове появляются предприятия по производству дизелей, тракторов и комбайнов. Развитие сельскохозяйственного машиностроения позволяет резко повысить механизацию сельского хозяйства. В следующем периоде, с 1927 по 1940 г., Саратовская область по уровню механизации сельского хозяйства выходит на уровень самых развитых стран мира. Благодаря механизации села начинается ширококомасштабное освоение заволжских степей. Создаются государственные лесополосы. На смену степному скотоводству приходят зерновое хозяйство, овощеводство, молочное скотоводство.

Механизация сельского хозяйства только на основе сельскохозяйственного машиностроения невозможна. Вопрос о создании глубоководного машиностроения с отраслями, которые производят машины для машиностроения, возник давно, ещё в XIX в., но к 1940-м гг. его уже невозможно было не решать. И действительно, в период с 1927 по 1940 г. в Саратовской области появляются литейная, металлообрабатывающая,

станкостроительная отрасли. Создаются базовые отрасли, которые являются таковыми не только для сельскохозяйственного машиностроения, но и для машиностроения вообще. Появляется возможность для развития отраслей, не имеющих аграрной ориентации. Но и сам аграрный комплекс уже не может функционировать в условиях аграрной ориентации, которая становится губительной для самого аграрного комплекса. А всё дело в том, что экономика, выстроенная в виде триады «машиностроение – сельское хозяйство – пищевая промышленность», уже не может функционировать, поскольку не имеет энергетической базы. Нужна радикальная инновация, и она происходит – появляются отрасли, далёкие от сельского хозяйства: электроэнергетика, топливная и химическая промышленность, нефтехимия.

С той или иной долей истины можно говорить о недооценённости фактора случайности (кризиса, катастрофы) в развитии экономической системы. В теории катастроф данному фактору отводится место основной причины эволюции. После катастрофы доминирующие структуры сходят со сцены. Периферийные, слабо развитые структуры получают шанс для доминирования. В условиях кризиса ограничения становятся уже не ограничениями развития, а ограничениями выживания. И возникают они резко, не оставляя времени на принятие решений, и кажутся непреодолимыми. Соответственно, и инновации, направленные на преодоление ограничений, должны быть резкими и радикальными. Такие изменения могут приводить к серьёзному изменению структуры экономической системы, к её деформации. В дальнейшем это может вызвать появление новых противоречий и новых ограничений, которые способны проявляться на длительном отрезке времени и даже самовоспроизводиться [5, с. 45].

Во время Великой Отечественной войны в Саратов эвакуируется несколько производств, большинство из которых были предприятиями электротехники и авиастроения. Комбайновый завод перепрофилируется на выпуск самолётостроителей. Размещению предприятий такого рода способствует тыловое положение Саратовской области, удобное транспортное положение, близость к металлургическим и угольным базам и машиностроительным центрам, т.е. все та же транзитная особенность области. Все это происходит в ущерб развитию сельскохозяйственного машиностроения и пищевой промышленности.

Формируется иная структура экономической системы Саратовской области, в основе которой лежит ориентация не просто на промышленное производство, а на промышленное производ-

ство, никак не связанное с сельским хозяйством. При этом сельскохозяйственное и транспортное машиностроение приобретает черты фрагментарности и незавершенности. Великая Отечественная война становится своеобразной «точкой бифуркации», после которой развитие экономики региона переходит на принципиально другую траекторию, более высокого порядка. Резкому структурному сдвигу способствует наличие в прежней структуре потенциальной возможности смены направлений в виде транзитных особенностей положения области и наличия базовых отраслей машиностроения.

В некоторой степени новые отрасли машиностроения являются чуждыми, транзитными для саратовской экономики. Они опираются на внешние ресурсы и тесно связаны с предприятиями других регионов. Этим они похожи на соляной промысел, на обеспечение работы Волжского торгового пути. Будучи чуждыми для Саратовской области, эти отрасли машиностроения входят в противоречие с традиционной отраслевой структурой региона. Суть этого противоречия – отсутствие взаимодействия. Новые отрасли машиностроения внутри саратовской экономики оказываются в одиночестве. В частности, они фактически лишены ресурсного обеспечения со стороны предприятий Саратовской области, в регионе недостаточно строительных материалов на возведение корпусов, фиксируется низкий уровень энергообеспеченности производств. Ответом на ограничения становится период с 1950 по 1960 г., за который в отраслевой структуре экономики Саратовской области кардинально возрастает доля промышленности строительных материалов и электроэнергетики. С одной стороны, складывается комплекс отраслей, которые уже не имеют аграрной ориентации, с другой – повышается комплексность и снижается уровень транзитности саратовской экономики: и электроэнергетика, и промышленность строительных материалов – исключительно местные отрасли, опирающиеся на региональные ресурсы.

«Инъекция» в виде электротехники, электроники и авиастроения была для Саратовской области не единственной. В период правления Н. С. Хрущёва Советский Союз резко меняет своё положение в международном разделении труда. Главный экспортный товар меняется с зерна на энергоносители. Формируются мощные потоки нефти и газа из Тюменской области (Ханты-Мансийский и Ямало-Ненецкий автономные округа) к западным и южным границам СССР. Через Саратовскую область прокладываются нефтепровод от г. Альметьевска в Татарстане (к Альметьевску подходит нефтепровод из Тюменской области)

до г. Новороссийска, газопровод «Средняя Азия – Центр» и даже аммиакопровод. Формируются новый логистический поток, который генерирует вокруг себя активы. В 1960–1970-е гг. на базе проходящих газо- и нефтепроводов формируется химическая промышленность, в Балаково, Энгельсе и Саратове возникают химические комбинаты. В Балаково также появляются заводы фосфорных удобрений и резинотехнических изделий. Заводы резинотехнических изделий строятся в Саратове и в Энгельсе. Лёгкая промышленность получает новый импульс развития уже на базе искусственного и синтетического сырья.

В целом природно-ресурсный потенциал Саратовской области неблагоприятен для развития в регионе топливно-энерго-химических отраслей: имеющихся нефтегазовых ресурсов явно недостаточно. Размещение таких отраслей обусловлено положением региона между топливно-энергетической базой на востоке и текстильными и швейными производствами (приуроченными к рынкам сбыта) на западе. И химия, по своей сути, так же как и большинство отраслей машиностроения, носит транзитный характер. Однако химическая промышленность могла бы и не получить такого мощного развития в Саратовской области, если бы до этого не были созданы электроэнергетика и промышленность строительных материалов. Сложившаяся структура: машиностроение, электроэнергетика, химия на первом месте и фрагментарное сельскохозяйственное машиностроение, пищевая промышленность и собственно само сельское хозяйство на втором – сохранится вплоть до начала 1990-х гг.

1990-е гг. можно считать таким же переломным пограничным этапом в развитии саратовской экономики, как и Великую Отечественную войну. Экономический кризис сказался, прежде всего, на военно-промышленных отраслях: радиоэлектронной, электротехнической, авиакосмической. Для большинства машиностроительных предприятий стала характерной переориентация со ставшего традиционным авиастроения на транспортное и сельскохозяйственное машиностроение. Еще более показательным является динамика пищевой промышленности. В 1990-е гг. серьезные капиталовложения, большую часть которых составляет финансирование федерального и областного бюджетов, были сделаны в пищевую промышленность. Статистические данные начала 2000-х гг. свидетельствуют о серьезных диспропорциях в аграрной тенденции саратовской экономики: пищевая промышленность на подъеме, сельское хозяйство и текстильная промышленность в кризисе, химия характеризуется стабильным положением.

Как мы видим на примере развития саратовской экономики, инновации становятся важнейшим фактором в разрешении противоречий и преодолении ограничений, которые невозможно и разрешить, и преодолеть по-другому. Таким противоречием на сегодняшний день являются неопределённость места Саратовской области в общероссийской системе разделения труда и низкий спрос на продукцию предприятий региона, небольшой удельный вес принципиально новых продуктов. Остаётся вопрос – какая инновация способна снять эти ограничения?

Существует распространённое мнение о том, что сам регион не способен предложить подобную инновацию. И один из аргументов в пользу данной точки зрения – существующие экономические условия, деиндустриализация 1990-х гг. и современный тренд на развитие сельского хозяйства и торговли в регионе. В результате проводимой политики деиндустриализации в 1990-е гг. регион утратил многие промышленные компетенции, сотни промышленных предприятий в отраслях машиностроения, электроники и электротехники разорились и ушли с рынка, многие были вынуждены перепрофилироваться и функционировать как девелоперские компании, сдавая производственные и офисные площади в аренду. Наиболее существенная утрата – банкротство ОАО «Саратовский авиационный завод», некогда процветавшего предприятия, производившего гражданские и военные самолеты, комплектующие для отечественной авиационной и аэрокосмической промышленности. На заводе в лучшие годы его деятельности работало свыше 20 тысяч человек, предприятие осуществляло мощное жилищное строительство, содержало медсанчасть для работников, финансировало деятельность многочисленных общеобразовательных и дошкольных учреждений, находящихся на балансе предприятия. Вместе с авиационным заводом разорились такие промышленные гиганты, как саратовские заводы зуборезных и зубострогальных станков, метизный завод, «Радон» в Марксе, «Прицеп» в Балашове, комбинат «Химволокно» в Энгельсе, многочисленные НИИ, КБ, проектные институты, не вписавшиеся в новые условия хозяйствования. Например, завод тяжелых зуборезных станков когда-то выпускал около 45 современных моделей станков, которые были оснащены системами ЧПУ фирмы SIEMENS (Германия) с использованием так называемой FM – технологии со свободно проектируемым интерфейсом. Основным конкурентом предприятия была американская фирма «Gleason», весь мировой рынок был фактически поделен между этими производителями, Китай

охотно закупал саратовские станки. В настоящее время в КНР делают свое оборудование, и вышеуказанные компетенции регионом утрачены [6, с. 36]. В полуразрушенном состоянии в настоящее время находятся предприятия «Тантал», «Элмаш», «Алмаз-Фазотрон», Радиоприборный завод, оборонный завод «Молот» в Петровске, постоянные сокращения персонала происходят на оборонных предприятиях «Контакт» и «Корпус». Деиндустриализация фактически привела к инновационному спаду в региональной экономике и в то же время к возврату её транзитного, торгового характера.

Результаты

Проведённый в статье теоретический и практический анализ подводит к выводу о том, что в экономической системе Саратовской области накопилось несколько противоречий, создающих серьёзные ограничения для её развития: неопределённость места региона в общероссийской системе разделения труда; низкий уровень спроса на продукцию местных предприятий; деформированность отраслевой структуры экономики; отсутствие значимых ресурсов; непривлекательность территории для инвесторов с точки зрения необходимости осуществления высоких затрат; низкий уровень качества управления и др. У региональной экономической системы нет ресурсов для разрешения сложившихся противоречий. Сегодня Саратовская область как никогда нуждается во внешних инновациях. На наш взгляд, подобной инновацией мог бы стать курс, привнесённый извне, федеральной властью, на новую индустриализацию саратовской экономики, на возрождение технологической базы и встраивание саратовских предприятий в промышленные цепочки сохранивших свой потенциал крупных корпораций и промышленных объединений.

Список литературы

1. Сухарев О. С. Эволюционная экономика, «неоклассика» и инновации : Й. Шумпетер, Я. Корнай и «эффект моды» в науке // Инвестиции в России. 2012. № 7 (210). С. 34–40.
2. Перцик Е. Н. Города мира : география мировой урбанизации : учеб. пособие для географических специальностей вузов. М. : Международные отношения, 1999. 384 с.
3. Осипов Р. А. Геосистемная парадигма как инновация в управлении регионом // Российское общество и государство : региональные потенциалы модернизации : материалы Всерос. науч.-практ. конф. : сб. науч. тр. Саратов : Поволжская академия государственной службы имени П. А. Столыпина, 2010. С. 124–126.

4. *Осинов Р. А.* Аграрный сектор в эволюции отраслевой структуры экономики региона (на примере Саратовской области) // *Никоновские чтения*. 2007. № 12. С. 117–120.
5. *Байда С. Е.* Природные, техногенные и биолого-социальные катастрофы : закономерности возникновения, мониторинг и прогнозирование. М. : ФГБУ ВНИИ ГОЧС (ФЦ), 2013. 198 с.
6. *Малый В. И., Гусев В. В.* Инновационность развития региона : взаимодействие государства, предприятий и университетов (на примере Саратовской области) // *Вестн. Том. гос. ун-та. Сер. Философия. Социология. Политология*. 2013. № 1 (21). С. 20–37.

Innovative Development of the Saratov Region: the Arguments «Pro» and «Contra»

V. V. Gusev

Stolypin Volga Region Institute of Administration of the Russian Presidential Academy of National Economy and Public Administration,
23/25, Sobornaya str., Saratov, 410031, Russia
E-mail: vladgus2006@yandex.ru

R. A. Osipov

Stolypin Volga Region Institute of Administration of the Russian Presidential Academy of National Economy and Public Administration,
23/25, Sobornaya str., Saratov, 410031, Russia
E-mail: osipov_r@mail.ru

Introduction. The article proposes to consider innovation not only as a factor of economic development, as well as a tool to resolve difficult conflicts and overcome the limitations that can not be overcome by other means. **Theoretical analysis.** In the process of development of economic systems they formed conservative structures that this development is stopped. The paper put forward the hypothesis that such contradictions are not solved structures of the economic system. And they themselves contradictions and limitations arising from them can be overcome only through external innovation. **Empirical analysis.** Through the prism of the proposed model of the innovation process is considered the economic evolution of the Saratov region. By bringing the various arguments given assessment of the innovation process in the Saratov region at the present stage. **Results.** It is concluded that the formation of the economic system in the Saratov region of the complex insoluble contradictions: the branch structure of the deformation, the uncertain position of the region in the nationwide system of division of labor, the lack of public resources, the unattractiveness of the region

for investors, low quality of regional management. According to the authors, the resolution of conflicts and overcoming the limitations posed by them is only possible at the expense of external innovation. **Key words:** innovative development of the region, economic growth, evolution (dynamics), contradictions of the economic system, limiting economic growth.

References

1. Sukharev O. S. Evoliutsionnaia ekonomika, «neoklasika» i innovatsii: I. Shumpeter, Ya. Kornai i «effekt mody» v nauke [Evolutionary economics, «neoclassical» and Innovation: Joseph Schumpeter, J. Kornai and «fashion effect» in science]. *Investitsii v Rossii* [Investments into Russia], 2012, no. 7 (210), pp 34–40.
2. Pertsik E. N. *Goroda mira: geografiia mirovoi urbanizatsii* [Cities: geography global urbanization. Textbook for universities geographical specialties]. Moscow, International Relations Publ., 1999. 384 p.
3. Osipov R. A. Geosistemnaia paradigma kak innovatsiia v upravlenii regionom [Geosystem paradigm as an innovation in the management of the region]. *Rossiiskoe obschestvo i gosudarstvo: regional'nye potentsialy modernizatsii* [Russian society and the state: the modernization of the regional potentials: materials of All-Russian scientific-practical conference. Collection of scientific works]. Saratov, Volga Region Academy for Civil Service named after P. A. Stolypin, 2010, pp. 124–126.
4. Osipov R. A. Agrarnyi sektor v evoliutsii otraslevoi struktury ekonomiki regiona (na primere Saratovskoi oblasti) [Agricultural sector in the evolution of the sectoral structure of the regional economy (on the example of the Saratov region)]. *Nikonovskie chteniia* [Nikonovsky readings], 2007, no. 12, pp. 117–120.
5. Baida S. E. *Prirodnye, tekhnogennye i biologo-sotsial'nye katastrofy: zakonomernosti vozniknoveniia, monitoring i prognozirovaniie* [Natural, technological and bio-social catastrophe: the law of occurrence, monitoring and forecasting]. Moscow, All-Russian Research Institute for Civil Defense and Emergency Situations of EMERCOM of Russia, 2013. 198 p.
6. Malyi V. I., Gusev V. V. Innovatsionnost' razvitiia regiona: vzaimodeistvie gosudarstva, predpriiati i universitetov (na primere Saratovskoi oblasti) [Innovative development of the region: the interaction of government, businesses and universities (on the example of the Saratov region)]. *Vestnik Tomskogo gosudarstvennogo universiteta* [Tomsk State University Journal. Ser. Philosophy. Sociology. Political science], 2013, no. 1 (21), pp. 20–37.

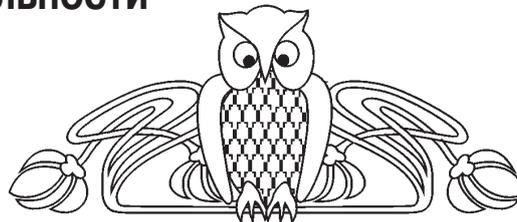

УДК 330

АКТУАЛЬНОСТЬ ИССЛЕДОВАНИЯ ЭКОНОМИЧЕСКОЙ БЕЗОПАСНОСТИ ПРЕДПРИЯТИЯ В УСЛОВИЯХ ГЛОБАЛЬНОЙ ЭКОНОМИЧЕСКОЙ НЕСТАБИЛЬНОСТИ

Т. В. Ромашкин

кандидат экономических наук, доцент кафедры экономической теории и национальной экономики, Саратовский национальный исследовательский государственный университет имени Н. Г. Чернышевского
E-mail: timurrom@yandex.ru

Введение. Тема экономической безопасности приобретает все большую актуальность в связи с весьма динамичными, противоречивыми тенденциями и событиями в современном мире. **Теоретический анализ.** Проблемы обеспечения экономической безопасности глобальны для нашей страны. Мировой финансовый кризис заставляет задуматься о формировании новой концепции экономической безопасности, что гарантирует независимость страны, ее стабильность, повышение качества жизни людей, развитие науки и технологий. Цель статьи – проанализировать национальную экономическую безопасность на всех уровнях хозяйствования и уделить особое внимание экономической безопасности предпринимательской деятельности, так как стабильность экономического развития государства напрямую зависит от экономической безопасности каждого предприятия. Принципиально важно раскрыть суть данной проблемы и связанные с ней вопросы, выявить реальные угрозы, предложить надежные и эффективные методы их решения. **Результаты.** Выявлена сущность и структура системы экономической безопасности. Исследованы институциональные аспекты обеспечения экономической безопасности на всех уровнях хозяйствования. Определены внутренние и внешние угрозы экономической безопасности предпринимательской деятельности и предложены пути их преодоления. Необходимо создание дискуссионной площадки для обсуждения вопросов обеспечения экономической безопасности России, что, в свою очередь, позволит не только выявить существующие проблемы, но и найти пути выхода их них.

Ключевые слова: экономическая безопасность, угрозы экономической безопасности, институциональная среда, риск, предпринимательская деятельность.

DOI: 10.18500/1994-2540-2016-16-3-269-275

Введение

Сегодня является очевидным, что экономическая безопасность – одна из важнейших составляющих системы обеспечения национальной безопасности. Основные положения Российской Федерации, которые относят к национальной безопасности, изложены в Стратегии национальной безопасности РФ до 2020 года, утвержденной Указом Президента РФ от 12 мая 2009 г. № 537 [1] и Концепции долгосрочного социально-экономического развития РФ на период до 2020 года, утвержденной распоряжением Правительства РФ от 17 ноября 2008 г. № 1662-р [2].

Основным моментом, который отражен в данных документах, является, в первую очередь, то, что Россия, несмотря на все трудности, смогла преодолеть последствия политического и социально-экономического кризиса конца XX в. Заключается это в восстановлении возможности по наращиванию конкурентоспособности, в увеличении уровня и качества жизни населения, в отстаивании национальных интересов страны и во многом другом.

Также стоит отметить реализацию государственной политики в области национальной обороны, укрепление системы обеспечения национальной безопасности. Необходимо подчеркнуть возрождение Российского государства, а именно укрепление духовности, идеалов, общих ценностей, таких как свобода, независимость, гуманизм, единство культур многонационального народа и др.

Успех в обеспечении экономической безопасности является одной из главенствующих проблем развития любого государства. Все ниши жизнедеятельности человека таят в себе риски, которые важно принимать во внимание. Считаем, что для исследования особенностей экономической безопасности важно отслеживать состояние экономики, экономические интересы личности, общества, государства, региона или предприятия, возможные внутренние и внешние угрозы и опасности.

Теоретический анализ

Исходя из широкого многообразия подходов к исследованию экономической безопасности, рассмотрим следующую ее классификацию.

1. *Финансовая безопасность* представляет собой состояние финансово-банковской системы, когда при определенных обстоятельствах государство гарантирует общеэкономические условия функционирования государственных учреждений власти и рыночных институтов, а также предупреждает и подавляет угрозы и обнаруживает слабые места всей системы. К

основным структурным звеньям финансовой безопасности России относятся: федеральный бюджет, бюджеты регионов, консолидированный бюджет, финансовый рынок, внутренний или внешний государственный долг, платежный баланс, финансы корпораций и домашних хозяйств.

2. *Энергетическая безопасность* – это один из разделов экономической безопасности, раскрывающий состояние топливно-энергетических отраслей. Под ее обеспечением находятся такие ситуации, как несвоевременное поступление товара (энергии) данных отраслей на рынок, что прерывает ход воспроизводства, останавливает работу компьютеров, Интернета, нарушает функционирование отраслей старой и новой экономики.

3. *Оборонная безопасность* характеризует состояние армии, и главное – готовность к отражению внешних угроз: количественного и качественного состава армии, ее структуры, боевой и моральной готовности, управляемости войск, взаимодействия различных родов войск, оборонных сооружений, обустройства границ, всех видов вооружения.

4. *Оборонно-промышленная безопасность* – это состояние военно-промышленного комплекса, а также его способность к поддержанию военной (оборонной) безопасности в неблагоприятный момент международной ситуации и при угрозах понижения геополитического статуса России.

В условиях нестабильности экономики экономическая безопасность рассматривается как важнейшая качественная характеристика экономической системы. Она позволяет определить способность поддерживать все необходимые условия жизнедеятельности населения, а также обеспечивать ресурсами народное хозяйство и реализовывать национально-государственные интересы.

В связи со сложившейся в России экономической ситуацией подчеркивают огромное значение экономической безопасности, которая основывается на взаимосвязи эффективной экономической деятельности, военной безопасности и защиты интересов общества.

Исходя из научных источников, выделим три главных элемента экономической безопасности:

– экономическую независимость, которая в современных условиях не обладает абсолютным характером;

– стабильность и устойчивость национальной экономики, проявляющаяся в защите собственности, создании надежных условий и гарантий для предпринимательской деятельности, сдерживании факторов возникновения неблагоприятных ситуаций в развитии предприятия;

– способность к саморазвитию и прогрессу, что является особенно важным в современном развивающемся мире.

Система экономической безопасности – это состояние функционирования и развития социально-экономической системы общества, а также отдельных ее субъектов.

Состояние функционирования и развития экономической системы и ее структурных компонентов с точки зрения экономической безопасности характеризуется следующими параметрами:

- объединение динамичности и стойкости;
- эффективность;
- защищенность от внутренних и внешних негативных влияний;
- противодействие механизма экономическим угрозам;
- соблюдение оптимального баланса интересов экономических субъектов.

Структура системы экономической безопасности состоит из семи блоков:

1) концепция экономической безопасности: национальные интересы; угрозы безопасности; обеспечение экономической безопасности;

2) интересы в сфере экономики: способность экономики функционировать в режиме расширенного воспроизводства; повышение благосостояния народа и качества жизни; единство и устойчивость финансово-банковской системы и др.;

3) угрозы в сфере экономики: утеря производственного потенциала; низкая инновационная и инвестиционная активность; низкая конкурентоспособность продукции; внешние долги;

4) индикаторы экономической безопасности (существует около 150 показателей): уровень и качество жизни; темп инфляции; экономический рост; внешний долг; деятельность «теневой экономики»; структура собственности; налоговая система;

5) пороговые значения экономической безопасности: объем валового внутреннего продукта; доля в ВВП инвестиций в основной капитал; уровень инфляции; внешний и внутренний долг;

6) организация экономической безопасности: организационные структуры обеспечения экономической безопасности; управление экономической и социальной безопасности; федеральные органы, которые отвечают за экономическую безопасность;

7) правовое обеспечение экономической безопасности: закон о безопасности; закон о промышленной безопасности; указ Президента РФ о стратегиях экономической безопасности.

Экономическую безопасность следует рассматривать, в первую очередь, как систему взаи-

моотношений всех ее уровней – начиная от глобального, национального, уровня отдельно взятой хозяйственной структуры и до отдельного индивида.

Международную экономическую безопасность, безопасность глобального порядка, можно трактовать как состояние мировой экономики, сопровождающееся взаимовыгодным сотрудничеством стран в решении национальных и международных проблем хозяйствования, свободным выбором и осуществлением ими запланированного социально-экономического роста. Для обеспечения международной экономической безопасности мировым сообществом была создана система международных экономических организаций: ВТО, МВФ, ФАО, МБРР, Международная организация по противодействию отмыванию доходов, полученных от незаконной деятельности, и др. [3]. Полагаем, большое значение в решении этой значимой проблемы имеют партнерские договоренности о свободном перемещении капиталов, товаров и услуг, а также учетывание взаимных экономических интересов, равноправные отношения с менее развитыми в экономическом отношении странами и отказ от силового давления.

В концепции национальной безопасности РФ отмечается, что первостепенный источник опасности национальной безопасности России – это кризис в экономике страны [2]. Это подчеркивает зависимость состояния национальной безопасности России от жизнеспособности экономики, ее результативности, продуктивности, мобильности, конкурентоспособности. На практике же обеспечить экономическую безопасность страны означает, что государству необходимо создать систему самосохранения, которая автоматически могла бы запускать в движение необходимые защитные механизмы для решения той или иной угрозы. Обеспечение экономической безопасности предполагает анализ и оценку существующих угроз каждой функциональной составляющей, а также создание и применение на их основе системы противодействующих мер.

Экономическая безопасность индивида, отдельно взятого, личности – это состояние жизнедеятельности, при котором гарантируется юридическая и экономическая защита его жизненных интересов, соблюдение конституционных прав и обязанностей. К основным, наиболее важным видам угроз личности относятся нарушение прав потребителя, мошенничество, безработица, невыплата пенсий и заработной платы, необратимое обесценивание сбережений и др. Экономическая безопасность личности во многом зависит от общего состояния экономики.

Объектами социальной безопасности являются все основные элементы социальной системы обеспечения качества и уровня жизни в России, регулируемые национальной социальной политикой.

Для того чтобы повысить социальную безопасность страны и реализовать стратегию социального развития, необходимо придерживаться стандартов качества и уровня жизни, т.е. ценностных представлений общества о достойном качестве и уровне жизни.

Далее подробнее остановимся на рассмотрении экономической безопасности предприятия, так как она дает ориентиры для принятия верных решений в сфере предпринимательской деятельности, имеет ключевое значение для определения факторов устойчивости и развития компании в целом. Экономическая безопасность предприятия представляет собой совокупность внутренних и внешних условий, которые способствуют эффективному росту национальной экономики, обеспечивают высокую конкурентоспособность на рынке.

Полагаем, что развитие и совершенствование системы экономической безопасности предприятия способно обеспечить, в первую очередь, стабильное и эффективное развитие компании, а также экономический рост страны, необходимые условия для жизни и развития личности, защиту государства от социальных, политических, экономических и военных угроз.

Экономическую безопасность предприятия можно изучать с двух позиций:

1) позиции различных агентов рынка (потребителей, налоговых, кредитных органов и др.), которые взаимодействуют с предприятием и дают оценку экономической безопасности вопросом «Насколько надежным является предприятие как партнер и стоит ли продолжать с ним экономические отношения?»;

2) позиции самого предприятия, заключающейся в оценивании экономической безопасности по уровню защищенности его потенциала (производственного, технического, финансового, социального и др.) от негативного воздействия внешних и внутренних экономических угроз.

В первую очередь, важное значение экономической безопасности предприятий нужно понимать самому руководителю. Сотрудникам, которые являются ответственными за безопасность своей компании, следует более активно пропагандировать среди всего персонала организации корпоративные правила. К главной задаче каждого сотрудника относится приумножение успеха и улучшение материального положения компании.

Таким образом, первоочередная цель экономической безопасности предприятия заключается в том, чтобы обеспечить его стабильное и максимально эффективное функционирование, а также высокий потенциал развития в будущем.

Экономическая безопасность предпринимательской деятельности осуществляется на основе функциональных составляющих, которые соответствуют определенному предприятию в зависимости от характера появившихся угроз.

Основной фактор, который определяет состояние экономической безопасности и степень угрозы, – это наличие у предприятия финансовых, материальных, технологических, инновационных и информационных преимуществ перед конкурентами и сформированной организационной структуры предприятия с четко поставленными стратегическими целями.

Предотвращение и уничтожение различного рода угроз в большинстве случаев возможно только при условии наличия достаточных экономических возможностей, устойчивого экономического развития, а также эффективно функционирующего механизма обеспечения экономической безопасности предпринимательской деятельности.

Проблема экономической безопасности любого предприятия на сегодняшний день волнует любого руководителя. В условиях внешних вызовов данная проблема актуальна, так как все угрозы экономической безопасности предпринимательской деятельности представляют собой коллизию целей функционирования и поступательного движения предприятия с внешней или внутренней средой, либо разногласия путей достижения определенных целей. Ведь угрозу безопасности предприятия можно трактовать как генотип условий и факторов, которые непосредственно создают опасность его интересам первостепенной важности.

Полагаем, что на сегодняшний день существует колоссальное количество различных рисков предпринимательской деятельности. И это можно объяснить разнообразием связей и отношений, одной из сторон которых выступает предприятие. При осуществлении финансовых, материальных, информационных, кадровых и других связей происходят обмен, потребление и перемещения материалов, сырья, комплектующих, оборудования, технологий, машин, инвестиций, денежных средств и др. Все эти связи и взаимодействия возникают в институциональной среде.

На результаты хозяйственной деятельности влияют различные факторы: условия предпринимательской среды, развитие коммуникаций, состояние конкурентов, уровень профессиональной подготовленности кадров, уровень социальной и политической напряженности, уровень

жизни населения, уровень коррупции в стране и др. И вот исходя из этого, считаем, что одной из важнейших задач обеспечения безопасности является обнаружение и преодоление факторов риска, опасностей, угроз.

Важно уделить отдельное внимание экономическим угрозам предприятия, так как они представляют собой процессы и явления экономического, социального и правового характера. Экономические угрозы вызывают нарушение стабильности развития производства, общее ухудшение жизнедеятельности населения.

Угрозы экономической безопасности предпринимательской деятельности очень разнообразны, поэтому на сегодняшний день существует большое количество классификаций угроз по различным критериям.

Остановим свое внимание на внутренних и внешних факторах, которые классифицируются по сфере возникновения.

Внутренние факторы связаны с хозяйственной деятельностью предприятия и его персонала; обусловлены бизнес-процессами и оказывают влияние на результаты хозяйственной деятельности (форма и качество управления предприятием, соблюдение технологий, организация труда и социальной сферы персонала и многие другие). При изучении данной проблемы невозможно оставить без внимания объекты и предметы защиты от угроз экономической безопасности предприятия, к которым относятся:

- персонал (руководящие работники, производственный персонал, обладающий информацией, составляющей коммерческую тайну, работники внешних служб и другой персонал);
- денежные средства (валюта, драгоценности, финансовые документы и др.);
- материальные средства (здания, сооружения, хранилища, оборудование, транспорт);
- информационные ресурсы с ограниченным доступом, составляющие служебную и коммерческую тайну, и другая конфиденциальная информация на бумажных, магнитных, оптических носителях, информационные массивы и базы данных, программное обеспечение, информативные физические поля различного характера;
- средства и системы информатизации (автоматизированные системы и вычислительные сети различного уровня и назначения, линии телеграфной, телефонной, факсимильной, пейджинговой, радио- и космической связи, технические средства передачи информации, вспомогательные средства и системы);
- технические средства и системы охраны и защиты материальных и информационных ресурсов и др.

Внешние факторы (социально-экономические, политические, юридические, технологические, криминалистические и др.) возникают за пределами предприятия, связаны с конъюнктурой рынка и средой функционирования предприятия, изменение которых могут привести к возникновению ущерба.

Считаем, что особого внимания заслуживают внешние факторы, так как под влиянием политических, социально-экономических, научно-технических и других детерминант могут возникнуть внешние угрозы и опасности экономической безопасности предприятия, к которым относятся:

- неблагоприятные изменения политической ситуации;
- дестабилизация;
- неразвитость инфраструктуры рынка;
- криминальный бизнес;
- промышленно-экономический шпионаж;
- оппортунистическое поведение.

То есть к внешним угрозам относят широкий круг негативных воздействий, которые можно сгруппировать следующим образом:

- первая группа – угрозы, исходящие от нормативных актов, принимаемых руководством, и подзаконных актов, издаваемых различными ведомствами (Центральный банк РФ, Министерство по налогам и сборам и др.);
- вторая группа – внешние угрозы, вытекающие из невыполнения партнерами, заказчиками, поставщиками, клиентами своих обязательств по оплате контрактов, поставке товаров и т.п.;
- третья группа – угрозы на основе внутренних конфликтов в коллективе или среди руководства.

Для того чтобы предприятия могли предотвратить, избежать или снизить негативные последствия внешних угроз экономической безопасности, необходимо знать источники их возникновения, к которым относятся:

- предприятия-конкуренты;
- криминальные группировки, уличная преступность;
- коррумпированные представители органов власти;
- предприятия финансово-кредитной сферы, предприятия-поставщики сырья, ресурсов, комплектующих;
- специалисты ИТ с целью личного обогащения, несанкционированно проникающие в систему информационных ресурсов предприятия (базы данных фирм конкурентов, прослушивание телефонных разговоров, хищение документов, содержащих коммерческую тайну).

Несмотря на длительное изучение многочисленных внешних угроз и опасностей, воз-

можных последствий для предпринимательской деятельности, каждый руководитель, исходя из конкретной сложившейся ситуации, должен выявить наиболее чреватые из них и разработать направления по их своевременному выявлению, ослаблению и предотвращению.

В первую очередь, система должна быть уникальной на каждом предприятии (все организации различаются между собой уровнем развития и структуры производственного потенциала, эффективностью направленности производственной деятельности, качественным состоянием кадров, а также отличием в производственной дисциплине и т.д.);

Система экономической безопасности предприятия является самостоятельной и относительно обособленной, так как многие задачи экономической безопасности высокого уровня (регионального, государственного уровня) предприятия не могут решить.

Также оказывает активное влияние на развитие предпринимательской деятельности служба безопасности конкурентных предприятий, которые функционируют на основе принятых законодательных актов и зависят от уровня подготовки и квалификации кадров, от используемых средств защиты от угроз и т.д.

Система экономической безопасности предприятия должна включать в себя не только экономическую безопасность, но и кадровую, интеллектуальную, экологическую, информационную и т.д., что требует соответствующих средств защиты.

Необходимы создание и реализация условий, которые обеспечивают экономическую безопасность предприятия. К основным условиям, которые следует учитывать в структуре механизма обеспечения экономической безопасности предприятия, относятся: минимизация затрат предприятия, адаптация к нововведениям, расширение сферы использования услуг инфраструктуры рынка. Специалистами отмечено, что соблюдение этих условий существенно влияет на формирование прибыли предприятия и повышает эффективность экономической безопасности.

Система экономической безопасности формируется индивидуально для каждой компании на основе поставленных задач, конкурентной борьбы, особенностей каждого предприятия. Ее функционирование зависит, в первую очередь, от законодательной базы государства, материально-технических и финансовых ресурсов, которые выделяет руководитель предприятия, от знаний и опыта ответственного по экономической безопасности (корпоративная культура предприятия).

При этом государство ответственно за деятельность хозяйствующих субъектов, чтобы они не несли в себе угрозы экономической безопасности во вред гражданам. Для стабилизации экономики и развития предпринимательства государству необходимо:

– проводить институциональные преобразования, которые способствуют координации действий и взаимосвязи стратегии действующих общественных институтов;

– контролировать соблюдение правил экономического и социального поведения хозяйствующих субъектов и органов государственного управления;

– обеспечивать эффективное экономическое распределение и использование ресурсов;

– обеспечивать повышения качества экологической безопасности.

Решив данные задачи, государство может устранить наиболее важную проблему экономической безопасности – слабую конкурентоспособность многих отраслей национальной экономики.

Результаты

Становление и развитие рыночных отношений в России, либерализация внешнеэкономической деятельности, открытость ее экономики, а также меры, предпринятые по интеграции в мировую экономическую и финансово-кредитную системы, существенно обострили проблему экономической безопасности Российской Федерации.

Интерес к вопросам экономической безопасности быстро растет на фоне усиления конкуренции в мировой экономике и появления новых стратегических рисков, которые усугубил мировой финансовый кризис, а также новых угроз, вызванных усилением глобализации, информатизации, интеллектуализации современной экономики. Очевидна необходимость дальнейшего развития теории экономической безопасности в условиях кардинально и быстроменяющихся условий в экономике XXI в.

Основные задачи экономической безопасности – обеспечить развитие экономики страны, создать условия для жизни и развития личности, социально-экономической стабильности общества и сохранить целостность государства, которое сможет противостоять влиянию внутренних и внешних угроз. Без обеспечения экономической безопасности трудно решить экономические проблемы на государственном и международном уровнях.

Успешное и стабильное развитие предпринимательской деятельности обеспечивается при благоприятных условиях, согласованной системе

производства товаров или услуг, а также при эффективной системе экономической безопасности, т.е. защищенности предприятия от внешних и внутренних угроз.

Считаем, что уровень экономической безопасности предприятия зависит от того, насколько эффективно его руководство и специалисты смогут избежать возможных угроз и устранить их нежелательные последствия. Важно организовать управление на высоком уровне, обеспечить информационными технологиями, идущими в ногу со временем, а также сохранить, а главное, эффективно использовать имеющийся капитал.

Список литературы

1. О Стратегии национальной безопасности Российской Федерации до 2020 года : указ Президента РФ от 12.05.2009 № 537 (ред. от 01.07.2014). Доступ из справ.-правовой системы «КонсультантПлюс».
2. О Концепции долгосрочного социально-экономического развития Российской Федерации на период до 2020 года (вместе с «Концепцией долгосрочного социально-экономического развития Российской Федерации на период до 2020 года») : распоряжение Правительства РФ от 17.11.2008 № 1662-р (ред. от 08.08.2009). Доступ из справ.-правовой системы «КонсультантПлюс».
3. Популярная экономическая энциклопедия / гл. ред. А. Д. Некипелова. М. : Большая российская энциклопедия, 2003. 368 с.

Actuality of the Study of Economic Safety of the Enterprise in the Face of Global Economic Instability

T. V. Romashkin

Saratov State University,
83, Astrakhanskaya str., Saratov, 410012, Russia
E-mail: timurrom@yandex.ru

Introduction. The theme of economic security is of increasing importance, the very dynamic, contradictory trends and developments in the modern world. **Theoretical analysis.** The problem of global economic security for our country. The global financial crisis raises the issue of the formation of a new concept of economic security that guarantees the independence of the country and its stability, improving the quality of life of the people, the development of science and technology. The purpose of the article is to analyze the national economic security at all levels of management, and pay particular attention to the economic security of business activity, as the stability of the State's economic development depends on the economic security of every enterprise. It is crucially important to reveal the essence of the problem and related issues, to identify real threats to offer reliable and efficient methods of solving them. **Results.** Identified the essence and structure of economic security. Investigated the institutional aspects of economic security at all levels of management. Identifies internal and external threats to economic security, entrepreneurial activity and suggest ways of overcoming them. You must create a discussion platform to discuss

issues of economic security of Russia, which in turn will not only identify problems but also to find a way out of them.

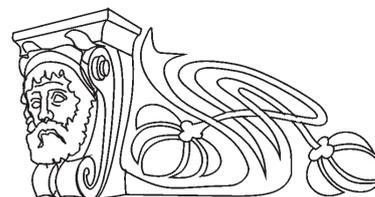
Key words: economic security, threats to economic security, institutional wednesday, risk, entrepreneurship.

References

1. O Strategii natsional'noi bezopasnosti Rossiiskoi Federatsii do 2020 goda: ukaz Prezidenta RF ot 12.05.2009 № 537 (red. ot 01.07.2014) (On the Russian Federation National Security Strategy through 2020. Presidential Decree of 12.05.2009 № 537 (an edition of 01.07.2014)). *ATP «Consultant»* [electronic resource].
2. O Kontseptsii dolgosrochnogo sotsial'no-ekonomicheskogo razvitiia Rossiiskoi Federatsii na period do 2020 goda (vmeste s «Kontseptsiei dolgosrochnogo sotsial'no-ekonomicheskogo razvitiia Rossiiskoi Federatsii na period do 2020 goda»): rasporiashenie Pravitel'stva RF ot 17.11.2008 № 1662-r (red. ot 08.08.2009) (On the Concept of the Russian Federation long-term socio-economic development for the period till 2020 (with the «Concept of the Russian Federation long-term socio-economic development until 2020»). Order of the Government of the Russian Federation of 17.11.2008 № 1662-r (an edition of 08.08.2009)). *ATP «Consultant»* [electronic resource].
3. *Populiarnaia ekonomicheskaia entsiklopediia* [Popular Economic Encyclopedia. Ans. ed. A. D. Nekipelov]. Moscow, Big Russian encyclopedia Publ., 2003. 368 p.

УДК 330.1

СТРАТЕГИЧЕСКИЕ АСПЕКТЫ ОБЕСПЕЧЕНИЯ ЭКОНОМИЧЕСКОЙ БЕЗОПАСНОСТИ В УСЛОВИЯХ НОВОЙ ВОЛНЫ КРИЗИСА

В. И. Попюк

кандидат экономических наук, профессор, профессор кафедры корпоративной экономики, Поволжский институт управления имени П. А. Столыпина – филиал РАНХиГС при Президенте РФ, Саратов
E-mail: popyuk-vi@mail.ru

Введение. В статье сформированы методологические подходы и основы определения стратегии экономической безопасности социально-экономических систем, предприятий и организаций. **Теоретический анализ.** Определены основные направления формирования стратегии экономической безопасности хозяйствующих субъектов и условия ее реализации, обоснована необходимость включения в стратегию экономической безопасности такой важной составляющей, как имущественная безопасность предприятий и организаций. **Эмпирический анализ.** Рассмотрены практические случаи обеспечения экономической и имущественной безопасности функционирования промышленных предприятий по инициативе «сверху». **Результаты.** Доказано, что без соблюдения предприятиями модели действий, обусловленной необходимостью обеспечения экономической безопасности, в новую волну кризиса их ждут лишь ухудшение финансового состояния и упущенные возможности. **Ключевые слова:** экономическая безопасность, стратегия экономической безопасности, ограниченность ресурсов, угрозы, защита, обеспечение экономической безопасности, имущественная безопасность.

DOI: 10.18500/1994-2540-2016-16-3-275-281

Введение

В настоящее время центр внимания экономических исследований концентрируется на различных аспектах кризисного развития социально-экономических систем, под которыми

понимаются не только макроэкономическая система или экономика регионов, но и хозяйствующие субъекты (организации, предприятия, крупные корпорации). По-прежнему не теряют своей актуальности стратегические элементы развития хозяйствующих субъектов в условиях кризиса и тем более вопросы их экономической безопасности.

В последние годы многие российские предприятия и организации всерьез столкнулись с необходимостью направления значительных усилий на преодоление того, что можно назвать «новым видом кризиса», имеющим существенно иную природу и требующим иных подходов к разрешению его проявлений, превентивному управлению и предупреждению угроз экономической безопасности. Принципы, методы, структуры и процедуры современного, традиционного менеджмента, которые ранее себя достаточно хорошо зарекомендовали, в настоящий момент не отвечают требованиям эффективного менеджмента и обеспечения экономической безопасности хозяйствующих субъектов. На наш взгляд, новый вид кризиса российской экономики (новая волна кризиса) во многом инспирирован извне, связан с так называемыми антироссийскими санкциями (субъективный фактор) и низкими ценами на энергоносители, прежде всего на нефть, на мировом рынке (объективный фактор). Действие этих двух негативных тенденций в совокупности приводит к ухудшению ликвидности и финансо-

вой устойчивости как российской экономической системы в целом, так и отдельных предприятий и организаций.

В последние годы резко меняются как внешние, так и внутренние факторы развития социально-экономических систем. Это – быстрое изменение внешних условий, усиление внутренней конкуренции, выход на рынок новых игроков, усиливающаяся регулирующая роль различных государственных органов управления, обострение конкурентной борьбы со стороны зарубежных товаропроизводителей, и прежде всего со стороны развивающихся стран, а также необходимость адекватного развития различных элементов системы управления предприятиями, а именно инноваций, кадрового потенциала, информационной базы, компьютеризации и др. В этой связи весьма актуальным представляется исследование специфики стратегических аспектов экономической безопасности в условиях нового вида кризиса, формирование механизма реализации комплексного подхода в управлении собственностью и обеспечении экономической безопасности хозяйствующих субъектов.

Весьма значимым в условиях кризиса для хозяйствующего субъекта является правильная оценка уровня экономической безопасности. Однако оценка экономической безопасности может не совпадать с ее реальным уровнем, ибо величина такого расхождения зависит от полноты и качества информации о кризисной ситуации, от степени влияния кризисных явлений на состояние экономической безопасности хозяйствующего субъекта. Следует понимать, что в условиях новой волны кризиса обеспечение экономической безопасности должно представлять систему защиты экономических интересов хозяйствующих субъектов, которая позволит поддерживать нормальные условия их функционирования, вырабатывать и проводить в жизнь стратегические решения, направленные на их динамичное, устойчивое и эффективное развитие.

Теоретический анализ

Как категория экономическая безопасность имеет сложную структуру, которая представлена тремя важнейшими элементами:

1) экономическая независимость хозяйствующих субъектов, которая в современных условиях носит относительный характер и означает достижение такого уровня операционной деятельности, эффективности и качества продукции (услуг), который обеспечивает их конкурентоспособность и конкурентные преимущества;

2) стабильность и устойчивость хозяйствующих субъектов, обеспечивающие защиту и эф-

фективное управление собственностью, надежные условия и гарантии для предпринимательской деятельности, справедливое распределение доходов, а также борьбу с криминальными структурами, недопущение коррупции, действие иных факторов, способных вызвать социальные потрясения, и т.д.;

3) способность хозяйствующих субъектов к саморазвитию, обновлению, самосовершенствованию и прогрессу, обеспечивающая инновации и модернизацию экономики, благоприятный инвестиционный и инновационный климат, повышение профессионального, образовательного и общекультурного уровня работников.

Отсюда можно заключить, что обеспечение экономической безопасности становится необходимым и обязательным условием устойчивости и самосохранения социально-экономических систем.

При этом важным аспектом становится комплексный системный подход к решению стратегических вопросов экономической безопасности в кризисных ситуациях [1]. На наш взгляд, сама жизнедеятельность хозяйствующих субъектов представляет собой циклический процесс. В этой связи для жизнедеятельности любой социально-экономической системы характерна закономерность подъемов и спадов, наступления и разрешения различных видов кризисов.

По сути, любому хозяйствующему субъекту как социально-экономической системе присущи две основные тенденции в жизнедеятельности – функционирование и развитие. Под функционированием понимается поддержание жизнедеятельности, сохранение процессов, функций и операций, определяющих целостность хозяйствующего субъекта и его сущностные характеристики. Развитие, в свою очередь, означает приобретение нового качества, осуществление прогрессивных изменений, адаптацию хозяйствующего субъекта к новым условиям внешней и внутренней среды. В сущности, развитие характеризует стратегические изменения в основных факторах операционной деятельности, в применяемой технике и технологиях, а также в самом человеке [2].

Любой хозяйствующий субъект в течение всего жизненного цикла, начиная с момента своего возникновения, сталкивается с целым рядом проблем, которые могут создать кризисную ситуацию, характеризующуюся ухудшением показателей деятельности: ликвидности, платежеспособности, рентабельности, оборачиваемости оборотных средств, финансовой устойчивости. При этом в условиях жесткой конкуренции рыночные формы хозяйствования приводят к несостоятельности отдельных хозяйствующих субъектов или к их временной неплатежеспособности.

Кризисы могут возникнуть на любом из этапов жизненного цикла хозяйствующих субъектов: возникновение идеи, проектирование, планирование, строительство, освоение производственных мощностей, функционирование, развитие, упадок, ликвидация или реорганизация. Любая социально-экономическая система может пройти эти циклические этапы полностью, а может остановиться в своем развитии, не достигнув надлежащих результатов, прекратить свое существование и уйти с рынка [3].

С позиций обеспечения экономической безопасности в условиях постоянно возникающих кризисных ситуаций особенно актуальным становится стратегическое планирование на различных уровнях управления развитием хозяйствующих субъектов. Проецируя весь накопленный опыт в области стратегического менеджмента на реалии ситуации в нашей стране, следует подчеркнуть, что разработка и реализация стратегии экономической безопасности становится необходимостью для хозяйствующих субъектов, которые вступают в жесткую конкуренцию как между собой, так и с иностранными корпорациями.

Именно процесс стратегического планирования обеспечивает основу для эффективного управления и обеспечения безопасности любой социально-экономической системы. Более того, разработка и реализация стратегии экономической безопасности может создать ряд важных и часто существенных благоприятных факторов для развития социально-экономических систем [4].

Современные темпы изменения и увеличения информации, генерации знаний в различных областях деятельности настолько велики, что стратегическое планирование представляется единственным способом формального прогнозирования будущих проблем и возможностей как текущего функционирования, так и будущего развития хозяйствующих субъектов, обеспечения их безопасности. Усиливается потребность в более глубокой и всесторонней проработке долгосрочной и многоплановой политики экономической безопасности. При этом на всех уровнях управления, во всех звеньях экономики возрастает роль специалистов, умеющих принимать грамотные решения, относящиеся к обеспечению экономической безопасности, постоянно согласовывать текущую деятельность предприятий с их стратегическими целями.

Стратегическое планирование представляет собой один из самых действенных инструментов современного системного менеджмента. Именно менеджментом всех уровней принимаются стратегические решения по выбору оптимального варианта будущего развития хозяйствующего

субъекта. Принятие оптимальных решений, уровневое планирование и прогнозирование не позволят втянуть предприятие в долговременный тренд неудач и угроз безопасности.

Современный менеджмент развития имеет по своей природе стратегический характер, поэтому его основные формы связаны с разработкой и реализацией стратегического плана развития управляемой системы, стратегического бизнес-планирования, стратегического планирования инновационного развития, роста качества, стратегического управления развитием организационной культуры (в том числе и образовательной), обеспечивающих экономическую безопасность [5].

Стратегия экономической безопасности основывается на разработке долгосрочного плана развития хозяйствующего субъекта, внедрения комплекса мер и конкретных действий, с помощью которых достигаются высокоэффективные результаты и индикаторы безопасности системы. Стратегической целью обеспечения экономической безопасности хозяйствующего субъекта является комплексное противодействие потенциальным и реальным угрозам, устранение или минимизация которых должны гарантировать субъекту успешность функционирования и развития в условиях нестабильности и неопределенности внешней и внутренней среды. Достижение вышеуказанной цели становится возможным при условии формирования и реализации политики безопасности как общего ориентира для действий и принятия стратегических решений.

Стратегия экономической безопасности является важнейшим звеном комплексной системы и сложного многоэтапного процесса реализации стратегического управления хозяйствующим субъектом. Она определяет объекты, индикаторы, показатели, опасности и угрозы, основные механизмы и меры их предотвращения или ликвидации с учетом реальных ограничений ресурсов. Основными положениями данной стратегии являются:

- 1) определение экономических интересов, отвечающих требованиям экономической безопасности и обеспечивающих защиту важных условий жизнедеятельности хозяйствующих субъектов;
- 2) выявление опасностей и угроз экономической безопасности как совокупности условий и факторов, наносящих вред жизнедеятельности хозяйствующих субъектов и жизненно важным экономическим интересам человека;
- 3) определение и мониторинг условий и факторов, подрывающих устойчивость развития хозяйствующих субъектов в перспективе;

4) формирование эффективных механизмов по предотвращению или ликвидации опасностей и угроз экономической безопасности с учетом реальных ограничений ресурсов, а также предложений по разработке и корректировке конкретных мер, устраняющих или смягчающих воздействия, подрывающие устойчивость развития хозяйствующих субъектов.

Реализация стратегии экономической безопасности должна осуществляться через систему конкретных мер, реализуемых на основе качественных индикаторов и количественных показателей уровня безопасности хозяйствующих субъектов. Эффективная система экономической безопасности хозяйствующих субъектов, как правило, должна обеспечиваться по таким основным и взаимосвязанным направлениям, как:

- защита от криминальных и коррупционных действий,
- защита от нарушений законодательства в целях непопадания под его же санкции,
- защита от недобросовестной конкуренции,
- защита от противоправных и неблагоприятных действий самих сотрудников организаций.

При этом следует учитывать, что последнее направление обеспечения экономической безопасности должно реализовываться в таких важнейших областях деятельности предприятия, как: производственная (защита имущества, сохранение материальных ценностей); коммерческая (оценка действий партнеров, юридическая защита интересов руководства и работников); информационная (оценка значимости информации, порядок ее поступления, использования, передачи, защита от утечки); кадровая (оценка персонала, профессиональной пригодности, качества менеджмента).

Именно системный подход позволяет учитывать многообразие факторов, представляющих угрозу для хозяйствующих субъектов, и координировать всю работу по обеспечению экономической безопасности из единого исполнительно-распорядительного органа «службы безопасности» («эдилом»), который обязан проводить в жизнь хозяйствующих субъектов эффективные меры противодействия дестабилизирующим факторам. Здесь целесообразно задействовать все имеющиеся методы, инструменты, приемы, используя не только собственные силы, но и силы всей организации, а если необходимо, то и силы внешних партнеров.

Экономическая безопасность современной социально-экономической системы, коими являются и коммерческие предприятия и организации, обеспечивается с помощью следующих режимов: обеспечение физической безопасности имуще-

ства; обеспечение конфиденциальности информации; защита коммерческой тайны; защита нематериальных активов и объектов интеллектуальной собственности; обеспечение физической охраны персонала, а также обеспечение технической защиты. При этом возрастает спрос на услуги обеспечения защиты от риска в коммерческой деятельности, т.е. на такие специфические навыки, как навыки «контрразведчиков, разведчиков и аналитиков коммерческих служб безопасности».

Вместе с этим при выборе стратегии экономической безопасности имеют значение основные характеристики имущественной безопасности, определяющие первопричины, условия и показатели национальной безопасности [2]. В современных условиях проблема формирования законодательной базы, средств имущественной безопасности имеет большое научное и практическое значение, ибо имущественная безопасность важна, в первую очередь, для правового развития экономических отношений в области управления собственностью.

По сути, имущественная безопасность является средством сохранения, стремления к защите приобретенного хозяйственного имущества, объектов недвижимости, регулирования самых насущных стимулов невмешательства в собственность. В этой связи основными принципами реализации имущественной безопасности являются соблюдение требований законодательства, правовая связанность развития рынка недвижимости, гарантии прав собственника, сдерживание неправомерных действий относительно недвижимости, повышение ответственности органов власти в регулировании отношений собственности. При этом целесообразно выделять в качестве составной органической части стратегии экономической безопасности процесс материализации управленческих отношений в сфере недвижимости наряду с информационными, интеллектуальными, управленческими и научно-техническими ресурсами.

Следует подчеркнуть, что приоритетной задачей имущественной безопасности должно быть ресурсосберегаемое развитие объектов недвижимости, которое обеспечило бы благоприятные условия для жизнедеятельности (функционирования и развития) хозяйствующих субъектов. Этого можно достичь путем отказа от ряда нерациональных потребностей, от не оправдавших себя традиционных технологий и подходов использования недвижимости, тем самым обеспечив устойчивое развитие системы управления недвижимостью, а также режим имущественной безопасности хозяйствующих субъектов. При этом субъекты имущественной безопасности становятся активной действующей силой только

в том случае, если от них исходит эффективное воздействие на приоритеты в регулировании отношений в сфере управления недвижимостью.

В условиях новой волны кризиса рассчитывать на реализацию стратегии безопасности и эффективную защиту своих жизненно важных интересов хозяйствующие субъекты могут только в следующих случаях:

1) при способности организовать процедурно ориентированный процесс, направленный на лишение потенциального противника информации о производственных и коммерческих возможностях хозяйствующего субъекта, о его стратегических намерениях;

2) при способности выявлять и устранять индикаторы, демаскирующие признаки каналов утечки информации, которые связаны с планированием развития и осуществлением текущей деятельности хозяйствующего субъекта;

3) при условии, что в этих процессах будут задействованы и руководство, и все сотрудники организации, а не только служба безопасности.

В этом случае комплексный подход к проблемам обеспечения экономической безопасности позволит прекратить, сократить или ограничить утечку той ценной информации, которая может дать конкурентам возможность заранее выявить стратегические цели и намерения менеджмента в развитии хозяйствующего субъекта. При этом в целях реализации стратегии должны решаться следующие задачи в области обеспечения безопасности хозяйствующих субъектов:

1) повышение конкурентоспособности продукции/услуг и обеспечение конкурентных преимуществ;

2) защита законных прав и интересов руководителей и персонала;

3) формирование и защита научно-производственного и интеллектуального потенциала;

4) защита имущественных интересов и прав собственности;

5) укрепление дисциплины труда и повышение его производительности;

6) информационное обеспечение деятельности организаций;

7) внедрение мировых стандартов и освоение новых технологий производства;

8) защита от криминальных структур и недобросовестной конкуренции;

9) недопущение или минимизация зависимости хозяйствующих субъектов от случайных и недобросовестных партнеров.

При этом важны и такие составляющие системного подхода в реализации стратегии, как нормативно-правовая база, отработанный механизм управления собственностью, технологии

антикризисного управления, проведение антикоррупционной политики, включение общества в процессы экономических преобразований, эффективная национальная статистика и контроль.

Эмпирический анализ

В качестве примера целесообразно рассмотреть конкретные случаи из хозяйственной практики, касающиеся формирования эффективного механизма преодоления угроз экономической безопасности предприятия и обеспечения его развития как целостной имущественной системы. По поводу первого фактора необходимо отметить, что в настоящее время подобные механизмы часто формируются не «сами по себе», внутри предприятий и корпораций, даже несмотря на наличие в структуре предприятия служб экономической безопасности, а с помощью внешнего воздействия, различных государственных органов (МВД, ФСБ, прокуратура). В особо редких случаях, когда дело касается стратегических, оборонных предприятий или особых населенных пунктов (моногорода), в формирование такого механизма вмешиваются более высокие инстанции: Правительство России, Администрация Президента РФ или же сам президент. В случае действия как первого, так и второго факторов, когда речь идет о защите законных прав и интересов персонала предприятия и об обеспечении деятельности как единого имущественного комплекса, можно привести нашумевший случай в г. Пикалево Ленинградской области, когда собственники интегрированных предприятий – крупные российские предприниматели – решили из-за кризиса 2008–2009 гг. остановить производство сразу на нескольких заводах, в результате чего город оказался на грани гуманитарной катастрофы. В этом случае в ситуацию вынужден был вмешаться бывший тогда премьер-министром РФ В. В. Путин, устроивший «разбор полетов» прямо на месте [6]. В результате подобного вмешательства деятельность промышленных предприятий удалось сохранить без остановок, однако решение оказалось, по сути, половинчатым, так как предприятия, находящиеся в собственности частных лиц, не были объединены в один технологический комплекс, как того требовала бы логика производственно-сбытового процесса. Необходимо отметить, что многие решения российского бизнеса и органов государственного управления и регулирования в последние годы действительно носили половинчатый характер, и это вызвано определенной невнятичностью внутренней экономической политики. Второй подобный случай – с вольфрамовым комбинатом в пос. Светлогорье Приморского края, когда работников предприятия уволили и

комбинат был все же остановлен, но по инициативе федерального центра против действующих владельцев было возбуждено уголовное дело, и краевые власти стали искать для предприятия нового собственника [7]. Отметим, что в обоих случаях власть и правоохранительная система вставали на сторону трудовых коллективов, работников предприятия и их семей, что в очередной раз говорит о том, что интересы бизнеса и интересы трудового коллектива, общества (в широком смысле слова) в нашей стране очень часто расходятся, а службы экономической безопасности предприятий работают в интересах прежде всего собственников, а уже потом – трудовых коллективов.

Результаты

В связи с вышеизложенными теоретическими выводами и тенденциями развития бизнеса, особенностями обеспечения его безопасности в кризисный период развития экономики, случаями из хозяйственной практики можно сделать вывод о том, что любое игнорирование особенностей новой волны кризиса, законов рыночной экономики и потребностей экономической безопасности предприятий приведет к такой ситуации, что финансовое состояние предприятий неминуемо ухудшится, а возможности эффективного обеспечения устойчивого развития и функционирования предприятий и корпораций, путем достижения наилучшего экономического эффекта и социальных целей трудовых коллективов, будут просто упущены.

Список литературы

1. Теория систем и системный анализ в управлении организациями : учеб. пособие / под ред. В. Н. Волковой и А. А. Емельянова. М. : Финансы и статистика, 2006. 848 с. URL: <http://www.studfiles.ru/preview/1100100/> (дата обращения: 01.03.2016).
2. Еремин С. Г. Актуальные вопросы управления государственной и муниципальной собственностью : учеб. пособие. Юстицинформ, 2014. 236 с. URL: http://bookz.ru/authors/sergei-eremin/aktual_n_092/1-aktual_n_092.html (дата обращения: 01.03.2016).
3. Коноплева И. А., Богданов И. А. Управление безопасностью и безопасностью бизнеса : учеб. пособие. М. : ИНФРА-М, 2012. 448 с.
4. Современные технологии менеджмента : учебник / под ред. В. И. Королева. М. : ИНФРА-М Магистр, 2015. 640 с.
5. Фомичев А. Н. Стратегический менеджмент: учебник для вузов. М. : Дашков и К°, 2011. 468 с. URL: <http://mybrary.ru/users/personal/read/strategicheskiy-meneditment/> (дата обращения: 02.03.2016).
6. Малый В. И., Гусев В. В. Современная российская моногородская модель : перманентный кризис и тренды будущего развития. URL: <http://cyberleninka.ru/article/n/sovremennaya-rossiyskaya-monogorodskaya-model-permanentnyu-krizis-i-trendy-buduschego-razvitiya> (дата обращения: 02.03.2016).
7. Гусев В. В. Российские моногорода : акторы влияния и тренды социального развития // Изв. Сарат. ун-та. Нов. сер. Сер. Социология. Политология. 2014. Т. 14, вып. 2. С. 37–41.

Strategic Aspects of Economic Security in the New Wave of Crisis

V. I. Popuyk

Stolypin Volga Region Institute of Administration of the Russian Presidential Academy of National Economy and Public Administration,
23/25, Sobornaya str., Saratov, 410031, Russia
E-mail: popuyk-vi@mail.ru

Introduction. This article formed the methodological approaches and the basis of the definition of economic security strategy for socio-economic systems, enterprises and organizations. **Theoretical analysis.** The basic directions of formation of economic security of business entities and the conditions of its implementation strategy, the necessity of inclusion in the strategy of economic security such an important component, as the property safety of enterprises and organizations. **Empirical analysis.** «Top» consider the practical cases to ensure the economic and property safety of functioning of industrial enterprises on the initiative. **Results.** It is proved that without respect for the enterprises action model, due to the need to ensure economic security, a new wave of crisis, they are waiting for a deterioration in the financial condition and missed opportunities. **Key words:** economic safety, strategy of economic safety, limitation of resource, threats, protection, ensuring economic safety, property safety.

References

1. *Teoriia sistem i sistemnyi analiz v upravlenii organizatsiiami* (Systems theory and systems analysis in management of organizations. Education guidance. Ed. by V. N. Volkova and A. A. Emelyanov). Moscow, Finance and statistics, 2006. 848 p. Available at: <http://www.studfiles.ru/preview/1100100/> (assessed 1 March 2016).
2. Eremin S. G. *Aktual'nye voprosy upravleniia gosudarstvennoi i munitsipal'noi sobstvennost'iu* (Topical issues of management of state and municipal property [electronic resource. Education guidance]. Yusticinform, 2014. 236 p. Available at: http://bookz.ru/authors/sergei-eremin/aktual_n_092/1-aktual_n_092.html (assessed 1 March 2016).
3. Konoplyova I. A., Bogdanov I. A. *Upravlenie bezopasnost'iu i bezopasnost' biznesa* [Security management and security business. Education guidance]. Moscow, INFRA-M Publ., 2012. 448 p.
4. *Sovremennye tekhnologii menedzhmenta* [Modern management technologies. Textbook. Ed. by V. I. Korolev]. Moscow, INFRA-M Magister Publ., 2015. 640 p.

5. Fomichev A. N. *Strategicheskii menedzhment* (Strategic management. Textbook). Moscow, Dashkov and K^o Publ. 469 p. Available at: <http://mybrary.ru/users/personal/read/strategicheskii-menedzhment> (assessed 1 March 2016).
6. Malyi V. I, Gusev V. V. *Sovremennaya rossiiskaya monogorodskaya model': permanentnyi krizis i trendy budushchego razvitiia* (Modern Russian monogorodskaya model: permanent crisis and the future development trends). Available at: <http://cyberleninka.ru/article/n/sovremennaya-rossiyskaya-monogorodskaya-model-permanentnyi-krizis-i-trendy-budushchego-razvitiia> (assessed 2 March 2016).
7. Gusev V. V. Rossiiskie monogoroda: aktory vliianiia i trendy sotsial'nogo razvitiia [Russian company towns: actors influence and social development trends]. *Izv. Saratov Univ. (N.S.), Ser. Sociology. Politology*, 2014, vol. 14, iss. 2, pp. 37–41.

УДК 316.34/35

СОЦИАЛЬНО-ЭКОНОМИЧЕСКИЕ ФАКТОРЫ ФОРМИРОВАНИЯ НАЦИОНАЛЬНОЙ ИДЕНТИЧНОСТИ В УСЛОВИЯХ ГЛОБАЛИЗАЦИИ

М. А. Каткова

кандидат экономических наук, доцент кафедры «Экономическая теория и экономика труда», Саратовский государственный технический университет имени Гагарина Ю. А.
E-mail: mkatkova@mail.ru

В. О. Коротин

аспирант кафедры «Философия», Саратовский государственный технический университет имени Гагарина Ю. А.
E-mail: korotinv@rambler.ru

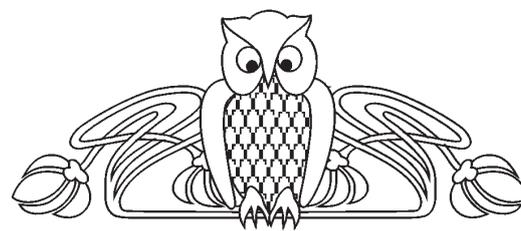
Введение. Актуальность проблемы межнационального взаимодействия связана с обострением национального самосознания, усилением нетерпимости к нарушениям национального равноправия и искаженному освещению в СМИ конфликтов на национальной почве. **Теоретический анализ.** Цель статьи – выявить системообразующие факторы формирования национальной идентичности. Формирование национальной идентичности детерминировано пространственными характеристиками – границами территорий. Еще одним фактором, тесно связанным с предыдущим, становится земля. Особенностью двух вышеназванных факторов является то, что они не подвержены влиянию процессов глобализации. В формировании национальной идентичности важна роль не только государства, но и государствообразующего народа. **Результаты.** В процессе анализа установлено, что наибольшим трансформационным преобразованиям подвержены язык, культура и хозяйство, составляющие каркас национальной идентичности любого государства. Поэтому на самом высоком уровне следует уделять внимание системе мер и мероприятий по институциональному регулированию влияния глобализационных процессов и выработке защитных механизмов для сохранения наиболее уязвимых мест в формировании национальной идентичности.

Ключевые слова: национальная идентичность, глобализация, государство, неформальные институты.

DOI: 10.18500/1994-2540-2016-16-3-281-287

Введение

Российская Федерация сегодня относится к числу скорее благополучных регионов планеты в

вопросах национальной и религиозной толерантности, тем не менее, возможность возникновения конфликтов все-таки существует. «Проблема цивилизационной принадлежности России, начиная с первой половины XIX в., с исторического спора западников и славянофилов, оказалась предметом дискуссии, которая, то затухая, то обостряясь, продолжается до настоящего времени» [1, с. 47]. Проблема межнационального взаимодействия связана с обострением национального самосознания, усилением нетерпимости к нарушениям национального равноправия и искаженным освещением в СМИ конфликтов на национальной почве. В обществе сохраняются негативные факторы, обусловленные ослаблением государственности в 1990-е гг. радикальными общественными трансформациями по формированию свободного и открытого общества. Высокий уровень социального и имущественного неравенства в обществе и региональной дифференциации, этнополитизация различных сфер жизнедеятельности являются факторами непосредственно усиливающими конфликтный потенциал межнациональных отношений, что создает угрозу дезинтеграции страны. Актуальность изучения проблем формирования национальной идентичности отмечается в Соборном слове, которое было принято по итогам работы XIX Всемирного русского народного собора (10 ноября 2015 г.): «В наши дни особенно актуально уважение национальной самобытности, которая отрицает концепцию “плавленного котла”»

и те модели глобализации, что предполагают нивелирование этнокультурного многообразия. Национальная политика России на протяжении веков основывалась не на ассимиляции, а на соработничестве самобытных народов, объединенных общей судьбой, и сегодня она должна в полной мере продолжать эту традицию» [2].

Процессы глобализации, охватившие все сферы жизни общества, еще более обострили проблему национальной идентичности, поставив во главу угла вопросы интеграции и интернационализации, нивелируя культурные, языковые, пространственные и иные границы. С одной стороны, такое развитие событий способствует беспрепятственному движению труда и капитала, а также развитию новых рынков [3]. С другой же стороны, на повестку дня встают вопросы определения «правил игры» не только в экономике, но и в политике, праве, социальных отношениях. Каждая нация, стремясь сохранить свою индивидуальность, ставит целью занять доминирующие позиции в социуме. Как следствие, распространяются и углубляются противоречия на внешне благополучном экономическом фоне. В этой связи совместное рассмотрение процессов формирования национальной идентичности и глобализации представляется своевременным и практически значимым.

Теоретический анализ

В предыдущих исследованиях нами проведен сравнительный анализ подходов к определению национальной идентичности. На основании этого национальная идентичность понимается нами как «видение членами определённой социальной группы своего места в мире, в том числе на основе соотнесения с другими подобными группами через противопоставление “мы – они”; это еще и культурная норма, которая отражает эмоциональные и аффективные ориентации индивидов по отношению к национальной политической системе и, собственно, к своей нации» [4, с. 129]. Л. Н. Гумилев, автор теории этногенеза, которая долгое время не признавалась, считает, что «социальная история отражает прошлое человечества весьма односторонне, и рядом с прямой дорогой эволюции существует множество зигзагов, дискретных процессов, которые не имеют касательства к прогрессу, а всецело связаны с биосферой. Таким образом, социальная и этническая история не подменяют друг друга, а дополняют представления о процессах, происходящих на Земле и связанных с образованием этноса, нации» [5, с. 122].

В рамках сложившейся глобальной взаимосвязанной системы государств и народов единственным критерием развития выступает эко-

номическое и политическое могущество. Более развитые в социально-экономическом отношении мировые центры определяют основные направления и параметры глобализации. Глобализация в настоящее время характеризуется специфическим вариантом интернационализации хозяйственной, политической и культурной жизни человечества, ориентированным на форсированную экономическую интеграцию в глобальных масштабах с максимальным использованием рыночных механизмов и научно-технических достижений и игнорированием сложившихся национальных образований, многих социальных культурно-цивилизационных и природно-экологических императивов.

Перейдем к рассмотрению социально-экономических факторов формирования национальной идентичности.

Во-первых, формирование национальной идентичности детерминировано пространственными характеристиками – границами территорий. Доподлинно известно, что территориальная граница уже для древних государств являлась символической вещью, наполненной священным смыслом. Граница в те времена определяла пространство родной земли, и зачастую она становилась не только территориальной, но и национальной.

В приграничных зонах междоцивилизационного взаимодействия могли возникать устойчивые формы страха перед иными народами, которые якобы представляют угрозу целостности и благополучию пространства. Русофобия (русский представляется варваром) является примером такой укорененной фобии в западно-европейском обществе. Такой идеологический миф сложился более четырех столетий назад. «Время появления этого пропагандистского мифа в европейской мысли эпохи Возрождения фиксируется очень четко: середина – вторая половина XVI в. Это время первой войны России и Европы, получившей в историографии название Ливонской войны (1558–1583). Как мировые войны в конечном итоге очерчивали границы мира, так и Ливонская война окончательно обозначила для западного человека восточные пределы Европы. Теперь последняя кончалась за рекой Нарвой и Псковским озером», – пишет А. Филюшкин [6, с. 126].

Во-вторых, еще одним фактором, тесно связанным с предыдущим, является земля. На обычном же уровне говорится о родной земле. Но о родной земле, не где родился индивид, а которая породила данный народ. Понятие «родная земля» затрагивает самые глубокие национальные чувства. Беднейшие индейские общины в Соединенных Штатах Америки, которые насчитывали от силы несколько десятков семей, полностью

нарушали планы экспроприаторов. Представители индейских общин в Америке отказывались передавать свою землю в собственность, хотя это сулило им компенсации в сотни, а то и в миллионы долларов. Небольшая территория индейцами понималась как нечто сокровенное, что-то родное, что нельзя ни потерять, ни выгодно обменять [7, с. 301–302].

Пространства и нации создают друг друга. Народ думает о своей территории и параллельно – о территории другой, которую населяют представители другой нации. Современные нации в Европе появились благодаря изменению чувства пространства. В эпоху Нового времени Европа стала представлять собой материк, разделенный на множество средних по площади национальных государств. А так как каждое государство по форме правления было монархическим, то каждый его правитель очертил границы национальной территории и вел за них постоянные споры и вражду. «Именно благодаря акценту на принцип территориальности такие экстерриториальные группы, как евреи и цыгане, воспринимаются столь аномальными в современной Европе: они кажутся обладающими всеми характеристиками наций, но при этом они не обладают территориальной целостностью» [8, с. 36]. Отцы-основатели США разделили территорию страны на административные единицы – штаты, чуть ли не по линейке. Изначально данные территории населяли индейцы и иммигранты различных европейских стран. Но со временем эти границы, которые были проведены условно, стали приобретать черты национальных границ. Не очень четких, но национальных. Таким образом произошла этнизация населения Америки.

Особенностью двух вышеназванных факторов является то, что они не подвержены влиянию процессов глобализации. Другие факторы, которые рассматриваются в настоящей статье, детерминированы ее влиянием в большей или меньшей степени.

Третьим фактором, который наравне с территорией может объединить людей в нацию, являются внешние вызовы и угрозы. Наличие вызовов и угроз выступает сильным стимулом для объединения людей по примеру некоего военного ополчения.

Процесс формирования национальной идентичности идет более быстрыми темпами в переломные моменты истории. Национальная идентичность японцев начала формироваться более активно в период, когда островному государству стала угрожать колонизация и западная экспансия. Идентичность активно формировалась на протяжении XX в. в колониях европейских го-

сударств и выражалась в виде борьбы за суверенитет. «За исключением Гаити, эти движения за независимость возглавлялись поселенцами, которые до того считали себя заморскими фрагментами своих “материнских” империй. Со временем же они претерпели метаморфозу обретения статуса наций. Для тех тринадцати колоний, которые существовали в момент провозглашения независимости в 1776 г., было привычным считать свои “права” проистекающими из их статуса как “англичан” и закрепившимися порознь в отдельно взятых колониях» [9, с. 94]. Следовательно, для того чтобы получить независимость от европейских держав, необходимо было объединить население в стремлении к достижению этой самой независимости. А что может крепко объединить людей? Конечно же, национальные чувства. Получается, для начала борьбы за независимость следовало начать работу по формированию национальной идентичности. Эту необходимость хорошо понимали отцы-основатели США. Американская нация создавалась вполне сознательно, по четкому, ранее составленному плану, как в конструкторских бюро собираются самолеты или танки. Успешному нациестроительству в США в середине XIX в. стала угрожать новая волна иммигрантов. В страну хлынули массы немецких и ирландских католиков, которые могли размьть созданное ядро протестантизма в государственной идеологии. Новые волны иммиграции стали серьезной опасностью для созданной сравнительно недавно американской нации. И с такого рода опасностями американское руководство вынуждено было бороться, дабы не провалить чистой воды эксперимент по созданию нации. В настоящее время этнический состав ввиду процесса глобализации значительно меняется, что заставляет американских ученых вести интенсивные разработки новой программы национальной идентичности, которая не будет противоречить государственной идеологии.

Формирование русской идентичности прошло длительный этап эволюции, в ходе которого русскому народу приходилось значительные временные промежутки находиться в состоянии ожидания отражения внешних угроз. Впоследствии это выразилось в специфической национальной организации. «Перед Россией со времен Олега до времен Сталина история непрерывно ставила вопрос “быть или не быть?”, “съедят или не съедят?”», – пишет И. Л. Солоневич [10, с. 263].

Формирование русского народа завершилось после освобождения от татаро-монгольского ига. В этот период возникло ощущение исторического вызова. Экспансия Запада постоянно угрожала российской государственности. «Каковы бы ни

были разделяющие Европу интересы, все они соединяются в общем враждебном чувстве к России» [11, с. 38]. Ничего не изменилось и с образованием Советского Союза, и после его распада.

Но не только война способствует формированию национальной идентичности. Война – это крайний случай. Для формирования идентичности необходима какая-то одна общая масштабная проблема, которая бы и стала объединяющим фактором. Для решения проблемы необходимо создать образ общего врага, от которого исходит угроза дальнейшего существования нации. Не зря в Советском Союзе все негативные и асоциальные явления одушевлялись. То есть для них создавался наглядный образ, с которым советское общество и боролось. Намного проще сражаться с врагом, когда знаешь, как он выглядит. Так были созданы образы алкоголизма, тунеядства, капитализма, безграмотности, фашизма и др. Борьба с каждым из вышеперечисленных врагов представлялась в виде общего дела, успех которого зависит от пусть и небольшого, но обязательного вклада каждого жителя большой страны.

Иными словами, нациестроительству способствует угроза существованию. Или – в менее масштабных случаях – угроза к благоприятному существованию.

Следующий фактор, формирующий национальную идентичность, – хозяйство как сочетание всех элементов культуры какого-либо этноса. Через хозяйственную деятельность выражаются представления о природе, роли человека в ней, богатстве, благах, организации совместной деятельности, технологических знаниях и умениях, которыми обладает нация. Разнообразие в применении огня, в скотоводстве и земледелии, обработке металлов, в изготовлении орудий труда и оружия, в перемещении грузов говорит о наличии множества этнических особенностей, которые представляют собой полноценную систему, с одной стороны – устойчивую, а с другой – мобильную. Такая система является частью культуры каждой нации. Эта часть культуры настолько важна, что представители некоторых наций, боясь ее утратить, готовы отказаться от эффективности и других выгод. Такую тенденцию можно рассматривать как отсталость, а можно – как стремление сохранить свою национальную идентичность в условиях масштабных изменений в экономике и хозяйстве. Пример этого – Забайкальский край, в котором компактно проживают представители трех основных этнических групп: буряты, эвенки и русские. На сегодняшний день представители каждой из названных групп сохранили свою историческую специализацию. Русские занимаются преимущественно земледелием,

буряты – животноводством, а эвенки – охотой, рыболовством и оленеводством. Хозяйство особым образом переплетено с нацией, с ее историей. Можно сказать, что хозяйство выступает как синтез неформальных отношений, выраженный в конкретной экономической практике.

В этой связи хозяйство представляется авторам мощным инструментом формирования национальной идентичности. Хозяйство – это механизм национального самоопределения и то, что связывает людей прочными национальными связями. Взаимное влияние национального хозяйства и национальной культуры не смогли свести на нет даже волны экономической глобализации. Определенный тип экономической деятельности, закрепленный в специальных знаниях и навыках, традиционных способах хозяйствования, передаваемых от поколения к поколению, также способствует сохранению национальной идентичности и оберегает ее от разрушительных ассимиляционных процессов. Хозяйственные связи, исторически складывающиеся в экономическом комплексе, составляют основу существования национальных государств.

Пятым фактором выступает государство. «Строго очерченная этническая целостность (народ) возникает лишь на зрелой стадии политического развития и формируется там, где есть специализированное центральное руководство и идеология, защищающая его авторитет и неприкосновенность. Это и есть государство. Там, где оно еще не сложилось, этнические границы размыты» [12, с. 20–21].

В период зарождения европейских государств их прямой обязанностью являлось формирование национальной идентичности. Нации же большинства неевропейских государств сформировались сравнительно недавно.

В формировании идентичности государство обладает не только политической функцией, но и культурной. Очевидно, что для того чтобы осуществлять государственную власть, государство должно завоевать авторитет среди населения и обеспечить единство на всей территории. Особенно проблематично это сделать в странах имперского типа. Рассмотрим для примера Великобританию. Исторически Великобритания делится на четыре провинции: Уэльс, Шотландия, Северная Ирландия и Англия. В каждой из этих четырех провинций существует свой национальный язык, а значит, есть и как минимум четыре национальных культуры, не похожих одна на другую. Кроме этого, у Великобритании имеются заморские территории, в которых также существуют свои языки и культуры. Условно все заморские владения Великобритании можно разделить на три большие

группы: Вест-индийская (Ангилья, Британские Виргинские острова, Монтсеррат, Каймановы острова, Теркс и Кайкос), Атлантическая (Бермудские острова, Фолклендские (Мальвинские) острова, острова Святой Елены, Вознесения и Тристан-да-Кунья, Южная Георгия и Южные Сандвичевы острова), Полинезийская (острова Кука, острова Ниуэ, Токелау, Питкэрн). Каждая из этих групп представляет отдельную культуру. Как в условиях такой культурной разнородности и территориальной удаленности сформировать национальное ядро? Причем не просто сформировать, но и постоянно его поддерживать. Это ядро нуждается в постоянной защите от разрушительного воздействия внутренних политических противников, информационных и психологических войн с внешней стороны. В таких условиях государство должно поддерживать при помощи интенсивной культурной деятельности границы информационного пространства своего народа.

Россия также является страной имперского типа. Для формирования национальной идентичности такой большой общности важно на протяжении довольно длительного временного периода обеспечивать политическую стабильность. Государство выступает и той силой, которая может мобилизовать общность для преодоления угроз различного рода. «Чтобы конституироваться как чистый народ с полным параллелизмом всех его элементов, требуется длительная политическая стабильность, тем более продолжительная, чем более велик сам народ» [13, с. 197].

В тех странах, в которых конфликты, возникающие на национальной почве, не редкость, особенно важна роль государства в установлении правил жизненного уклада. Так, в странах Балканского полуострова (Черногория, Сербия, Македония, Словения) законодательно запрещены оскорбления национальных меньшинств и насмешка над ними. По кастовому и расовому признаку запрещена дискриминация в Индии. В Южно-Африканской республике и Мавритании законом карается расовая пропаганда. А в Руанде запрещается объединяться по расовому и клановому признаку. Но издать такой запрет означает признать наличие данной проблемы, что готово сделать руководство далеко не каждого государства. Японские власти на протяжении веков представляли свое государство как мононациональное, планомерно уничтожая этническую группу айнов.

Государство должно выполнять еще и функцию заслона нации от объединений и групп, которые могут оказать негативное влияние на национальное согласие. Фашистские партии и фашистская символика запрещены в Англии, Италии, Германии, а с недавнего времени и в

России. Президент Владимир Путин подписал в конце 2014 г. закон о запрете пропаганды нацистской символики в России.

В формировании национальной идентичности важна роль не только государства, но и государствообразующего народа, который мы выделяем в качестве шестого фактора. Государствообразующий народ – это народ, который создает, развивает и регулирует территориальную, экономическую, культурную, политическую, социальную, этическую безопасность государства и его целостность. Государствообразующий народ и титульная нация – не тождественные понятия. Титульная нация – это часть населения государства, национальность которого определяет официальное наименование данного государства. Данное понятие было введено в конце XIX в. французским политиком-националистом Морисом Барресом. Согласно теории Барреса, сильным государство может быть только в том случае, если национальные меньшинства и этнические диаспоры лояльны к титульной нации, а титульная нация поддерживает свои национальные меньшинства за границей. Из законодательства РФ понятие «титульная нация» исключено. «У нас свыше 80% населения – это русские, и это, безусловно, государствообразующий народ и в культурном смысле, и с точки зрения просто народонаселения. Но Россия сильна тем, что она многонациональна и многоконфессиональна», – подчеркнул Президент РФ В. В. Путин [14].

Седьмым фактором, формирующим национальную идентичность, являются язык и культура государствообразующего народа. Они составляют национальную ось. Государствообразующий народ в моноэтнических государствах образует неоспоримое численное большинство. Это такие страны, как Япония, Исландия, Республика Корея. Государствообразующий народ Франции – это, естественно, французы. В стране их численность составляет 93,6%. Во Франции проживают и национальные меньшинства: корсиканцы, каталонцы, эльзасцы, бретонцы, баски и др. В заморских французских департаментах в этническом отношении преобладают негры, метисы, меланезийцы, полинезийцы, креолы. Но в этой стране существует требование общенациональной ассимиляции.

Не обязательно нациеобразующая ось должна быть единственной. Их может быть несколько. Но, как правило, в государствах, имеющих две и более нациеобразующих оси, существует политическая нестабильность. В эпоху Средневековья в Восточной Европе динамично развивались два государства – Великое княжество Литовское и Королевство Польское. Эти государства были одноосевыми. В результате унии Литвы и Польши на

карте появилось новое государство – Речь Посполитая. Природа нового государства – двухосевая, что впоследствии позволило стать Речи Посполитой символом политической нестабильности в Европе. По европейским меркам государство Речь Посполитая было достаточно большим по территории. В итоге оно превратилось в предмет раздела между соседними государствами, которые когда-то по мощи уступали отдельно взятыми Польше и Литве.

Во многих государствах, в которых существует опасность национальной дезинтеграции, декларируются принципы уважения к культуре и традициям каждого отдельно взятого народа. Но при этом должно выполняться одно важное условие – необходимо соответствовать государственным требованиям и общенациональным ценностям. На официальном уровне в Лаосе и Бахрейне признается наличие других культур. И не просто это признается государством, но и принимается, адаптируя согласно своим ценностям. Те национальные обычаи, которые противостоят государственным ценностям и интересам граждан, отменяются в Гане, Намибии, Сомали, Уганде, Афганистане, Вьетнаме.

Жесткие требования соответствия, которые зачастую предъявляются к национальным меньшинствам, могут привести к печальным последствиям. Колониальные державы формировали национальную идентичность при помощи насильственной ассимиляции народов, которые к титульной нации не принадлежали, а то и просто уничтожали. В Канаде, Австралии, США вплоть до 30-х гг. XX в. индейцев ссылали в резервации. В Австралии до 1972 г. действовала программа по ассимиляции коренного населения материка. От нее отказались только тогда, когда на государственном уровне была принята политика мультикультурализма [15, с. 13–14].

Результаты

Глобализационные процессы влияют на формирование национальной идентичности, находя отражение не только в конкретной хозяйственной практике, но и в традиционных ценностных установках на микро-, макро- и мегауровнях системы. Факторами, оказывающими влияние на формирование идентичности, являются: земля, граница, государство, хозяйство, государствообразующий народ, внешние вызовы и угрозы, язык и культура, но степень их влияния различна и зависит от уровня формализации того или иного фактора. Чем выше формализован фактор, тем он менее подвержен влиянию глобализации. В процессе анализа установлено, что наибольшим трансформационным преобразованиям подвержены

язык, культура и хозяйство, составляющие каркас национальной идентичности любого государства. Поэтому на самом высоком уровне следует уделять внимание системе мер и мероприятий по институциональному регулированию влияния глобализационных процессов и выработке защитных механизмов для сохранения наиболее уязвимых мест в формировании национальной идентичности.

Список литературы

1. Николаев А. Н. «Русская матрица» или цивилизационная развилка? // Власть. 2014. № 2. С. 46–49.
2. Соборное слово XIX Всемирного русского народного собора по теме «Наследие князя Владимира и судьбы исторической Руси». URL: <http://www.vrns.ru/documents/80/4038/#.VsGb8rSLTGg> (дата обращения: 15.02.2016).
3. Каткова М. А. Влияние глобализации на развитие институциональной структуры рынка информационных технологий : дис. ... канд. экон. наук. Саратов, 2006. 176 с.
4. Коротин В. О. Модели национальной идентичности в современном обществе // Вестн. ПАГС. 2014. № 4 (43). С. 128–133.
5. Королева-Конопляная Г. И. Теория этногенеза Л. Н. Гумилева // Социально-политический журнал. 1994. № 7–8. С. 121–125.
6. Фильюшкин А. Когда Россия стала считаться угрозой Западу? Ливонская война глазами европейцев // Россия–XXI. 2004. № 3. С. 118–157.
7. Levi-Strauss C. Antropología estructural : Mito, sociedad, humanidades. México : Siglo XXI Eds, 1990. 435 p.
8. Комаровф Дж. Национальность, этничность, современность : политика самоосознания в конце XX века // Этничность и власть в полиэтничных государствах : сб. ст. М. : Наука, 1994. С. 36–53.
9. Янг К. Диалектика культурного плюрализма : концепция и реальность // Этничность и власть в полиэтничных государствах : сб. ст. М. : Наука, 1994. С. 86–116.
10. Солоневич И. Л. Народная монархия. М. : ЭКСМО-пресс, 2003. 608 с.
11. Данилевский Н. Я. Россия и Европа. М. : Ин-т русской цивилизации, 2011. 818 с.
12. Артановский С. Н. Проблема этноцентризма, этнического своеобразия культур и межэтнических отношений в современной зарубежной этнографии и социологии // Актуальные проблемы этнографии и современная зарубежная наука : сб. ст. М. : Наука, 1979. С. 11–40.
13. Токарев С. А. Андре Леруа-Гуран и его труды по этнографии и археологии // Этнологические исследования за рубежом : сб. ст. М. : Наука, 1973. С. 183–230.
14. Владимир Путин : Русские – государствообразующий народ в России. URL: <http://www.kommersant.ru/doc/2361008> (дата обращения: 15.06.2015).
15. Майорова И. И. Тенденции развития обучения и воспитания коренных народов Канады и Австралии : XIX–XX вв. : автореф. дис. ... канд. пед. наук. М., 2010. 23 с.

Socio-economic Factors of Formation of National Identity in the Conditions of Globalization

M. A. Katkova

Yuri Gagarin State Technical University of Saratov,
77, Politechnicheskaya str., Saratov, 410054, Russia
E-mail: mkatkova@mail.ru

V. O. Korotin

Yuri Gagarin State Technical University of Saratov,
77, Politechnicheskaya str., Saratov, 410054, Russia
E-mail: korotinv@rambler.ru

Introduction. The urgency of the problems of international cooperation associated with the exacerbation of national consciousness, increased tolerance to violations of national equality and distorted media coverage of conflict on a national basis. **Theoretical analysis.** The purpose of the article – to identify systemically important factors of national identity. The formation of national identity is determined by the spatial characteristics – border areas. Another factor that is closely related to the previous one, is a land. A feature of the above two factors is that they are not affected by the processes of globalization. The formation of national identity is important not only to the role of government, but also state-forming nation. **Results.** The analysis found that the largest transformational changes are subject to language, culture and economy that make up the framework of the national identity of any state. Therefore, at the highest level should be given to a system of measures and activities to institutionalize the influence of globalization processes and the development of protective mechanisms for the preservation of the most vulnerable places in the formation of national identity.

Key words: national identity, globalization, government, informal institutions.

References

1. Nikolaev A. N. «Russkaia matritsa» ili tsivilizatsionnaia razvilka? [«Russian matrix» or civilizational crossroads]. *Vlast'* [Authorities], 2014, no. 2, pp. 46–49.
2. *Sobornoe slovo XIX Vsemirnogo russkogo narodnogo sobora po teme «Nasledie kniazia Vladimira i sud'by istoricheskoi Rusi»* (Conciliar word XIX World Russian People's Council on «The Legacy of Prince Vladimir, and the fate of historical Rusi»). Available at: <http://www.vrns.ru/documents/80/4038/#.VsGb8rSLTGg> (accessed 15 February 2016).
3. Katkova M. A. *Vliianie globalizatsii na razvitie institucionalnoi struktury rynka informatsionnykh tekhnologii* [The impact of globalization on the development of the institutional structure of the information technology market. Cand. econ. sci. diss.]. Saratov, 2006. 176 p.
4. Korotin V. O. *Modeli natsionalnoi identichnosti v sovremennom obschestve* [Models of national identity in modern society]. *Vestnik PAGES* [Bulletin of the Volga Region Academy for civil service], 2014, no. 4 (43), pp. 128–133.
5. Koroleva-Konoplinaia G. I. Teoriia etnogeneza L. N. Gumileva [The theory of ethnogenesis L. N. Gumilyov]. *Sotsial'no-politicheskii zhurnal* [Socio-political magazine], 1994, no. 7–8. pp. 121–125.
6. Filyushkin A. *Kogda Rossiia stala schitatsia ugrozoi Zapadu? Livonskaia voyna glazami evropeitsev* [When Russia was considered a threat to the West? Livonian War through the eyes of European]. *Rossia–XXI* [Russia–XXI], 2004, no. 3. pp. 118–157.
7. Levi-Strauss C. *Antropologia estruktural: Mito, sociedad, humanidades*. México: Siglo XXI Eds, 1990. 435 p.
8. Komaroff Dzh. *Natsionalnost', etnichnost', sovremennost'*: politika sa- moosoznaniia v kontse XX veka [Nationality, ethnicity, modernity: the policy of self-realization in the late twentieth century]. *Etnichnost' i vlast' v polietnicheskikh gosudarstvakh* [Ethnicity and power in the multiethnic states. Collected of articles]. Moscow, Nauka Publ., 1994, pp. 36–53.
9. Yang K. *Dialektika kulturnogo pluralizma: kontseptsii i realnost'* [The dialectic of cultural pluralism: the concept and reality]. *Etnichnost' i vlast' v polietnicheskikh gosudarstvakh* [Ethnicity and power in the multiethnic states. Collected of articles]. Moscow, Nauka Publ., 1994, pp. 86–116.
10. Solonevich I. L. *Narodnaia monarkhiia* [The People's monarchy]. Moscow, EKSMO-press, 2003. 608 p.
11. Danilevskiy N. Ya. *Rossia i Evropa* [Russia and Europe]. Moscow, Institut russkoi tsivilizatsii, 2011. 818 p.
12. Artanovskiy S. N. *Problema etnotsentrizma, etnicheskogo svoeobrazii kultur I mezhetnicheskikh otnoshenii v sovremennoi zarubezhnoi etnografii I sotsiologii* [The problem of ethnocentrism, cultural and ethnic identity of ethnic relations in modern foreign ethnography and sociology]. *Aktualnye problemy etnografii i sovremennaia zarubezhnaia nauka* [Actual problems of ethnography and modern foreign science. Collection of articles]. Moscow, Nauka Publ., 1979, pp. 11–40.
13. Tokarev S. A. *Andre Lerua-Guran i ego trudy po etnografii i arkheologii* [Andre Leroi-Gourhan and his works on ethnography and archeology]. *Etnologicheskie issledovaniia za rubezhom* [Ethnological studies abroad. Collection of articles]. Moscow, Nauka Publ., 1973, pp. 183–230.
14. *Vladimir Putin: Russkie – gosudarstvoobrazuyushchii narod v Rossii* (Vladimir Putin: Russian – state-forming people in Russia). Available at: <http://www.kommersant.ru/doc/2361008> (accessed 15 June 2015).
15. Mayorova I. I. *Tendentsii razvitiia obuchenii i vospitaniia korennykh narodov Kanady i Avstralii: XIX–XX vv.* [Trends in the development of training and education of indigenous peoples in Canada and Australia: XIX–XX centuries. Cand. pedagog. sci. thesis diss.]. Moscow, 2010. 23 p.

УДК 330.35.01

МАТЕМАТИЧЕСКОЕ ОБОСНОВАНИЕ ЭКОНОМИЧЕСКОГО РОСТА В УСЛОВИЯХ ПОПАДАНИЯ СТРАНЫ В «ЛОВУШКУ ОТСТАЛОСТИ»

А. С. Семенов

кандидат физико-математических наук, доцент кафедры экономики и финансов фирмы, Национальный исследовательский университет «Высшая школа экономики», Москва
E-mail: semenov.venture@mail.ru

В. А. Дерунов

кандидат технических наук, доцент кафедры прикладной информатики в управлении, Поволжский институт управления имени П. А. Столыпина – филиал РАНХиГС при Президенте РФ, Саратов
E-mail: vd-2302@yandex.ru

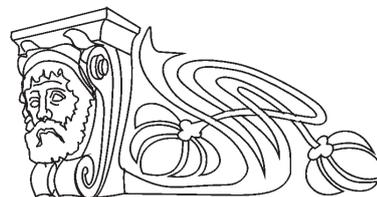
Введение. Решение проблемных вопросов технологического развития России является актуальной задачей формирования инновационной экономики. В последние годы наблюдается интенсификация добычи полезных ископаемых и их продажи за рубеж, что может привести к быстрому истощению ресурсов и ухудшению положения страны в будущем, однако при грамотной макроэкономической политике наличие сырья и сырьевого экспорта может стать серьезным конкурентным преимуществом страны. **Теоретический анализ.** В статье проведен анализ инновационного роста экономики в условиях нарастания объемов добычи природных ресурсов, проводимый в рамках модели Солоу, а также даны оценка и обоснование факторов, отрицательно влияющих на экономику. В статье разработаны экономико-математические модели роста на основе модификации модели Солоу с постоянной нормой сбережения. **Обсуждение результатов.** Проведены моделирование динамики технологического развития экономики и анализ эффекта попадания экономики в «ловушку отсталости» при отставании экономики от мировых технологических лидеров. Доказано, что экзогенные высокие цены на ресурс при низких технологическом уровне, потенциале развития и уровне образования могут привести к усилению зависимости экономики от сырьевого фактора. С помощью методов математического моделирования обосновано, что при стабильно высоких ценах страна начнет утрачивать потенциал развития и в экономике будет преобладать сырьевая составляющая, далее, в случае падения цен на ресурс, большинство инвестиций в экономике вновь перейдет в обрабатывающий сектор, который, однако, будет иметь потенциал развития, недостаточный для ликвидации отставания экономики, может понизиться уровень образования в случае его непостоянства, что сделает выход экономики на мировой уровень невозможным.

Ключевые слова: экономический рост, технологический прогресс, «ловушка отсталости», эндогенный рост, уровень образования, государственная политика.

DOI: 10.18500/1994-2540-2016-16-3-288-293

Введение

Рентабельность сырьевого сектора в России намного превысила рентабельность многих других отраслей, что, вероятно, может создать благоприятные условия для возникновения эф-

фекта «голландской болезни» и попадания экономики страны в «ловушку отсталости», когда быстрорастущий сырьевой сектор подавляет все другие сектора вследствие перетока инвестиций и ресурсов и становится доминирующим в экономике. И в действительности за последние годы наблюдалась интенсификация добычи полезных ископаемых и их продажи за рубеж, что может привести к быстрому истощению ресурсов и ухудшению положения страны в будущем [1]. В то же время при грамотной макроэкономической политике наличие сырья и сырьевого экспорта может стать серьезным конкурентным преимуществом. Потенциал очень сильно отставал от мировых стандартов. Однако и этот тип роста не полностью задействует человеческий и технологический капитал, имеющийся в России, поскольку значительная часть производств и технологий в этих сегментах непосредственно заимствуется с мирового рынка.

Опыт зарубежных стран, достигших устойчивого экономического роста за счет интенсификации инновационной деятельности, увеличения присутствия на рынке инновационных товаров, услуг и технологий, демонстрирует, что темпы развития страны в значительной степени определяются объемами финансирования инновационной деятельности [2].

Одним из основных неблагоприятных факторов, отрицательно влияющих на развитие России, является недостаточный приток стратегических инвестиций и неразвитость инструментов финансово-кредитного рынка в вопросах инвестирования инвестиционных проектов.

Впрочем, в последнее время стали активизироваться процессы перетока капитала между отраслями, в частности, в рамках крупных межотраслевых ФПГ. Отсутствие большого притока зарубежных стратегических инвестиций из-за рубежа позволяет говорить о преимущественно внутреннем финансировании инвестиционных проектов.

Рост компаний, которые работают на внутренние потребительские рынки, полностью

раскрывается теорией имитаций и инноваций. Так, сначала совершались значительные закупки зарубежных инновационных технологий и перевооружение компаний, далее осуществлялся переход к инновационной деятельности, а именно образование НИОКР-подразделений. Развитие институциональной среды в России определяет направления, формы, подходы, условия и саму возможность модернизационных процессов в экономике. Модернизация во всем мире проходит непрерывно, для России процесс модернизации является вынужденной мерой, так как в структуре экономики более половины приходится на сырьевой сектор. Перед страной стоит задача по эффективному переходу в реалистические сроки на 5-й, 6-й, а по некоторым позициям и на 7-й технологические уклады [3].

Эти факты о России стали основой для построения модели эндогенного инновационного роста экономики с ресурсодобывающим сектором с постоянной нормой сбережения и отсутствием внешнего притока инвестиций. Предлагаемая модель является попыткой распространить модель Солоу на многосекторную экономику с учетом перетока факторов производства. В рамках данной модели показано, что высокие цены на природный ресурс могут в некоторых случаях привести к технологическому отставанию страны, и «голландская болезнь» вследствие попадания страны в «ловушку отсталости» может дать негативный эффект не только на объем выпуска, но и на рост технологической оснащенности экономики.

Теоретический анализ

Одной из отправных точек теории роста является модель Солоу, увязывающая рост ВВП в экономике с величиной нормы сбережения, при предположении, что все сбережения переходят в инвестиции. В базовой модели отсутствует технологический прогресс, а экономика предполагается однородной, т.е. состоящей из одного единственного сектора. Основным результатом модели является доказательство существования стационарного состояния роста, к которому стремится экономика. Темп роста в стационарном состоянии равен темпу естественного роста населения. Параметры экономики в стационарном состоянии зависят от нормы сбережения, производственной функции и темпа роста населения.

Небольшая модификация модели Солоу позволяет ввести в экономику технический прогресс, растущий с постоянным темпом. В стационарном состоянии темп роста экономики становится равным сумме темпа роста населения и темпа технического прогресса. Это позволяет

объяснить различие в темпах роста между разными группами стран, поскольку интенсивность НИОКР в разных регионах мира существенно отличается.

Тем не менее, модель Солоу с технологическим прогрессом не учитывает эндогенности технического прогресса и его зависимости от текущего уровня развития страны, т.е. удаленности страны от технологической границы. Постоянный темп технического прогресса не может объяснить особенности развития многих стран, например, быстрый рост «новых индустриальных стран» в Юго-Восточной Азии, замедление темпов роста экономики Японии в 1990-х гг., серьезные экономические проблемы стран, проводивших политику импортзамещения. Возможной гипотезой о причине всех вышеописанных явлений выступает предположение о непостоянном темпе технического прогресса в экономике и его частичной или полной эндогенности.

Еще одним возможным объяснением стабилизации технологического отставания и даже деиндустриализации в ряде стран являются искажения экономики, возникающие из-за увеличения интенсивности разработки исчерпаемого природного ресурса, например нефти или газа. Из-за более высокой рентабельности капитал начинает перетекать из наукоемких отраслей, обеспечивающих рост технологического уровня экономики в целом, в сектор добычи ресурса [4]. Этот эффект может усугубляться тем, что в связи с ростом благосостояния населения, вызванного увеличением выручки от продажи природного ресурса, спрос на неторгуемый товар внутри страны увеличится, цены на него вырастут и факторы производства будут перетекать также и в сектор неторгуемого товара. Эти два эффекта и представляют собой «голландскую болезнь», результатами которой становятся угасание наукоемкого обрабатывающего сектора и усиление зависимости экономики от экзогенной цены на ресурсы [5].

Особенностью данной модели является эндогенность технического прогресса в обрабатывающем секторе. При решении задачи максимизации на период t константа A_t предполагается заданной. Однако поскольку в обрабатывающем секторе идет накопление знания и технологий, то A_t меняется со временем. Эволюция технологического уровня A_t имеет сложную структуру и зависит от экзогенных и эндогенных факторов.

Мировой экзогенный технологический прогресс (следуя (Polterovich, Tonis (2003))) задается уравнением

$$\bar{A}_{t+1} = \bar{A}_t(1 + g),$$

где g – постоянный темп мирового технологического прогресса. Определяющим фактором эффективности инвестиций в обрабатывающий сектор является уровень развитости страны a_t . Он может быть определен как отношение технологического уровня страны к мировому технологическому уровню:

$$a_t = \frac{A_t}{\bar{A}_t}$$

По мере развития производства обрабатывающий сектор накапливает знания и технологии (потенциал развития) H_t . Потенциал развития, накопленный к концу периода t , равен

$$H_t = (\delta_H + (1 - \delta_H)C(a_t)\sigma_{M,t})H_{t-1}$$

Первое слагаемое отвечает той части потенциала развития, которая осталась с предыдущего периода, а второе – знания и технологии, приобретенные и освоенные за период t . Здесь δ_H ($0 \leq \delta_H \leq 1$) – доля H , переходящая с предыдущего периода, $C(a_t)$ – экзогенно заданная функция, соответствующая уровню образования

в стране, а $\sigma_{M,t} = \frac{K_{M,t}}{K_{M,t} + K_{R,t}}$ – доля капитала в

обрабатывающем секторе во всем капитале в период t (считается, что единственным источником и потребителем технологического прогресса является обрабатывающий сектор). Начальное значение H_0 задается экзогенно.

Имеющийся потенциал развития может быть затрачен как на заимствование и адаптацию новых зарубежных технологий (имитация), так и на проведение собственных НИОКР и их внедрение (инновации) [5]. Имитации и инновации вызывают рост технологического уровня A_{t+1} по сравнению с A_t . Новое значение A_{t+1} становится известным на начало периода $t+1$. Динамика технологического уровня удовлетворяет уравнению

$$A_{t+1} = \delta_A A_t + im(a_t)h_{1,t}\bar{A}_t + inn(a_t)h_{2,t}A_t$$

Коэффициент δ_A ($0 \leq \delta_A \leq 1$) соответствует имитациям и инновациям, не выработавшим своего ресурса к предыдущему периоду. Слагаемое $im(a_t)h_{1,t}\bar{A}_t$ соответствует имитационной, а $inn(a_t)h_{2,t}A_t$ – инновационной составляющим технологического роста. Переменные $h_{1,t}$, $h_{2,t} = H_t - h_{1,t}$ соответствуют долям потенциала развития, затрачиваемым на имитации и инновации. Отличительной чертой данной модели обрабатывающего сектора является тот факт, что с ростом технологической вооруженности и уровня развитости страны имитации становятся менее эффективными для экономики, а инновации –

более эффективными, т.е. функция $im(a)$ является убывающей, а $inn(a)$ – возрастающей по a .

Предполагается, что все страны, находящиеся на передовой технологической границе ($a = 1$), имеют чисто инновационный тип развития, т.е. $im(1) = 0$.

Еще одним естественным ограничением на технологический рост является тот факт, что никакая страна, в том числе и страна-лидер, находящаяся на инновационной стадии, не может «обогнать» мировой технологический прогресс, т.е. существует добавочное ограничение:

$$A_{t+1} \leq \bar{A}_{t+1} = (1 + g)\bar{A}_t$$

или

$$a_{t+1} \leq 1.$$

Задача оптимального распределения потенциала развития выглядит следующим образом:

$$A_{t+1} = \delta_A A_t + im(a_t)\bar{A}_t h_{1,t} + inn(a_t)A_t h_{2,t} \longrightarrow \max_{h_{1,t}, h_{2,t}}$$

$$s.t. \quad A_{t+1} \leq \bar{A}_{t+1}$$

$$s.t. \quad h_{1,t} + h_{2,t} = H_t.$$

Следует отметить, что для решения данной задачи максимизации нужно найти в явном виде функцию $A_{t+1}(H_t, A_t)$, т.е. решить задачу

$$A_{t+1}^* = \delta_A A_t + im(a_t)\bar{A}_t h_{1,t} + inn(a_t)A_t h_{2,t} \longrightarrow \max_{h_{1,t}, h_{2,t}}$$

$$s.t. \quad h_{1,t} + h_{2,t} = H_t$$

и найти A_{t+1} по формуле

$$A_{t+1}(H_t, A_t) = \min\{\bar{A}_{t+1}, A_{t+1}^*\}$$

Решение максимизационной задачи имеет вид:

$$A_{t+1}^* = \delta_A A_t + im(a_t)\bar{A}_t H_t,$$

$$\text{если } im(a_t)\bar{A}_t \geq inn(a_t)A_t;$$

$$A_{t+1}^* = \delta_A A_t + inn(a_t)A_t H_t,$$

$$\text{если } im(a_t)\bar{A}_t < inn(a_t)A_t.$$

Далее будут рассмотрены динамика технологического развития экономики и эффект попадания экономики в «ловушку отсталости».

Рассмотрим случай исключительно обрабатывающей экономики, находящейся на границе технологического роста в момент времени t . Тогда $\sigma_{M,t} = 1$, $A_t = \bar{A}_t$ и уравнение на потенциал развития имеет вид

$$H_t = (\delta_H + (1 - \delta_H)C(1))H_{t-1}$$

Тогда эволюция технологического прогресса имеет вид

$$A_{t+1} = \min\{\bar{A}_{t+1}, A_{t+1}^*\}$$

$$A_{t+1}^* = \delta_A A_t + inn(1)A_t H_t.$$

Страна сохранит технологическое лидерство, если

$$\delta_A + inn(1)H_t \geq (1 + g).$$

Следствием этого неравенства является тот факт, что потенциал развития H и уровень образования C должны оставаться достаточно высокими на протяжении всей эволюции системы.

Пусть уровень образования является постоянным и равным единице, т.е. $C = \text{const} = 1$, а экономика технологическим лидером не является. Потенциал развития подчинен уравнению [6, с. 1295]

$$H_t = (\delta_H + (1 - \delta_H)C)H_{t-1} = H_{t-1} = H.$$

Технологический уровень имеет динамику

$$a_{t+1} = \min \left\{ 1, \frac{\delta_A a_t + \max \{ inn(a_t) a_t, im(a_t) \} H}{1 + g} \right\}.$$

Можно видеть, что при определенных (малых) значениях H экономика никогда не достигнет технологической границы. При больших же значениях H экономика быстро выйдет на мировой технологический уровень. Проиллюстрируем это на конкретном примере (рис. 1). Пусть $g=0.001$, $\delta_A=0.5$, $\delta_H=0.5$, $im(a)=0.7(1-a^2)$, $inn(a)=0.9a^2$, $C(a_t)=1$. Рассмотрим уровни $H=1$ и $H=0.6$.

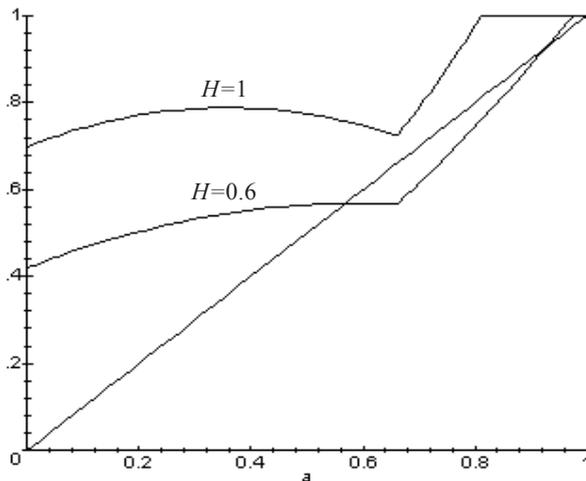

Рис 1. «Ловушка отсталости» при малых значениях H (зависимость a_{t+1} от a_t)

Верхний график соответствует уровню $H=1$, а нижний – уровню $H=0.6$. Можно видеть, что для случая $H=0.6$ существует стационарный уровень a в точке S , не равный единице. Это означает, что в перспективе уровень отсталости страны стабилизируется и не будет сокращаться.

Далее будет рассмотрен общий случай, когда в экономике присутствует добывающий сектор, а страна в целом не является технологическим лидером, и $im(a_t)$ и $inn(a_t)$ не равны 0. Тогда

$$a_{t+1}^* = \frac{A_{t+1}^*}{A_{t+1}} = \delta_A \frac{a_t}{1 + g} + \frac{im(a_t)}{1 + g} H_t,$$

$$\text{если } im(a_t) \bar{A} \geq inn(a_t) A_t;$$

$$a_{t+1}^* = \frac{A_{t+1}^*}{A_{t+1}} = \delta_A \frac{a_t}{1 + g} + \frac{inn(a_t) a_t}{1 + g} H_t,$$

$$\text{если } im(a_t) \bar{A} < inn(a_t) A_t.$$

Иначе это можно переписать как

$$a_{t+1}^* = \frac{A_{t+1}^*}{A_{t+1}} = \delta_A \frac{a_t}{1 + g} + \frac{\max \{ inn(a_t) a_t, im(a_t) \}}{1 + g} H_t,$$

$$a_{t+1} = \min \{ 1, a_{t+1}^* \}.$$

Пусть $a_t < 1$. Необходимое условие технологического роста экономики может быть записано как

$$a_{t+1}^* = \delta_A \frac{a_t}{1 + g} + \frac{\max \{ inn(a_t) a_t, im(a_t) \}}{1 + g} H_t > a_t.$$

Это неравенство равносильно

$$\max \{ inn(a_t) a_t, im(a_t) \} H_t > a_t (1 + g - \delta_A),$$

или

$$H_t > \frac{a_t (1 + g - \delta_A)}{\max \{ inn(a_t) a_t, im(a_t) \}}.$$

В случае невыполнения этого неравенства на конец периода t отставание экономики от мировых технологических лидеров не уменьшится. При усилении отставания экономика может попасть в «ловушку отсталости», когда преодоление технологической отсталости становится невозможным в принципе из-за малых значений H (что было показано в предыдущем примере).

Доля капитала обрабатывающего сектора в общей капиталовооруженности экономики составляет

$$\begin{aligned} \sigma_{M,t} &= \frac{K_{M,t}}{K_{M,t} + K_{R,t}} = \left(\frac{A_t^2}{B^2 (p_t - \beta)^2 + A_t^2} \right) = \\ &= \frac{1}{\frac{B^2 (p_t - \beta)^2}{A_t^2} + 1}. \end{aligned}$$

Уравнение на потенциал развития имеет вид

$$H_t = \left[\delta_H + (1 - \delta_H) \frac{C(a_t)}{\frac{B^2 (p_t - \beta)^2}{A_t^2} + 1} \right] H_{t-1}.$$

Пусть H_0 – таково, что при этом значении исключительно обрабатывающая экономика с уровнем образования $C(a_t) > 1$ не попадает в «ловушку отсталости». Если цены на ресурс достаточно близки к β , то H_t будет возрастать со временем и экономика также приблизится к уровню лидера. Если же цена на ресурс растет слишком быстро, то в определенный момент времени экономика может попасть в «ловушку отсталости» [7].

Также нужно отметить, что чем выше β , тем меньше будет влияние на экономику цены на ресурс. Большое β означает, что владельцы ресурсов готовы отказаться от части сегодняшней прибыли ради возможности получить больше прибыли в будущем.

Обсуждение результатов

Экзогенные высокие цены на ресурс при низких технологическом уровне, потенциале развития и уровне образования могут привести к усилению зависимости экономики от сырьевого фактора. При стабильно высоких ценах страна начнет утрачивать потенциал развития, станут убывать A_t и a_t и в экономике будет преобладать сырьевая составляющая. Затем, в случае паде-

ния цен на ресурс, большинство инвестиций в экономике вновь перейдет в обрабатывающий сектор, который, однако, будет иметь потенциал развития, недостаточный для ликвидации отставания экономики. К тому же может существенно понизиться и уровень образования C (если он непостоянен), что сделает выход экономики на мировой уровень невозможным.

Проиллюстрируем этот эффект на конкретном примере. Рассмотрим динамику экономики за $T=150$ периодов. Пусть $g=0.001$, $\delta_A=0.5$, $\delta_H=0.5$, $im(a)=0.7(1-a^2)$, $inn(a)=0.9a^2$, $C=1.2$, $s=0.17$, $B=1$, $K_1=10$, $\beta=0.7$. По уровню развития экономика близка к мировым технологическим лидерам ($A_1=6.9$, $\bar{A}_1=7$). Рассмотрим случай стабильно низкой экзогенной цены на ресурс. В этом случае экономика быстро выходит на лидирующий уровень. Далее рассмотрим случай, когда цена на ресурс является изначально высокой, но снижающейся со временем. Тогда на участке высоких цен происходит спад технологического уровня, а затем деиндустриализация экономики. Ниже приводятся графики, иллюстрирующие динамику цены на ресурс и технологического уровня (рис. 2).

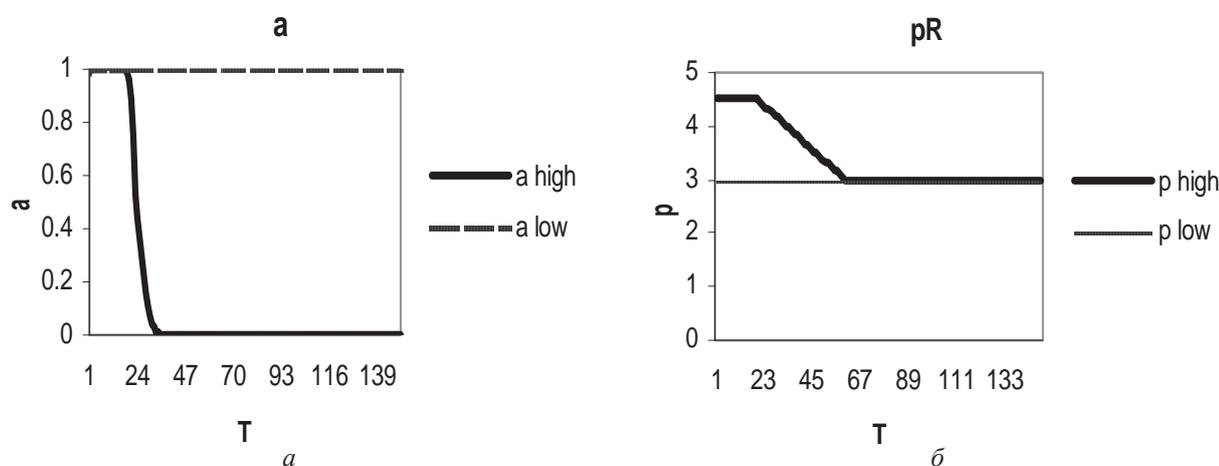

Рис. 2. Динамика двухсекторной экономики без государственного вмешательства: а – стабильная цена на ресурс; б – экзогенные колебания цены на ресурс

Таким образом, данный пример показывает, что в условиях высокой цены на ресурс условия свободного рынка (и эквивалентная им задача максимизации ВВП) не всегда могут обеспечить стабильный рост технологического уровня a_t . Это означает, что для предотвращения неблагоприятных тенденций, связанных с экзогенными колебаниями мировых цен на ресурс, требуются дополнительные регулирующие механизмы. Одним из методов регулирования может стать активная экономическая политика государства.

Исследование выполнено при финансовой поддержке РФФИ (проект № 14-06-00446-а).

Список литературы

1. Цветков В. А. Основные направления модернизации отечественной экономики // Экономика региона. 2011. № 2. С. 37–40.
2. Фирсова А. А. Зарубежный опыт применения государственно-частных партнерств для развития инвестирования инновационной деятельности // Изв. Саратов.

- ун-та. Нов. сер. Сер. Экономика. Управление. Право. 2011. Т. 11, вып. 2. С. 75–79.
3. Carlin W., Seabright P. (2003) The Importance of Competition in Developing Countries for Productivity and Innovation // Background paper for World Development Report. 2004. P. 89–94.
 4. Дерунова Е. А. Моделирование оценки эффективности научных разработок в сельском хозяйстве // Экономика региона. 2012. № 2. С. 250–257.
 5. Polterovich V., Tonis A. (2003) Innovation and Imitation at Various Stages of Development: A Model with Capital. Working Paper 2005/048. М.: New Economic School, 2005. 26 p.
 6. Семенов А. С., Дерунова Е. А. Методические подходы к развитию сырьевого сектора экономики России // Изв. Саратов. ун-та. Нов. сер. Сер. Экономика. Управление. Право. 2014. Т. 14, вып. 2, ч. 2. С. 379–386.
 7. Derunova E., Semenov A. Study of the Problematic Issues of the Raw Material Orientation of the Economy: The Dutch Disease and its Influence on Innovative Development // World Applied Sciences Journal. 2013. Vol. 25, № 9. P. 1295–1301.

Mathematical Justification of Economic in the Conditions of Falling of the Country in the «Underdevelopment Trap»

A. S. Semenov

National Research University Higher School of Economics, 26, Shabolovka str., Moscow, 119049, Russia
E-mail: semenov.venture@mail.ru

V. A. Derunov

Stolyipin Volga Region Institute of Administration of the Russian Presidential Academy of National Economy and Public Administration, 23/25, Sobornaya str., Saratov, 410031, Russia
E-mail: vd-2302@yandex.ru

Introduction. Solving problems of technological development of Russia is an important task of formation of an innovative economy. In recent years there has been an intensification of mining operations and sales abroad, which can lead to rapid depletion of resources and the deterioration of the country in the future, but with competent macroeconomic policies, availability of raw materials and export of raw materials can be a major competitive advantage for the country. **Theoretical analysis.** The article analyzes the innovation of economic growth in terms of increase in production of natural resources, held in the framework of the Solow model, as well as evaluation and justification of the factors that negatively affect the economy. In the developed economic and mathematical model of growth based on the modification of the Solow model with constant saving rate. **Discussion of results.** In the simulations of the dynamics of technological development and analysis of the effect of the economy falling into the trap of underdevelopment in the lagging economy from the world's

technological leaders. It is proved that exogenous high prices for the resource at low technological level, capacity development and the level of education can lead to greater economic dependence on raw materials factor. With the help of mathematical modeling proved that at consistently high prices, the country will lose its potential for development and the economy will dominate the raw material component, further in the case of a fall in prices for the resource, the majority of investments in the economy again goes into the manufacturing sector, which, however, will have the potential for development insufficient to eliminate the backlog of the economy, may reduce the level of education in the case of inconsistency, which makes the output of the economy at world level impossible.

Key words: economic growth, technological progress, «underdevelopment trap», endogenous growth, education, public policy.

The reported study was supported by RFBR (project № 14-06-00446-a).

References

1. Cvetkov V. A. Osnovnye napravleniia modernizatsii otechestvennoi ekonomiki [The main directions of modernization of the national economy]. *Ekonomika regiona* [The region's economy], 2011, no. 5, pp. 37–40.
2. Firsova A. A. Zarubezhnyi opyt primeniia gosudarstvenno-chastnykh partnerstv dlia razvitiia investirovaniia innovatsionnoi deiatel'nosti [International Experience of Public-Private Partnerships for Development Investment of Innovation]. *Izv. Saratov Univ. (N.S.), Ser. Economics. Management. Law*, 2011, vol. 11, iss. 2, pp. 75–79.
3. Carlin W., Seabright P. (2003) The Importance of Competition in Developing Countries for Productivity and Innovation. *Background paper for World Development Report*, 2004, pp. 89–94.
4. Derunova E. A. Modelirovanie ocenki jeffektivnosti nauchnykh razrabotok v sel'skom hozjajstve [Simulation evaluation of the effectiveness of scientific research in agriculture]. *Ekonomika regiona* [The region's economy], 2012, no. 2, pp. 250–257.
5. Polterovich V., Tonis A. (2003) *Innovation and Imitation at Various Stages of Development: A Model with Capital. Working Paper 2005/048*. Moscow, New Economic School, 2005. 26 p.
6. Semenov A. S., Derunova E. A. Metodicheskie podhody k razvitiyu syr'evogo sektora jekonomiki Rossii [Methodical approaches to development of raw sector of economy of Russia]. *Izv. Saratov Univ. (N.S.), Ser. Economics. Management. Law*, 2014, vol. 14, iss. 2, pt. 2, pp. 379–386.
7. Derunova E., Semenov A. Study of the Problematic Issues of the Raw Material Orientation of the Economy: The Dutch Disease and its Influence on Innovative Development. *World Applied Sciences Journal*, 2013, vol. 25, no. 9, p. 1295–1301.

УПРАВЛЕНИЕ

УДК 005; 330.45

УПРАВЛЕНИЕ ПРОЕКТАМИ: МАТЕМАТИЧЕСКИЕ МОДЕЛИ ОПТИМАЛЬНОГО НАЗНАЧЕНИЯ ИСПОЛНИТЕЛЕЙ ПРОЕКТНЫХ РАБОТ

А. В. Катаев

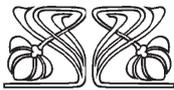
кандидат экономических наук, доцент кафедры менеджмента и инновационных технологий, Южный федеральный университет, Таганрог
E-mail: kataev@kataev.ru

Т. М. Катаева

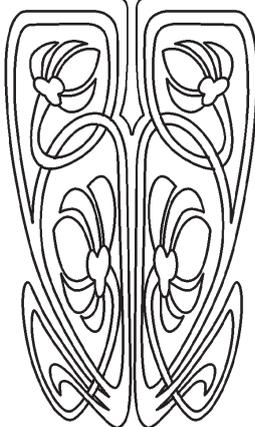
кандидат экономических наук, доцент кафедры менеджмента и инновационных технологий, Южный федеральный университет, Таганрог
E-mail: tm@kataeva.ru

Е. Л. Макарова

кандидат педагогических наук, доцент кафедры менеджмента и инновационных технологий, Южный федеральный университет, Таганрог
E-mail: helen_makarova@mail.ru

НАУЧНЫЙ
ОТДЕЛ

Введение. Значительная часть реализуемых в мировом сообществе проектов превышают по своей длительности и стоимости установленные на этапе планирования ограничения, т.е. не являются успешно выполненными. По нашему мнению, основной причиной такого положения дел является сложность осуществления оптимального выбора и назначения исполнителей на выполнение основных проектных работ, сопряженная с отсутствием учета ряда существенных факторов. **Теоретический анализ.** Теорией и практикой управления проектами и исследования операций предложен ряд оптимизационных моделей составления расписания работ проекта с учетом их взаимосвязей, а также необходимых ресурсов. Данные модели принято относить к классу экстремально NP-трудных, что объясняет определенные сложности их эффективной реализации на практике. **Методика исследования.** Приведена базовая постановка задачи оптимального выбора и назначения исполнителей на выполнение проектных работ, в которой учтена топология сетевого графика, а в качестве критерия оптимизации выступает длительность реализации проекта. В приведенной модели также установлены ограничения на суммарную стоимость всех работ по проекту, а также определено, что для выполнения каждой работы привлекается только один исполнитель, который в случае необходимости способен выполнить ряд задач. **Результаты.** В ходе исследований авторами были сформулированы дополнительные существенные ограничения, учет которых в модели позволяет значительно расширить сферу применения и повысить эффективность ее использования на практике. В статье представлено подробное содержательное описание данных ограничений, а также их корректная формализация.

Ключевые слова: управление проектами, назначение исполнителей, теория расписаний, математические модели, сетевой график проекта.

DOI: 10.18500/1994-2540-2016-16-3-294-299

Введение

Практика проектного менеджмента показала, что более половины всех реализуемых в мире проектов не оканчиваются успешно из-за превышения ограничений по времени и стоимости [1]. Такая ситуация характерна и для России, причиной чему является множество разнообразных по природе и степени влияния факторов. По нашему мнению, основные из них заключаются в принятии недостаточно

обоснованных управленческих решений относительно выбора и назначения исполнителей на выполнение отдельных работ по проекту. При поддержке принятия данных решений используются, как правило, модели оптимального назначения, где в качестве исходных, т.е. заранее известных, данных используются сведения о сроках и длительности реализации и необходимых для этого ресурсов, которые по факту могут быть изменены в случае использования иных подходов к выполнению. При этом эффективное использование на практике таких моделей является достаточно проблематичным из-за необходимости комплексного учета дополнительных факторов, способных оказать значительное влияние на ход и качество выполнения проектных работ. Попытаемся выявить и формализовать наиболее существенные из таких факторов (ограничений), которые характерны для широкого спектра проектов, отличающихся своим содержанием и масштабом.

Теоретический анализ

Теорией и практикой управления проектами и исследования операций предложен целый ряд методов, моделей и алгоритмов, ориентированных на конструирование и оптимизацию сетевых моделей проекта, которые в зависимости от специфики могут иметь детерминированный, альтернативный, стохастический или смешанный характер [2–5]. На основании же сконструированной сетевой модели проекта уже рассчитываются временные и ресурсные показатели проекта, которые согласовываются с каждой заинтересованной стороной и в случае необходимости вносятся изменения и корректировки. Большинство оптимизационных математических моделей управления проектом строятся исходя из известных (вероятных или предполагаемых) временных и стоимостных характеристик работ, а также заданной топологии сетевой модели [3, 5].

В качестве одной из основных и наиболее сложных задач оптимизации проекта различными исследователями рассматривается задача RCPSP (Resource-Constrained Project Scheduling Problem) – построение оптимального расписания выполнения работ проекта с учетом отношений предшествования между работами и с учетом необходимых и (или) доступных ресурсов, при котором будет оптимизирована некоторая целевая функция (например, минимизирование длительности выполнения проекта) [6, 7]. Задача RCPSP является экстремально NP-трудной [6].

В данной статье исследуется задача оптимального выбора и назначения исполнителей работ в случае, когда для выполнения каждой работы привлекается только один исполнитель

(партнер, группа, отдел, бригада и т.п.), и исполнитель может выполнять множество работ в проекте с определенными им самим или менеджером проекта временем, стоимостью и другими параметрами выполнения. Данная задача является, с одной стороны, модификацией и частным случаем задачи RCPSP, а с другой – расширением фундаментальной задачи о назначениях.

Методика исследования

Рассмотрим следующую базовую постановку задачи. Пусть имеется некий проект, в котором известны только взаимосвязь работ, представленная в виде сетевого графика, а также содержательные требования к результатам работ и всего проекта в целом. На выполнение работ претендуют n различных исполнителей, каждый из которых обязуется в полном объеме выполнить отдельные работы за определенное им время t и со стоимостью c . Требуется назначить исполнителей на работы таким образом, чтобы минимизировать длительность выполнения проекта и уложиться в выделенный бюджет.

Как известно, сетевая модель в терминах сетевого планирования и управления (СПУ) представляет собой ориентированный граф, где дугами отображаются работы сети, а вершины показывают события, когда завершаются одни работы и (или) начинаются другие [3]. Очевидно, что некоторые работы в проекте могут выполняться одновременно, из чего следует, что необходимо нахождение такого распределения исполнителей по работам, при котором длительность критического пути в сетевой модели будет минимальна.

Математические постановки данной задачи, сформулированные как модели смешанного целочисленного линейного программирования, предложены авторами в [8] и [9]. В простом случае математическая модель назначения исполнителей с оптимизацией проекта по длительности и ограничением на максимальный бюджет формулируется следующим образом:

$$L = T_h \rightarrow \min \quad (1.1)$$

$$T_g \geq T_k + \left(\sum_{i=1}^n t_{ij} x_{ij} \right), \quad (j = \overline{1, m}); \quad (1.2)$$

$$\sum_{i=1}^n x_{ij} = 1, \quad (j = \overline{1, m}); \quad (1.3)$$

$$\sum_{i=1}^n \sum_{j=1}^m c_{ij} x_{ij} \leq Cm; \quad (1.4)$$

$$x_{ij} = \begin{cases} 0, & (i = \overline{1, n}; j = \overline{1, m}); \\ 1, & \end{cases} \quad (1.5)$$

$$\forall T_s \geq 0; \quad (1.6)$$

, (1)

где: – неизвестными являются все T_s , т.е. все ранние сроки наступления событий проекта, и факт назначения исполнителя на работу (x_{ij}), причем T_k и T_g – ранние сроки наступления начального и конечного события работы $P_{k,g}$ соответственно;

– в качестве целевой функции (1.1) выступает T_h – ранний срок наступления конечного (последнего) события всей сети, а h – номер этого события;

– каждой работе $P_{k,g}$ поставлен в соответствие индекс j , где $j = \overline{1, m}$, а m – количество работ;

– t_{ij} – время выполнения j -ой работы i -ым исполнителем, где $i = \overline{1, n}$, а n – количество исполнителей;

– c_{ij} – стоимость выполнения j -ой работы i -ым исполнителем;

– C_m – максимальная суммарная стоимость всех работ по проекту.

Группа ограничений (1.2) в соответствии с методом критического пути (Critical Path Method [10, 11]) задает порядок выполнения работ, точнее, временную зависимость событий и работ. В отличие от моделей, где время выполнения каждой работы $t_{k,g}$ известно заранее, в модели (1) длительность выполнения работы зависит от назначаемого исполнителя, т.е. выполняется условие (1.3):

$$t_{k,g} = \sum_{i=1}^n t_{ij} x_{ij} . \quad (2)$$

Условие (1.4) задает ограничение на максимальную стоимость всех работ в проекте, т.е. сумма на выполнение всех работ проекта не должна превышать выделенный бюджет C_m . Данное условие может выступать целевой функцией, когда требуется минимизировать стоимость проекта в рамках выделенного времени на проект.

Результаты

Дальнейшие исследования возможности применения предложенной модели позволили выделить ряд существенных дополнительных условий (ограничений), учет которых способен значительно повысить эффективность ее использования на практике. К таким ограничениям, по нашему мнению, относятся:

1) *оптимизация количества исполнителей*, задействованных в проекте;

2) *доступный период времени*, когда исполнитель готов выполнить работу;

3) *запреты назначения* того или иного исполнителя на конкретную работу, выдвигаемые со стороны менеджера проекта;

4) *предпочтение выбора* определенного исполнителя для выполнения конкретных работ;

5) *«связка» работ* при назначении, когда требуется отдать несколько определенных работ «в одни руки»;

6) *невозможность параллельного выполнения работ* исполнителем;

7) *ограничения по компетенции и надежности* исполнителей.

Определим сущность перечисленных выше условий, что позволит нам составить корректное содержательное, а также формализованное описание каждого из них.

1. *Оптимизация количества исполнителей.* Одним из критериев оптимальности может служить количество задействованных в проекте исполнителей. При этом в зависимости от установок менеджера проводится как минимизация, так и максимизация числа участвующих в проекте исполнителей. Формально количество назначенных на работы участников в модели (1) можно получить следующим образом:

$$\sum_{i=1}^n \max_{j=1..m} (x_{ij}) . \quad (3)$$

Использование же выражения (3) в качестве целевой функции или ограничения в модели вида (1) не позволяет найти оптимальное решение методами линейного программирования. Возможно, существуют способы задать линейную целевую функцию и ограничения подобные (3), но авторам они неизвестны.

2. *Доступный период времени.* В ряде случаев исполнители могут начать и закончить работы только в определенные периоды времени, когда у них имеются требуемые для этого ресурсы. Для учета этого ограничения необходима информация от каждого исполнителя по возможным срокам начала b_{ij} и окончания e_{ij} работы, т.е. период времени, когда исполнитель готов выполнить работу. Тогда ограничения по каждой j -ой работе имеют вид

$$T_k \geq \sum_{i=1}^n b_{ij} x_{ij} , \quad (4)$$

$$T_k + \sum_{i=1}^n t_{ij} x_{ij} \leq \sum_{i=1}^n e_{ij} x_{ij} . \quad (5)$$

Если у какого-либо исполнителя таких периодов несколько, тогда рекомендуется добавлять «новых» исполнителей под каждый интервал, что позволит учесть и, возможно, разные t_{ij} и c_{ij} для разных периодов времени. Если же конкретный исполнитель не выдвигает ограничений на период времени, тогда следует b_{ij} задать нулевое значение, а e_{ij} – заведомо большое значение. Ограничения (4) и (5) не описывают случая, когда

требуется при назначении исполнителя учесть использование в будущем возможных свободных или полных резервов времени у работ (ограничения для подобного случая приведены в [9]).

3. *Запреты назначения.* В случаях, когда исполнитель не претендует на выполнение отдельных работ или есть запрет назначения со стороны менеджера проекта, указывается, что $x_{ij} = 0$. Запреты могут быть поставлены и путем присвоения c_{ij} заведомо больших значений (больше St). Для уменьшения же размерности запреты (переменные) могут быть просто исключены из модели.

4. *Предпочтение выбора.* В модель прямым образом могут быть добавлены предпочтения выполнения работ i -ым исполнителем j -ой работы, т.е. для отдельных работ можно указать, что $x_{ij} = 1$. Таким способом работа закрепляется сразу за определенным исполнителем, что требуется в случаях, когда на некоторые работы проекта уже выбран исполнитель или работа уже выполнена, однако требуется провести частичную (фрагментарную) оптимизацию проекта.

5. *«Связка» работ.* Предположим в проекте есть работы, которые требуется отдать «в одни руки». Например, есть две работы «разработка технического задания...» и «контроль результата и тестирование продукта...». Менеджер проекта считает, что обе работы должен выполнять исключительно один исполнитель, а не разные. При этом если одна работа начинается сразу после окончания другой, а связывающее их событие не имеет других дуг, то существует возможность объединения их в сетевой модели в виде одной работы. В противном случае назначения должны быть попарно равны для каждого исполнителя, что может быть отражено в модели системой уравнений следующего вида:

$$x_{iw} = x_{iu}, \quad (i = \overline{1, n}), \quad (6)$$

где w и u – номера работ, которые должны быть отданы «в одни руки».

6. *Невозможность параллельного выполнения работ* исполнителем. Существует определенная трудность учета в линейной модели случаев, когда одна работа не должна пересекаться по времени с другой, что было отмечено исследователями еще в период осуществления попыток описать классическую задачу теории расписаний – задачу Беллмана – Джонсона о станках [12] в виде модели линейного программирования.

Основная проблема здесь заключается в том, что требуется задать альтернативное ограничение: либо работа А начинается после окончания В, либо В – после А. Один из успешных приемов

обработки альтернативных условий предложен в [13], где для каждой пары работ А и В вводится целочисленная переменная Y_{AB} , принимающая значение 1, когда А предшествует В, или 0, когда В предшествует А. Тогда альтернативное условие записывается в виде двух неравенств:

$$\begin{cases} MY_{AB} + (T_B - T_A) \geq t_A \\ M(1 - Y_{AB}) + (T_A - T_B) \geq t_B \end{cases}, \quad (7)$$

где t_A и t_B – известные длительности работ А и В; T_A и T_B – искомые начала выполнения работ А и В; M – большое число, константа, заданная таким образом, чтобы обеспечить превращение одного из условий в избыточное ограничение.

Данный прием легко реализуется в модели (1), если ограничение накладывается на всех исполнителей, т.е. две или более работ не пересекаются по времени при любом назначении исполнителей:

$$\begin{cases} MY_{AB} + (T_B - T_A) \geq \sum_{i=1}^n t_{i,A} x_{i,A} \\ M(1 - Y_{AB}) + (T_A - T_B) \geq \sum_{i=1}^n t_{i,B} x_{i,B} \end{cases}. \quad (8)$$

Условие же невозможности параллельного выполнения двух работ конкретным исполнителем задается в следующем виде:

$$\begin{cases} M(2 - (x_{D,A} + x_{D,B})) + MY_{AB} + (T_B - T_A) \geq t_{D,A} x_{D,A} \\ M(2 - (x_{D,A} + x_{D,B})) + M(1 - Y_{AB}) + (T_A - T_B) \geq t_{D,B} x_{D,B} \end{cases}, \quad (9)$$

где D – номер исполнителя, выдвигающего условие на непересечение работ А и В во времени при его назначении на обе работы.

Ограничения (9) корректны и в случае, когда исполнитель D не назначается на работы А и (или) В.

7. *Ограничения по компетенции и надежности исполнителей.* Ранее авторами предлагалась многокритериальная постановка задачи (1), учитывающая наряду с длительностью и стоимостью выполнения работы оценки компетенции и надежности каждого исполнителя, применительно к задаче формирования команды проекта в рамках виртуального предприятия [8].

Кроме ограничений на суммарную (среднюю) компетенцию (или, например, надежность агента), которые легко вводятся в модель (1), в ряде случаев требуется произвести назначения таким образом, чтобы максимизировать минимальную компетенцию среди назначаемой группы исполнителей. Другими словами, на практике требуется избежать ситуации, связанной с назначением на выполнение некоторых работ исполнителей с низкими значениями названных показателей.

Одним из способов решения данной проблемы является исключение на этапе формирования математической модели исполнителей с определенным уровнем компетенции, который ниже заданного минимального порогового значения. Другой способ заключается в постепенном увеличении ограничения на минимальную компетенцию. В этом случае после нахождения решения без ограничений на компетентность ищется минимальная компетенция из назначений «исполнитель – работа», после чего устанавливаются определенные запреты (или исключаются соответствующие неизвестные) для всех пар «исполнитель – работа», где компетенции ниже или равны найденной минимальной. После успешного нахождения новых решений о назначениях данную процедуру можно повторять многократно, до получения удовлетворяющего менеджера результата.

В заключение следует отметить, что модели оптимального назначения исполнителей работ проекта могут не иметь решения при заданных ограничениях, тогда следует либо изменить или снять определенные ограничения, либо искать новых исполнителей работ, либо перестраивать саму сетевую модель проекта. Предложенные в статье модели реализуют задачи смешанного целочисленного математического программирования, для решения которых в настоящее время существует широкий спектр программных средств, включая расширение Solver в MS Excel, LPSolve с IDE и CPLEX Optimizer. Следует также заметить, что представленные модели носят общий постановочный характер, и при решении конкретных практических задач требуется их адаптация и интерпретация полученных результатов.

Список литературы

1. Hayes S. Complex Project Management Global Perspectives and the Strategic Agenda to 2025. The task force report. ICCPM : Kingston, 2012. 64 p.
2. Баркалов С. А., Воропаев В. И. [и др.]. Математические основы управления проектами / под ред. В. Н. Буркова. М., 2005. 423 с.
3. Зуховицкий С. И., Радчик И. А. Математические методы сетевого планирования. М., 1965. 296 с.
4. Балаш В. А., Фирсова А. А., Чистопольская Е. В. Специфика оценки эффективности инновационных проектов с использованием портфельного подхода // Изв. Сарат. ун-та. Нов. сер. Сер. Экономика. Управление. Право. 2012. Т. 12, вып. 2. С. 73–77.
5. Воропаев В. И., Гельруд Я. Д. Математические модели проектного управления для заинтересованных сторон // Управление проектами. 2012. № 4 (32). С. 258–269.
6. Лазарев А. А., Гафаров Е. Р. Теория расписаний. Задачи и алгоритмы. М., 2011. 222 с.
7. Kolish R., Padman R. An Integrated Survey of Project Scheduling // Manuscripte aus den Institut fur Betriebswirtschaftslehre. Kiel, 1997.
8. Катаев А. В. Виртуальные бизнес-организации. СПб., 2009. 120 с.
9. Катаев А. В., Катаева Т. М. Оптимизация длительности выполнения проекта за счет выбора исполнителей работ : математические модели и методические приемы // Вестн. Таганрог. ин-та управления и экономики. 2015. № 2 (22). С. 100–103.
10. Kelley J. E., Walker M. R. Critical Path Planning and Scheduling : An Introduction. Mauchly Associates, Ambler, PA, 1959.
11. Kelley J. E. Critical-Path Planning and Scheduling : Mathematical Basis // Operations Res. 1961. Vol. 9. P. 296–320.
12. Johnson S. M. Optimal two- and three-stage production schedules with setup times included // Nav. Res. Log. Quart. 1954. Vol. 1, № 1. P. 61–68.
13. Manne A. S. On the job-shop scheduling problem // Operat. Res. 1960. № 2. P. 219–223.

Project Management: Mathematical Models of Optimal Executors' Appointment for Project Works

A. V. Kataev

Southern Federal University,
1, Engels str., Taganrog, 347928, Russia
E-mail: kataev@kataev.ru

T. M. Kataeva

Southern Federal University,
1, Engels str., Taganrog, 347928, Russia
E-mail: tm@kataeva.ru

E. L. Makarova

Southern Federal University,
1, Engels str., Taganrog, 347928, Russia
E-mail: helen_makarova@mail.ru

Introduction. The majority of projects implemented in the world community exceeds in duration and cost limits indicated on the planning phase, so they are not successfully executed. In our opinion, the main reason for this situation is the complexity of the optimal selection and appointment of executors to perform main project work, coupled with the lack of consideration for a number of important factors. **Theoretical analysis.** Theory and practice of project management and operations research proposed a number of optimization models for drafting work schedules taking into account their interrelationships, as well as the necessary resources. These models are usually referred to a class of extremely NP-hard, which explains some difficulties for their effective implementation into practice. **Methodology.** The basic problem of optimal selection and executors' appointment for project work, which takes into account the topology of the network schedule, as well as the optimization criterion serving the duration of the project is researched. In researched model the limits on the total cost of all the work for the project are set, and it is determined that only one executor is involved for each job, which, if necessary, is able to perform a number of tasks. **Results.** During the research more significant limitations, which are implemented in the model and

can significantly expand the scope and improve the efficiency of its use in practice, were developed by authors. The article provides a detailed description of the meaningful data limitations, as well as their correct formalization.

Key words: project management, appointment of executors, scheduling theory, mathematical models, roadmap project.

References

1. Hayes S. *Complex Project Management Global Perspectives and the Strategic Agenda to 2025*. The task force report. ICCPM : Kingston, 2012. 64 p.
2. Barkalov S. A., Voropayev V. I. et al. *Matematicheskie osnovy upravleniia proektami* [Mathematical Foundations of project management. Ed. by V. N. Burkov]. Moscow, 2005. 423 p.
3. Zukhovitskiy S. I., Radchik I. A. *Matematicheskie metody setevogo planirovaniia* [Mathematical methods of network planning]. Moscow, 1965. 296 p.
4. Balash V. A., Firsova A. A., Chistopolskaya E. V. Spetsifika otsenki effektivnosti innovatsionnykh proektov s ispol'zovaniem portfel'nogo podkhoda [Specific of Evaluation of Innovative Projects Effectiveness Using Portfolio Approach]. *Izv. Saratov Univ. (N.S.), Ser. Economics. Management. Law*, 2012, vol. 12, iss. 2, pp. 73–77.
5. Voropayev V. I., Gel'rud Ya. D. *Matematicheskie modeli proyektного upravleniia dlia zainteresovannykh storon* [Mathematical models for project management stakeholders]. *Upravlenie proektami* [Project management], 2012, no. 4 (32), pp. 258–269.
6. Lazarev A. A., Gafarov E. R. *Teoriia raspisaniy. Zadachi i algoritmy* [Theory schedules. The tasks and algorithms]. Moscow, 2011. 222 p.
7. Kolish R., Padman R. An Integrated Survey of Project Scheduling. *Manuscripte aus den Institut fur Betriebswirtschaftslehre*. Kiel, 1997.
8. Katayev A. V. *Virtual'nyie biznes-organizatsii* [Virtual business organizations]. St. Petersburg, 2009. 120 p.
9. Katayev A. V., Katayeva T. M. Optimizatsiia dlitel'nosti vypolneniia proekta za schet vybora ispolniteley rabot: matematicheskie modeli i metodicheskie priemy [Optimization of the project duration due to the choice of the executors' work: mathematical models and methods]. *Vestnik TMEI* [Bulletin of the Taganrog institute of management and economy], 2015, no. 2 (22), pp. 100–103.
10. Kelley J. E., Walker M. R. *Critical Path Planning and Scheduling: An Introduction*. Mauchly Associates, Ambler, PA, 1959.
11. Kelley J. E. *Critical-Path Planning and Scheduling: Mathematical Basis*. *Operat. Res.*, 1961, vol. 9, pp. 296–320.
12. Johnson, S.M. Optimal two- and three-stage production schedules with setup times included. *Nav. Res. Log. Quart.* 1954, vol. 1, no. 1, pp. 61–68.
13. Manne A. S. On the job-shop scheduling problem. *Operat. Res.*, 1960, no. 2, pp. 219–223.

УДК 330.562.338.48

КОМПЛЕКСНАЯ МОДЕРНИЗАЦИЯ СЕЛЬСКОХОЗЯЙСТВЕННЫХ ПРЕДПРИЯТИЙ МАЛОГО БИЗНЕСА

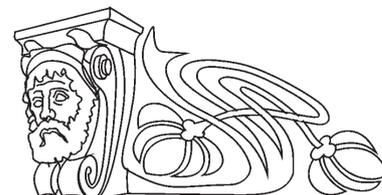
В. Н. Павлов

аспирант кафедры менеджмента организации, Поволжский институт управления имени П. А. Столыпина – филиал РАНХиГС при Президенте РФ, Саратов
E-mail: valera342013@yandex.ru

А. В. Вавилина

кандидат экономических наук, доцент кафедры менеджмента, Российский университет дружбы народов (РУДН), Москва
E-mail: vavilinaalla@mail.ru

Введение. Малый бизнес в сельском хозяйстве имеет важнейшее значение и является фактором развития конкурентных отношений в современной России. Сегодня существует комплекс разнообразных проблем, препятствующих усилению роли малых предприятий в сельском хозяйстве. **Эмпирический анализ.** Показатели технической оснащенности сельхозпроизводителей и нагрузки на сельскохозяйственную технику в России сопоставлены с аналогичными данными в развитых странах мира и сделан вывод о значительном отставании российского аграрного сектора от зарубежных стран. Анализ деятельности ОАО «Росагролизинг» позволил выявить

недостатки в работе компании и сформулировать предложения относительно развития рынка лизинга в России, к числу которых относятся рассредоточение государственного капитала и дальнейшее расширение предложения на рынке льготного лизинга и кредитования сельхозпроизводителей на покупку сельскохозяйственной техники; расширение базы предложения сельскохозяйственной техники для лизинга. **Заключение.** Модернизация сельскохозяйственных предприятий малого бизнеса предполагает проведение комплексных мероприятий по трем основным направлениям: обновлению материально-технической базы малых предприятий; внедрению инновационных технологий в сельскохозяйственное производство; модернизации управления малыми предприятиями. Состояние материально-технической базы сельскохозяйственных предприятий можно оценить как неудовлетворительное.

Ключевые слова: малый бизнес в сельском хозяйстве, лизинг, сельскохозяйственное кредитование, инновационные технологии в сельскохозяйственном производстве.

DOI: 10.18500/1994-2540-2016-16-3-299-305

Введение

Малый бизнес в сельском хозяйстве имеет важнейшее значение. Активизация деятельности субъектов малого бизнеса является фактором развития конкурентных отношений в современной России. Однако сегодня существует комплекс разнообразных проблем, препятствующих усилению роли малых предприятий в сельском хозяйстве. К таковым относятся наличие высоких административных барьеров, зависимость ценовой политики малых предприятий от деятельности крупных фирм и их ценовой позиции, сильное влияние природно-климатического фактора на ведение малого бизнеса и его результаты, низкая прибыльность, высокий срок окупаемости инвестиций, недостаточные возможности лоббирования интересов и др. Названные проблемы требуют решения на основе комплексной модернизации данной сферы.

Модернизация сельскохозяйственных предприятий малого бизнеса предполагает проведение комплексных мероприятий по трем основным направлениям: обновлению материально-технической базы малых предприятий; внедрению инновационных технологий в сельскохозяйственное производство; модернизации управления малыми предприятиями.

Эмпирический анализ

В настоящее время материально-техническая база сельскохозяйственных предприятий сильно изношена: средний возраст имеющихся на конец 2014 г. года машин и оборудования в сельском хозяйстве составлял 9,4 г. (это не самый высокий показатель по экономике в целом, но и не самый низкий) [1]. При этом заметных улучшений, несмотря на значительные объемы государственной поддержки, начиная с 2006 г., не произошло (в 2008 г. показатель составлял 9,7 г.)

Динамика приобретения и списания техники свидетельствует о том, что материально-техническая база обновляется крайне медленно. Основные виды сельскохозяйственной техники – тракторы, зерноуборочная техника, картофелеуборочные и кукурузоуборочные комбайны, свеклоуборочные машины и доильные установки и агрегаты – списываются в объеме большем, чем вводятся в эксплуатацию. Исключение составляет соотношение приобретения и списания картофелеуборочных комбайнов в 2012 г., когда намечалась положительная динамика и техники было приобретено больше (7%), чем списано (5,8%). Тем не менее, в целом можно отметить сокращение разрыва между списанием и приобретением техники и рост доли приобретаемой техники [2, с. 65].

Результатом дисбаланса между приобретением и списанием сельскохозяйственной техники за последние полтора десятилетия стало значительное снижение обеспеченности сельскохозяйственных организаций специализированной техникой как в абсолютном, так и в относительном выражении.

Техническая оснащенность сельхозпроизводителей сократилась с 7 тракторов на 1000 га пашни (2000 г.) до 4 (2012 г.); с 5 зерноуборочных, 8 кукурузоуборочных, 46 картофелеуборочных и 32 льноуборочных комбайнов на 1000 га посевов (2000 г.) до 3, 1, 16 и 16 соответственно (2012 г.) [2, с. 66]. По данным показателям Россия сегодня значительно уступает развитым странам: по количеству тракторов на 100 га пашни Канаде – в 3,7 раза, США – в 6,6 раза, Франции – в 16,8 раза, Великобритании – в 21,7 раза; по количеству зерноуборочных комбайнов на 100 га убираемой площади США – в 7,4 раза, Франции – в 8,4 раза, Германии – в 13,7 раза [3, с. 5].

Соответственно, увеличилась нагрузка на сельскохозяйственную технику: в 2012 г. по сравнению с 2000 г. нагрузка на 1 зерноуборочный и 1 льноуборочный комбайны увеличилась в 2 раза (369 га посевов и 64 га посевов соответственно), на 1 картофелеуборочный комбайн – в 3 раза (64 га посевов), на 1 свеклоуборочную машину – более чем в 5 раз (327 га посевов), а на 1 кукурузоуборочный комбайн – более чем в 12,5 раз (1 517 га посевов) [2, с. 66]. Данные показатели несопоставимы с аналогичными показателями по ряду развитых стран мира (нагрузка на сельскохозяйственную технику в США, Франции и Германии на порядок, а то и на два меньше, чем в современной России) [4, с. 110, 112].

По оценкам экспертов, наличие парка сельскохозяйственной техники не соответствует реальным потребностям сельскохозяйственного производства. Кроме того, более 90% техники изготовлено с нарушениями технических регламентов, а более 80% являются небезопасными в использовании [5]. Динамика наличного парка основных видов сельскохозяйственной техники представлена на рис. 1.

Из представленной диаграммы видно, что парк тракторов, комбайнов, доильных установок и агрегатов и другого оборудования сократился, несмотря на то, что в 2011–2013 гг. значительно увеличилось собственное производство сельскохозяйственной техники, соответственно, должна была повыситься и ее доступность для сельхозпроизводителей (рис. 2).

Вероятной причиной, по которой анализируемые тенденции не совпадают, может служить недостаточная развитость рынка лизинговых услуг

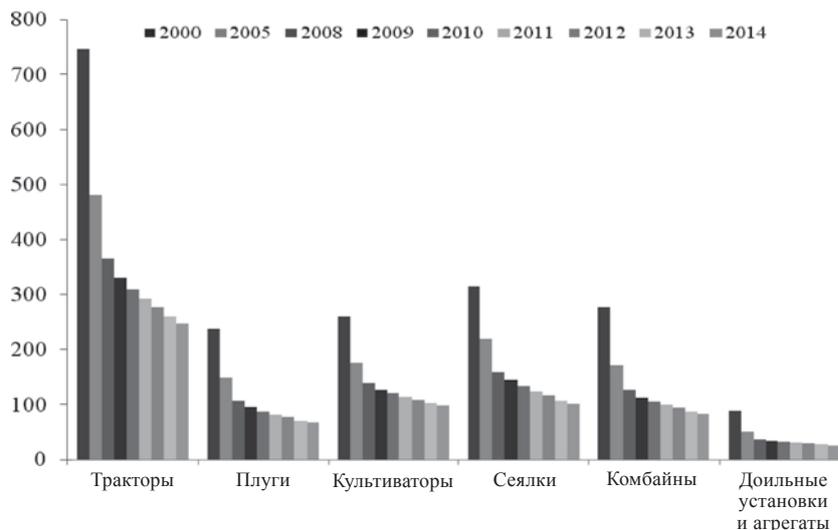

Рис. 1. Парк основных видов техники в сельскохозяйственных организациях, на конец года, тыс. шт. [2, с. 64; 6, с. 28]

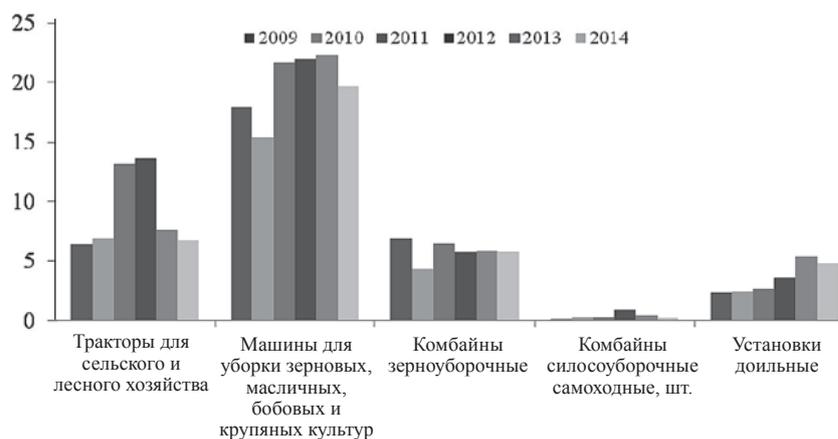

Рис. 2. Производство основных видов сельскохозяйственной техники, тыс. шт. [2, с. 63; 6, с. 27]

для сельского хозяйства. Рынок лизинга сельскохозяйственной техники в России сравнительно молодой, крупнейшим игроком его является ОАО «Росагролизинг». К недостаткам существующих схем предоставления техники ОАО «Росагролизинг» можно отнести бюрократическую волокиту (длительные сроки рассмотрения документов и процедур согласования), ограниченный реестр техники. Кроме того, для участия в отдельных программах, например в «Программе обновления парка сельскохозяйственной техники» на 2015 г., к сельхозпроизводителям (в том числе крестьянским (фермерским) хозяйствам и иным малым формам хозяйствования в АПК), несмотря на право приоритетного участия, предъявляются жесткие требования в виде владения на праве собственности сельскохозяйственной техникой (тракторами, комбайнами), произведенной до

2001 г. (включительно) [7]. На этапе становления малые формы хозяйствования располагают и без того незначительными финансовыми ресурсами, поэтому приобретение далеко не новой техники с целью участия в программе для них не имеет никакого смысла.

Несмотря на то что ОАО «Росагролизинг» является монополистом на рынке лизинга сельскохозяйственной техники, значительную долю рынка в последние годы занимают другие игроки, предоставляющие сельхозпроизводителям кредиты на приобретение техники, в том числе с государственной поддержкой (примером могут служить Сбербанк и Россельхозбанк). В данной связи многие сельхозпроизводители предпочитают кредиты по причине их большей доступности.

На наш взгляд, необходимо ориентироваться на положительный опыт зарубежных стран и

выработать новую стратегию в отношении обновления парка сельскохозяйственной техники. Примером такого опыта могут служить США, где процедура выбора производителя и конкретного наименования оборудования осуществляется самим фермером. По истечении срока договора аренды у фермера есть возможность либо приобрести предмет договорных отношений по остаточной стоимости, либо осуществить пролонгацию договора на более выгодных для себя условиях. Как отмечает Ю. О. Кулишов, «в саму структуру первичного соглашения уже заложен потенциал для возможной реструктуризации долга, помимо этого лизингодатель снимает риски по накоплению и хранению непроданной техники. Производитель техники напрямую выбирается клиентом, следовательно, выбор техники неограничен и лизингодатель выступает в роли арендодателя, а не перепродающего посредника» [8, с. 340].

Кроме того, положительное влияние на рынок лизинговых услуг для предприятий АПК и на всю отрасль в целом могло бы оказать применение производителями сельскохозяйственной техники смешанной стратегии, основанной на производстве оборудования под заказ (с последующей передачей его в лизинг) и для продажи на рынке. Примером может служить одна из крупнейших компаний по производству сельскохозяйственной техники в США – Massey Ferguson, которая на каждые два проданных трактора один поставляет по соглашению о лизинге [9].

Однако применение самой дорогой техники не гарантирует получения высоких результатов, если существует технологическое отставание отрасли. Именно поэтому так важно, чтобы развитие агропромышленного комплекса стало инновационно ориентированным. Рост инновационной составляющей в структуре сельскохозяйственного продукта приведет не только к росту показателей производства и производительности по отрасли в целом, но и улучшит инвестиционный климат.

В настоящее время рост инвестиций в основной капитал, направленных на развитие сельского хозяйства, остановился (рис. 3).

Как видно из представленного графика, «пик» роста пришелся на 2007–2008 гг., когда объемы вложений увеличились более чем в 2 раза по сравнению с 2005 г. (несомненно, связано это с началом реализации приоритетного национального проекта «Развитие агропромышленного комплекса»), но уже в последующие годы объемы инвестиций стали сокращаться и достигли сопоставимого уровня лишь в 2013 г. Такая невысокая заинтересованность в инвестировании средств в развитие сельского хозяйства, на наш взгляд, связана в том числе и с отсутствием инте-

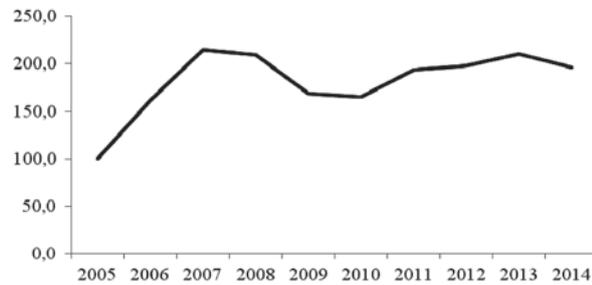

Рис. 3. Инвестиции в основной капитал, направленные на развитие сельского хозяйства, в %, 2005 г. = 100% [2, с. 28; 6, с. 28; 10, с. 28]

ресных проектов и систематического внедрения инноваций в сельскохозяйственное производство.

Одной из наиболее значимых проблем современного технологического развития сельскохозяйственного производства в России является его высокая энергоёмкость. Как отмечают некоторые исследователи, «энергоёмкость ВВП сельского хозяйства в последнее десятилетие снизилась на 30%. Однако из-за диспаритета цен в структуре себестоимости производства сельхозпродукции наблюдается значительное повышение энергетической составляющей – с 7–10% до 15–25%, а по некоторым видам продукции и до 30–40% (птицефабрики, теплицы)» [10, с. 3]. Именно поэтому необходимо разработать и утвердить концепцию эффективного использования энергоресурсов и внедрения энергосберегающих технологий в сельском хозяйстве и сделать всех субъектов сельскохозяйственного производства (особенно малые формы хозяйствования) обязательными участниками программы по ее реализации. Снижение энергоёмкости сельского хозяйства и внедрение энергосберегающих технологий будут способствовать:

- повышению производительности труда;
- повышению урожайности (по оценкам экспертов, как минимум на 20%) и снижению потерь сельскохозяйственной продукции (по оценкам экспертов, в 1,5–2 раза);
- уменьшению себестоимости сельскохозяйственной продукции;
- повышению конкурентоспособности продукции сельского хозяйства на внутреннем и мировом рынках;
- улучшению условий труда и проживания сельского населения;
- улучшению экологической обстановки в сельской местности.

Несомненно, положительным моментом в последние годы является рост внутренних затрат на научные исследования и разработки по виду деятельности в целом: с 234,7 млн руб. в 2007 г. до 392,7 млн руб. в 2013 г. Тем не менее, процент

внедрения новейших технологий в сельскохозяйственное производство невелик. Связано это с низким уровнем спроса сельхозпроизводителей на инновационные разработки (по оценкам экспертов, до 80% законченных научных разработок ежегодно остаются невостребованными), нарушением обратной связи между наукой и производством по причине утраты значительной части интеллектуального и кадрового потенциала и материально-технической базы сельскохозяйственной науки (потеря существенного числа научно-производственных и испытательных хозяйств, опытных станций.)

На наш взгляд, без активного государственного вмешательства проблему повышения инновационной активности в аграрном секторе решить невозможно. Необходима продуманная государственная политика, направленная на восстановление связей между научным сообществом и сельхозпроизводителями и создание инфраструктуры инновационного развития сельского хозяйства:

- проведение научных исследований в области аграрной науки на принципах государственно-частного партнерства;

- формирование государственного заказа на разработку инновационных технологий по приоритетным направлениям развития сельского хозяйства;

- обязательное последующее внедрение инновационных технологий на базе испытательных хозяйств, как государственных (функционирующих и вновь создаваемых), так и частных (с предоставлением льгот, например, в виде временного освобождения от налогов);

- консультирование сельхозпроизводителей на базе крупных научно-исследовательских центров, проведение семинаров, круглых столов и курсов повышения квалификации с целью установления обратной связи между аграрной наукой и производством;

- формирование спроса на научные разработки среди сельхозпроизводителей, например, с помощью льготного кредитования сельскохозяйственных организаций, использующих инновационные технологии в производственном процессе;

- развитие института технологического аутсорсинга (в области ветеринарии, агрономии, селекции) через создание специализированных отделений на базе крупных научно-исследовательских центров (по причине сезонности многих сельскохозяйственных работ частным компаниям невыгодно выступать в качестве аутсорсеров сельского хозяйства).

Перечисленные выше меры требуют от сельхозпроизводителей модернизации управ-

ленческих функций, поскольку решение многих задач в условиях инновационного развития требует новых знаний, умений и навыков. В данной связи необходимым условием успешного развития малого сельскохозяйственного предприятия являются не только механизация, автоматизация и компьютеризация производственных и управленческих процессов, но и ориентирование на обучение персонала, продуманная кадровая политика. Отметим, что на данный факт также указывают многие исследователи, ставя во главу угла развитие кадрового потенциала отрасли.

Поскольку для малых форм хозяйствования привлечение наемного труда, как правило, исключение, чем правило, речь, прежде всего, идет о самих владельцах агробизнеса. В России также необходимо внедрить практику обязательного специального и экономического образования для владельцев сельскохозяйственных производств (в том числе малых форм хозяйствования, в первую очередь, крестьянских (фермерских) хозяйств), например, через получение лицензии на осуществление определенного вида деятельности с последующим подтверждением квалификации по прошествии определенного промежутка времени. Безусловно, данное нововведение не коснется значительной части сельхозпроизводителей, ведущих личное подсобное хозяйство, однако поможет ввести отраслевые стандарты производства сельскохозяйственной продукции и в долгосрочной перспективе обернется повышением качества производимой продукции, снижением ресурсоемкости сельского хозяйства и повышением его наукоемкости.

Для более крупных сельхозпроизводителей, привлекающих наемных работников на постоянной основе, актуальным является составление стратегического плана развития организации с включением в него плана по повышению квалификации и переподготовке персонала, кроме того, стратегический план должен содержать анализ рынка и перспективы его развития, а также анализ возможностей применения новейших технологий в производстве сельскохозяйственной продукции данным конкретным производителем. Составлением такого плана могут заниматься научно-исследовательские центры и организации на условиях аутсорсинга, что также могло бы способствовать установлению более тесной связи между научным сообществом и производителями сельскохозяйственной продукции.

Заключение

По результатам исследования проблем, обозначенных в данной статье, можно сделать следующие выводы. Модернизация сельскохо-

зяйственных предприятий малого бизнеса предполагает проведение комплексных мероприятий по трем основным направлениям: обновлению материально-технической базы малых предприятий; внедрению инновационных технологий в сельскохозяйственное производство; модернизации управления малыми предприятиями.

Состояние материально-технической базы сельскохозяйственных предприятий можно оценить как неудовлетворительное. В результате анализа значительного объема статистической информации выявлено, что фонд основных средств сильно изношен, техническая оснащенность сельхозпроизводителей за последние полтора десятилетия снизилась, а нагрузка на производственные мощности возросла в разы. Показатели технической оснащенности сельхозпроизводителей и нагрузки на сельскохозяйственную технику по России сопоставлены с аналогичными данными по развитым странам мира и сделан вывод о значительном отставании российского аграрного сектора от таких стран, как Канада, Франция, Германия и США.

Кроме того, в рамках настоящего исследования проанализирована деятельность ОАО «Росагролизинг», выявлены недостатки в работе компании и сформулированы предложения относительно развития рынка лизинга в России, к числу которых относятся: рассредоточение государственного капитала и дальнейшее расширение предложения на рынке льготного лизинга и кредитования сельхозпроизводителей на покупку сельскохозяйственной техники; расширение базы предложения сельскохозяйственной техники для лизинга с целью отбора наиболее эффективных образцов с лучшими технико-экономическими показателями; стимулирование отечественных предприятий-производителей сельскохозяйственной техники применять смешанную стратегию, основанную на производстве оборудования под заказ (с последующей передачей его в лизинг) и для продажи на рынке.

Анализ уровня технологического развития сельского хозяйства в России выявил ряд проблем: низкий уровень спроса сельхозпроизводителей на инновационные технологии вследствие низкой платежеспособности, высокая энергоемкость сельскохозяйственного производства. Тем не менее, отмечен рост внутренних затрат на научные исследования и разработки по виду деятельности в целом.

В качестве мер по преодолению технологической отсталости отрасли предложены следующие:

– проведение научных исследований в области аграрной науки на принципах государственно-частного партнерства;

– формирование государственного заказа на разработку инновационных технологий по приоритетным направлениям развития сельского хозяйства;

– обязательное последующее внедрение инновационных технологий на базе испытательных хозяйств, как государственных (функционирующих и вновь создаваемых), так и частных (с предоставлением льгот, например, в виде временного освобождения от налогов);

– консультирование сельхозпроизводителей на базе крупных научно-исследовательских центров, проведение семинаров, круглых столов и курсов повышения квалификации с целью установления обратной связи между аграрной наукой и производством;

– формирование спроса на научные разработки среди сельхозпроизводителей, например, с помощью льготного кредитования сельскохозяйственных организаций, использующих инновационные технологии в производственном процессе;

– развитие института технологического аутсорсинга (в области ветеринарии, агрономии, селекции) через создание специализированных отделений на базе крупных научно-исследовательских центров (по причине сезонности многих сельскохозяйственных работ частным компаниям невыгодно выступать в качестве аутсорсеров сельского хозяйства).

Перечисленные выше меры требуют от сельхозпроизводителей модернизации управленческих функций. Сделано предложение последовать зарубежному опыту организации фермерских хозяйств и ввести обязательное специальное и/или экономическое образование для владельцев сельскохозяйственных производств.

Список литературы

1. Федеральная служба государственной статистики : [сайт]. URL: http://www.gks.ru/wps/wcm/connect/rosstat_main/rosstat/ru/statistics/economy-development/# (дата обращения: 15.08.2015).
2. Сельское хозяйство, охота и охотничье хозяйство, лесоводство в России. 2013 : стат. сб. / Росстат. М., 2013. 462 с.
3. Лачуга Ю. Ф., Бондаренко А. М. К проблеме технической и технологической модернизации сельского хозяйства // Вестн. аграрной науки Дона. 2013. № 1. С. 4–12.
4. Афонина В. Государственное регулирование инвестиционной деятельности в сельском хозяйстве : региональный аспект // Вестн. Ин-та экономики РАН. 2012. № 3. С. 108–117.
5. Семина Л. Активизация инвестиционной деятельности в региональном АПК // Экономика сельского хозяйства России. 2010. № 1. С. 47–50.

6. Основные показатели сельского хозяйства в России в 2014 году : стат. сб. / Росстат. М., 2015. 68 с.
7. ОАО «Росагролизинг» : [сайт]. URL: <http://www.rosagroleasing.ru/catalog/programms/opt2015/> (дата обращения: 02.07.2015).
8. Кулишов Ю. О. Российский рынок лизинга сельскохозяйственной техники : проблемы и перспективы // Бизнес в законе. Экономико-юридический журнал. 2011. № 2. С. 339–341.
9. Государственная поддержка агропромышленной интеграции в зарубежных странах // Агротехника и продукция. URL: <http://agpr.info/index.php?o=70> (дата обращения: 09.03.2015).
10. Энергообеспечение и энергосбережение в сельском хозяйстве : восьмая Междунар. науч.-техн. конф. (16–17 мая 2012 г., ГНУВИЭСХ) // Вестн. ВИЭСХ. 2012. № 2 (7). С. 2–7.

Complex Modernization of Agricultural Small Business Enterprises

V. N. Pavlov

Stolypin Volga Region Institute of Administration of the Russian Presidential Academy of National Economy and Public Administration,
23/25, Sobornaya str., Saratov, 410031, Russia
E-mail: valera342013@yandex.ru

A. V. Vavilina

Peoples' Friendship University of Russia,
6, Miklukho-Maklaya str., Moscow, 117198, Russia
E-mail: vavilinaalla@mail.ru

Introduction. Small business in agriculture is essential and is a factor of development of the competitive relations in modern Russia. Today there is a complex of the various problems interfering strengthening of a role of small enterprises in agriculture. **Empirical analysis.** Indicators of technical equipment of agricultural producers and load of agricultural machinery across Russia are compared with similar data on the developed countries and the conclusion is drawn on considerable lag of the Russian agrarian sector from this countries. The analysis of activity of JSC Rosagroleasing, has allowed to reveal shortcomings of work of the company and to formulate offers concerning development of the market of leasing in Russia to which number dispersal of the state capital and further extension of the offer in the market of preferential leasing and crediting of agricultural producers for purchase of agricultural machinery belong; expansion of base of the offer of agricultural machinery for leasing. **Conclusion.** Modernization of agricultural small business enterprises assumes carrying out complex actions for three main directions: to updating of material and technical resources of small enterprises; to introduction of innovative technologies in agricultural production; modernizations of management of small enterprises. The condition of material and technical resources of the agricultural enterprises can be estimated as unsatisfactory.

Key words: small business in agriculture, leasing, agricultural crediting, innovative technologies in agricultural production.

References

1. *Federal'naiia sluzhba gosudarstvennoi statistiki* (Federal State Statistics Service. Site). Available at: http://www.gks.ru/wps/wcm/connect/rosstat_main/rosstat/ru/statistics/economydevelopment/# (accessed 15 August 2015).
2. *Sel'skoe hoziajstvo, okhota i okhotnich'e hoziaistvo, lesovodstvo v Rossii. 2013* [Agriculture, hunting and hunting economy, forestry in Russia. 2013. Statistical collection. Rosstat]. Moscow, 2013. 462 p.
3. Lachuga Yu. F., Bondarenko A. M. K probleme tehniceskoi i tekhnologicheskoi modernizatsii sel'skogo khoziaistva [To a problem of technical and technological modernization of agriculture]. *Vestnik agrarnoi nauki Dona* [Messenger of agrarian science of Don], 2013, no. 1, pp. 4–12.
4. Afonina V. Gosudarstvennoe regulirovanie investitsionnoi deiatel'nosti v sel'skom khoziaistve: regional'nyi aspekt [State regulation of investment activity in agriculture: regional aspect]. *Vestnik Instituta ekonomiki RAN* [Messenger of Institute of economy of the Russian Academy of Sciences], 2013, no. 3, pp. 108–117.
5. Semina L. Aktivizatsiia investitsionnoi deiatel'nosti v regional'nom APK [Activization of investment activity in regional agrarian and industrial complex]. *Ekonomika sel'skogo khoziaistva Rossii* [Economics and organization of agriculture], 2010, no. 1, pp. 47–50.
6. *Osnovnye pokazateli sel'skogo khoziaistva v Rossii v 2014 godu* [The main indicators of agriculture in Russia in 2014. Statistical collection. Rosstat]. Moscow, 2015. 68 p.
7. *OAO «Rosagrolizing»* (JSC Rosagroleasing. Site). Available at: <http://www.rosagroleasing.ru/catalog/programms/opt2015/> (accessed 2 July 2015).
8. Kulishov Yu. O. Rossiiskii rynek lizinga sel'skokhoziaistvennoi tekhniki: problemy i perspektivy [Russian market of leasing of agricultural machinery: problems and prospects]. *Biznes v zakone. Ekonomiko-juridicheskii zhurnal* [Business in the law. Economical and legal magazine], 2011, no. 2, pp. 339–341.
9. Gosudarstvennaia podderzhka agropromyshlennoi integratsii v zarubezhnykh stranakh (State support of agro-industrial integration in foreign countries). *Agrotekhnika i produktsiia* (Agro equipment and production). Available at: <http://agpr.info/index.php?o=70> (accessed 9 March 2015).
10. Energoobespechenie i energosberezhenie v sel'skom khoziaistve: vosmaia Mezhdunarodnaia nauchno-tekhnicheskaiia konferentsiia (16–17 maia 2012 g., GNU VIESKH) [Power Supply and Energy Saving in Agriculture: The 8th International scientific and technical conference (on May 16–17, 2012, VIESH)]. *Vestnik VIESKH* [VIESH bulletin], 2012, no. 2 (7), pp. 2–7.

УДК 519.246.8; 314.1; 311.17

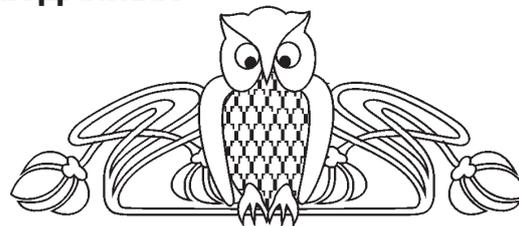
СТАТИСТИЧЕСКИЕ ПОДХОДЫ К АНАЛИЗУ И ПРОГНОЗИРОВАНИЮ ДЕМОГРАФИЧЕСКИХ ДАННЫХ

Е. Д. Копнова

кандидат технических наук, доцент департамента статистики и анализа данных, Национальный исследовательский университет «Высшая школа экономики», Москва
E-mail: ekopnova@hse.ru

Л. А. Родионова

кандидат экономических наук, доцент департамента статистики и анализа данных, Национальный исследовательский университет «Высшая школа экономики», Москва
E-mail: lrodionova@hse.ru

Введение. В статье рассмотрены возможности применения ARIMA-моделирования к анализу и прогнозированию временных рядов демографических показателей. Зарубежные исследования показали, что наряду с традиционными демографическими методами ARIMA-модели дают хорошие результаты при прогнозировании таких показателей, как численность населения, уровень рождаемости и смертности, продолжительность жизни населения. **Методика исследования.** В работе использовалась методология Бокса – Дженкинса анализа и прогнозирования временных рядов, в частности, применительно к демографическим данным: коэффициенту суммарной рождаемости в России (1990–2014 гг.), количеству заключенных браков по месяцам в России (2005–2015 гг.), общему коэффициенту рождаемости во Франции (1740–2014 гг.) и уровню безработицы в России (1996–2016 гг.). Были проанализированы ARIMA-, SARIMA- и ARFIMA-модели в зависимости от характера динамики исследуемого показателя. **Результаты.** Проведенный анализ показал, что оцененные ARIMA-модели для коэффициента суммарной рождаемости и количества заключенных браков являются адекватными, имеют хорошие статистические и прогностические свойства. На основании полученных моделей построены прогнозы. В случае длинных рядов наличия свойств процессов с длинной памятью выявлено не было.

Ключевые слова: анализ временных рядов, ARIMA-модели, SARIMA-модели, ARFIMA-модели, статистические методы.

DOI: 10.18500/1994-2540-2016-16-3-306-315

Введение

Демографическое прогнозирование является неотъемлемой частью анализа социально-экономических процессов в целом. Необходимость построения прогноза движения населения и предвидение будущей демографической ситуации: как изменится численность населения, возрастно-половая структура, рождаемость, продолжительность жизни, смертность – все это важные составляющие при развитии и планировании различных сфер экономики и общества (социальной инфраструктуры, здравоохранения, образования, пенсионной системы) при принятии важных политических решений.

В демографическом прогнозировании используют различные подходы: математические методы, метод передвижки возрастов (когортно-компонентный метод), статистические методы. Одним из статистических методов прогнозирования в демографии является одномерное ARIMA-моделирование. В основе этого метода лежит подход «чистого временного ряда»: текущие значения демографического показателя связаны с его прошлыми значениями, а для прогнозирования будущих значений используется информация о прошлых значениях изучаемого показателя. Подход ARIMA-моделирования был предложен Боксом и Дженкинсом в 1970 г. [1] к анализу экономических процессов, кроме того, авторы ввели реализацию данного подхода в компьютерные пакеты статистических программ по всему миру. Вскоре ARIMA-модели (Autoregressive Integrated Moving Average Model) стали использовать во многих областях науки, в том числе и демографии. В работах 1970-х гг. демографы моделировали численность населения, уровень рождаемости и смертности (Hiorns, 1972; Lee, 1974; Pollard, 1970; Saboia, 1974) [2–5]. Кашьяп и Рао в 1976 г. сравнили различные методы анализа и прогнозирования временного ряда численности населения в США за 1900–1971 гг., для которого была получена удовлетворительная модель ARIMA(1,1,0) в логарифмах [6]. Сабой применил ARIMA-модели к анализу уровня рождаемости по данным Норвегии за 1919–1974 гг., наиболее адекватными моделями оказались ARIMA(4,1,1) и ARIMA(3,1,2), на основании которых был построен прогноз на период 1976–2000 гг. с 50%-ным доверительным интервалом [7]. Пфлаумер в 1992 г. проанализировал численность населения США за 1900–1988 гг., на основании модели ARIMA(2,2,0) и модели ARIMA(1,1,0) в логарифмах был построен прогноз до 2080 г. с 95%-ным доверительным интервалом [8].

За последние два десятилетия во многих странах заметно увеличилась средняя продолжительность жизни мужчин и женщин. Ряд авторов применили ARIMA-модели к анализу

средней продолжительности жизни мужчин и женщин в Италии и США за 1900–2006 гг. Наиболее удовлетворительными моделями оказались ARIMA(2,1,1) для женщин и ARIMA(1,1,1) для мужчин, на основании которых были построены прогнозы до 2050 г. с 80%-ным и 95%-ным доверительными интервалами [9–11]. Интересным является результат, что средняя продолжительность жизни к 2050 г. для женщин составит 97 лет, для мужчин 88 лет.

Отметим, что отечественные демографы при построении прогнозов по демографическим данным, как правило, отдают предпочтение математическим методам и когортно-компонентному анализу. Основной целью данной работы является развитие статистической методологии анализа

и прогнозирования демографических данных. В своем исследовании подробнее остановимся на применении ARIMA-моделей к демографическим данным по России и продемонстрируем возможности прогнозирования с использованием данного класса моделей.

Методика исследования

ARIMA-модели: теоретические предпосылки. Рассмотрим временной ряд наблюдений y_1, y_2, \dots, y_n некоторого демографического показателя, в частности, суммарного коэффициента рождаемости в России за 1990–2014 гг. (рис. 1). Эти наблюдения будут рассматриваться как реализация случайных величин, которые описываются некоторым стохастическим процессом.

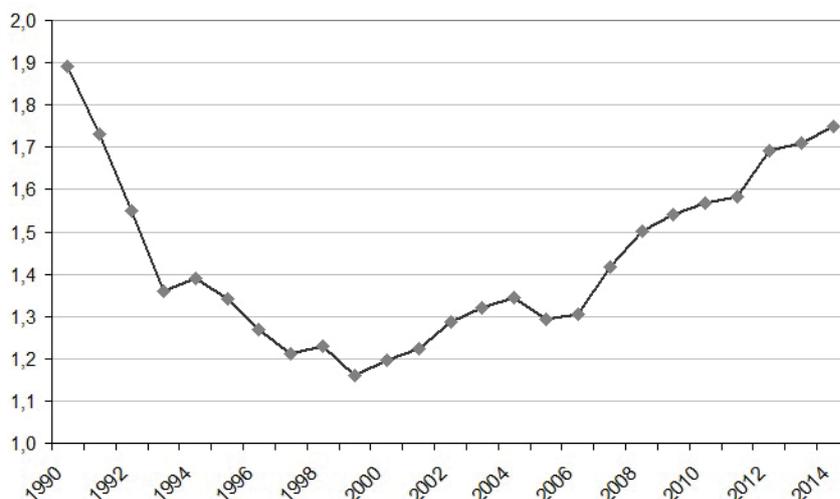

Рис. 1. Суммарный коэффициент рождаемости в России [12]

Ключевым понятием при ARIMA-моделировании является стационарность случайного процесса. Случайный процесс принято называть *слабо стационарным*, если среднее, дисперсия и ковариация y_t не зависят от времени t : $E(y_t) = \mu < \infty$, $V(y_t) = \gamma_0$, $\text{cov}(y_t, y_{t-k}) = \gamma_k$ [13].

Заметим, что многие демографические временные ряды не являются стационарными, имеют сложную структуру, и их элементы формируются под воздействием различных факторов, как и многие другие явления нашего общества. В исследованиях, как правило, выделяют четыре типа факторов [14]. Долговременные факторы формируют общую тенденцию изменения анализируемого показателя y_t , описываемую неслучайной функцией – функцией тренда. Например, ряды коэффициента суммарной рождаемости (см. рис. 1), ожидаемой продолжительности жизни для мужчин и женщин (рис. 2) в России и г. Москве за период 1990–2014 гг. содержат трен-

ды. Однако, как показывает визуальный анализ графиков, функции, описывающие трендовые составляющие для рассматриваемых процессов, могут различаться.

Сезонные факторы формируют периодически повторяющиеся в определенное время года колебания анализируемого показателя. В качестве примера можно рассмотреть количество браков, заключенных по месяцам, в России в период 2005–2015 гг. (рис. 3). Легко заметить, что данный показатель носит сезонный характер.

Как отмечают демографы, в современной России в мае регистрируется в три-четыре раза меньше браков, чем в августе. Сравнительно мало браков заключается также в январе–марте, а больше всего – в августе и сентябре, снижение частоты заключения браков в декабре и апреле связывают с распространением церковной регистрации и обряда венчания (на эти месяцы обычно приходятся посты). В 2010 г. больше всего браков

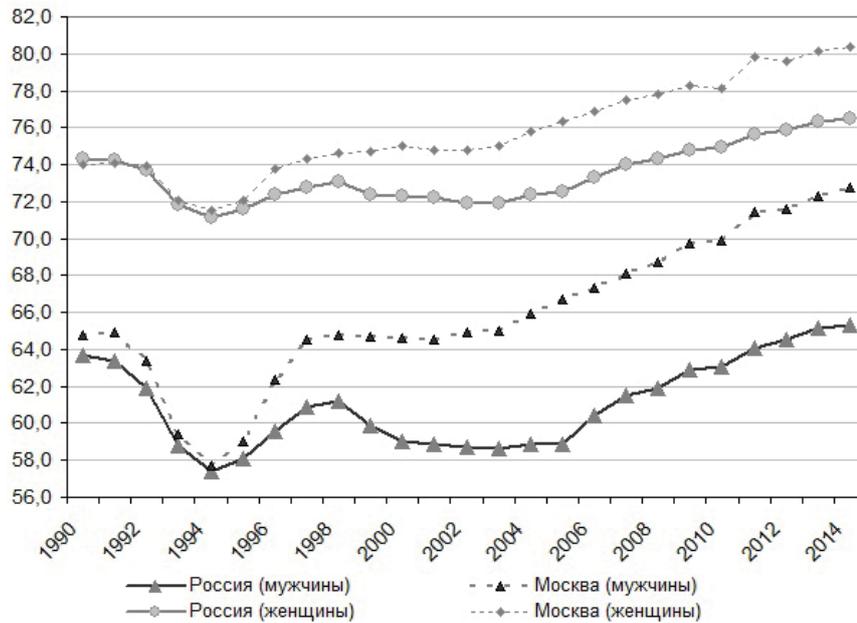

Рис. 2. Ожидаемая продолжительность жизни мужчин и женщин при рождении в России и г. Москве (число лет) [12]

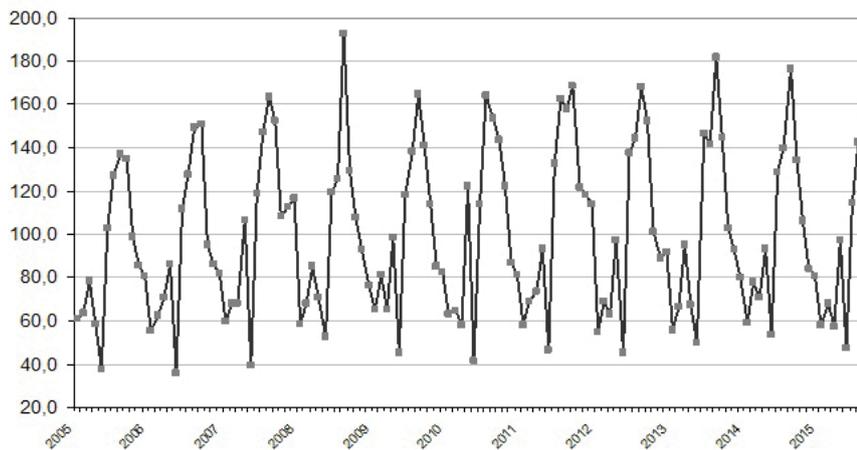

Рис. 3. Число зарегистрированных браков (тыс.) по месяцам регистрации [12]

было зарегистрировано в июле (164,3 тыс., что 4 раза больше, чем в мае), а в 2012 г. – в августе (168,0 тыс. – в 3,7 раза больше, чем в мае) [15]. Похожая динамика сохранилась и в 2013–2015 гг. Отметим, что сезонность присутствует также в ряде других демографических показателей: рождаемости, смертности, заболеваемости, миграции. Третий тип – циклические факторы – формируют изменения анализируемого признака, обусловленные действием долговременных циклов (в частности демографических). Отметим, что для изучения демографических циклов требуются длинные временные ряды. И последний тип факторов – случайные факторы – не поддаются учету, их воздействие на формирование значений временного ряда обуславливает стохастическую природу элементов ряда.

Существует несколько способов определения, является ли ряд стационарным. Во-первых, графический анализ: наличие тренда или периодической составляющей, возрастание или убывание разброса наблюдений со временем является индикатором нестационарности ряда. Так, на рис. 1–2 изучаемые временные ряды – коэффициент суммарной рождаемости, ожидаемая продолжительность жизни мужчин и женщин – являются нестационарными временными рядами из-за наличия тренда. Во-вторых, анализ графика выборочной автокорреляционной функции (ACF) (коррелограммы) и частной автокорреляционной функции (PACF), характеризующей «чистую корреляцию» между y_t и y_{t-k} при исключении влияния промежуточных значений $y_{t-1}, y_{t-2}, \dots, y_{t-k+1}$. Для стационарных временных рядов графики автокорреляционной

функции и частной автокорреляционной функции «быстро убывают» после нескольких первых значений лагов. В-третьих, использование статистических тестов на стационарность, например, расширенного ADF-теста Дики – Фуллера (Dickey, Fuller), PP-теста Филлипса – Перрона (Phillips, Perron), KPSS-теста Квятковского – Филлипса – Шмидта – Шина (Kwiatkowski, Philips, Schmidt, Shin) [13].

Модель авторегрессии и скользящего среднего ARMA(p, q) (Autoregressive Moving Average) в общем виде выглядит следующим образом:

$$y_t - \alpha_1 y_{t-1} - \dots - \alpha_p y_{t-p} = \beta + e_t - \theta_1 e_{t-1} - \dots - \theta_q e_{t-q}, \quad (1)$$

где e_t – белый шум, обладающий свойствами: математическое ожидание $\mu=0$, дисперсия $\gamma_0 = \sigma^2$, ковариации $\gamma_k = 0, k > 0$. На практике используют, как правило, ARMA-модели не выше 2-го порядка. При моделировании демографических явлений исследователи сталкиваются с нестационарными процессами, которые могут быть приведены к стационарному виду при помощи оператора последовательной разности. По определению, первая разность – это $\Delta y_t = y_t - y_{t-1}$. Пусть случайный процесс y_t после того, как к нему применили d раз оператор последовательной разности, стал стационарным процессом $\Delta^d y_t$, удовлетворяющим одной из ARMA(p, q)-моделей. В этом случае процесс y_t принято называть *интегрированным* процессом авторегрессии и скользящего среднего ARIMA(p, d, q). Такой процесс в общем случае имеет вид:

$$\Delta^d y_t = \beta + \sum_{i=1}^p \alpha_i \Delta^d y_{t-i} + e_t + \sum_{j=1}^q \theta_j e_{t-j}. \quad (2)$$

Также в литературе распространена запись ARIMA(p, d, q)-модели через лаговый оператор:

$$\alpha_p(L) \Delta^d y_t = \beta + \theta_q(L) e_t, \quad (3)$$

где $L y_t = y_{t-1}, L^k y_t = y_{t-k}, \alpha_p(L) = 1 - \alpha_1 L - \alpha_2 L^2 \dots - \alpha_p L^p, \theta_q(L) = 1 + \theta_1 L + \theta_2 L^2 \dots + \theta_q L^q$.

Отметим, что на практике встречаются процессы с порядком интегрирования d не более двух. В основе прогнозирования с использованием ARIMA-моделей лежит методология Бокса – Дженкинса, которая содержит три этапа: идентификация модели, оценивание и проверка адекватности модели, прогнозирование. На этапе идентификации модели необходимо протестировать ряды на стационарность и подобрать ARIMA-модель для дальнейшего оценивания. На втором этапе параметры ARIMA-моделей оцениваются методом максимального правдоподобия. Для проверки адекватности полученных ARIMA-моделей и их сравнения используют

несколько критериев: оценки коэффициентов модели должны быть статистически значимыми, остатки модели должны обладать свойствами белого шума (анализ автокорреляционной функции $\rho_k = 0$, критерий Льюинга – Бокса, тест Бройша – Годфри). В случае, когда несколько ARIMA-моделей оказываются адекватными, необходимо выбрать модель с наименьшим количеством параметров и наилучшими статистическими характеристиками качества подгонки модели, для чего обычно используют информационный критерий Акаике (AIC) и критерий Шварца (BIC) [13]. Отметим, что данная методика реализована в большинстве статистических пакетов, например Stata, R, Gretl, Eviews и др.

SARIMA: моделирование сезонных эффектов в демографических данных. Одним из расширений ARIMA-моделей является учет сезонности, оценивание так называемых SARIMA-моделей, сочетающих в себе сезонную составляющую и обычную ARIMA-модель. В сезонных SARIMA-моделях необходимо также оценить дополнительные параметры сезонных компонент: SARIMA(p, d, q)(P_s, D_s, Q_s), P_s – сезонный порядок авторегрессии, D_s – порядок сезонной разности, Q_s – сезонный порядок скользящего среднего. В общем виде мультипликативная сезонная модель SARIMA(p, d, q)(P_s, D_s, Q_s) в записи через лаговый оператор имеет вид

$$\alpha_p(L) \alpha_{ps}(L) \Delta^d \Delta_s^{D_s} S d y_t = \theta_q(L) \theta_{qs}(L) e_t, \quad (4)$$

где $\alpha_{ps}(L) = 1 - \alpha_{s1} L^s - \alpha_{s2} L^{2s} \dots - \alpha_{sp} L^{ps}$,

$\theta_{qs}(L) = 1 + \theta_{s1} L^s + \theta_{s2} L^{2s} \dots + \theta_{sq} L^{qs}$.

Построение SARIMA-моделей аналогично анализу ARIMA-моделей.

ARFIMA: моделирование процессов с долгой памятью в демографии. Обобщением модели ARIMA(p, d, q), когда параметр d может принимать любое действительное число, являются модели ARFIMA(p, d, q) (Fractionally Integrated Autoregression and Moving Average), представимые в виде

$$\alpha_p(L) (1-L)^d y_t = \theta_q(L) e_t, \quad (5)$$

где $L y_t = y_{t-1}, L^k y_t = y_{t-k}, \alpha_p(L) = 1 - \alpha_1 L - \alpha_2 L^2 \dots - \alpha_p L^p,$

$\theta_q(L) = 1 + \theta_1 L + \theta_2 L^2 \dots + \theta_q L^q, -1 < d < 1$. Показано,

что в случае $-0.5 < d < 0.5$ ARFIMA-процесс является стационарным и обратимым, а автокорреляции ρ_k убывают с гиперболической скоростью. Формально стационарный процесс определяется как процесс с длинной памятью, если существуют такие числа α, c ($0 < \alpha < 1, c > 0$), что для автокорреляционной функции исследуемого процесса выполняется соотношение

$$\lim_{k \rightarrow \infty} \frac{\rho_k}{ck^{-\alpha}} = 1. \quad (6)$$

Для идентификации процессов с длинной памятью традиционно используется R/S-анализ, предложенный Херстом [16] и Мандельбротом [17]. В предложенном подходе анализируется R/S-статистика, вычисляемая как отношение размаха частичных сумм (R) центрированных значений ряда к его стандартному отклонению (S). Идея R/S-анализа состоит в том, что в предположении полного отсутствия памяти размах ряда увеличивается пропорционально корню из величины временного промежутка, т.е. $R/S \approx ct^H$, $H = 0,5$ (показатель степени H называют показателем Херста). В противном случае показатель Херста H характеризует наличие памяти во временном ряду. При $0,5 < H < 1$ процесс является персистентным, т.е. монотонно следует вдоль детерминированного тренда, а при $0 < H < 0,5$ процесс называют антиперсистентным – обладающим свойством высокочастотной изменчивости значений относительно тренда. Для проверки гипотезы об отсутствии длинной памяти в ряду используется модифицированная статистика, предложенная Ло [18] и рассчитываемая на основе R/S-статистики.

Результаты

Анализ динамики коэффициента суммарной рождаемости (КСР) с использованием ARIMA-моделей. Рассмотрим более подробно содержание методологии Бокса – Дженкинса на примере российских демографических данных – коэффициента суммарной рождаемости за период 1990–2014 гг. Длина временного ряда составила

24 наблюдения. ADF-тест Дики – Фуллера показал, что исследуемый процесс является нестационарным для всех спецификаций (с константой, с константой и трендом, без них) и имеет порядок интегрирования $d = 1$ (ряд был приведен к стационарному виду взятием первой разности). Анализ графика и его автокорреляционной и частной автокорреляционной функций свидетельствует о нестационарности изучаемых процессов, что также подтвердили ADF-тесты Дики – Фуллера, в частности, статистика $DF = -2,387$ (для случая с константой и трендом). В результате оценивания и сравнения нескольких ARIMA-моделей (разных порядков авторегрессии и скользящего среднего) наиболее адекватной оказалась модель ARIMA(1,1,0) для КСР, имеющей вид (7). В круглых скобках указаны стандартные ошибки.

$$\Delta y_t = -0,011 + 0,629\Delta y_{t-1} + e_t, \sigma = 0,068. \quad (7)$$

(0,04) (0,182)

Для рассматриваемой модели КСР Q-статистика = 7,04, AIC = -49,261 BIC = -45,988. Значения автокорреляционных функций остатков равны нулю, Q-статистика Льюинга – Бокса и статистика теста Бройша – Годфри свидетельствуют об отсутствии автокорреляции в процессе остатков, это позволяет сделать вывод о том, что процесс остатков обладает свойствами белого шума.

Наряду с оценкой адекватности модели, для оценки качества и точности прогноза по полученной модели использовались характеристики, представленные в табл. 1. Отметим, что полученные характеристики точности прогноза свидетельствуют о достаточно высоких прогностических свойствах полученной ARIMA(1,1,0)-модели для КСР.

Таблица 1

Характеристики точности прогноза в модели КСР

Характеристика точности прогноза	Формула вычисления	Значение характеристики
Средняя квадратичная ошибка	$MSE = \sqrt{\frac{\sum_{t=1}^n (\hat{y}_t - y_t)^2}{n}}$	0,004
Средняя абсолютная процентная ошибка	$MAPE = \frac{1}{n} \sum_{t=1}^n \left \frac{\hat{y}_t - y_t}{y_t} \right \cdot 100\%$	3,82
Средняя процентная ошибка	$MPE = \frac{1}{n} \sum_{t=1}^n \frac{y_t - \hat{y}_t}{y_t} \cdot 100\%$	0,31

На рис. 4 представлены наблюдаемые значения КСР и предсказанные по ARIMA-модели для России, а также построен 80%-ный и 95%-ный доверительные интервалы прогноза до 2020 г. В табл. 2 приведены прогнозные значения КСР в России на основе полученной ARIMA-модели с 80%-ным и 95%-ным

доверительными интервалами. Результаты моделирования показывают, что на протяжении 2015–2022 гг. в России будет наблюдаться замедление роста коэффициента суммарной рождаемости до значения 1,73 на одну женщину в 2022 г. и наметится тенденция к снижению данного показателя.

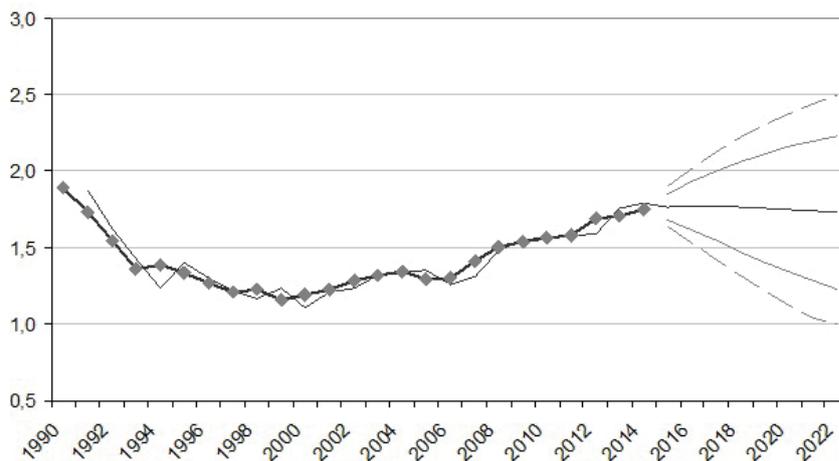

Рис. 4. КСР в России: наблюдаемые и предсказанные значения на основе ARIMA(1,1,0)-модели с 80%-ным и 95%-ным доверительными интервалами

Таблица 2

Прогнозные значения КСР в России на основе ARIMA(1,1,0)-модели с 80%-ным и 95%-ным доверительными интервалами

Год	Прогноз	Статистическая ошибка	95%-ный доверительный интервал	80%-ный доверительный интервал
2015	1,77	0,07	(1,63, 1,89)	(1,68, 1,85)
2016	1,78	0,13	(1,53, 2,02)	(1,61, 1,93)
2017	1,78	0,18	(1,42, 2,12)	(1,54, 2,01)
2018	1,77	0,23	(1,31, 2,22)	(1,47, 2,06)
2019	1,76	0,28	(1,21, 2,30)	(1,40, 2,11)
2020	1,75	0,32	(1,12, 2,37)	(1,34, 2,16)
2021	1,74	0,36	(1,04, 2,44)	(1,28, 2,19)
2022	1,73	0,39	(0,96, 2,50)	(1,22, 2,23)

Анализ числа зарегистрированных браков в России с помощью SARIMA-моделей. Как было отмечено выше, показатель числа зарегистриро-

ванных браков в России носит ярко выраженный сезонный характер с пиками в июле–сентябре и резкими спадами в мае (рис. 5).

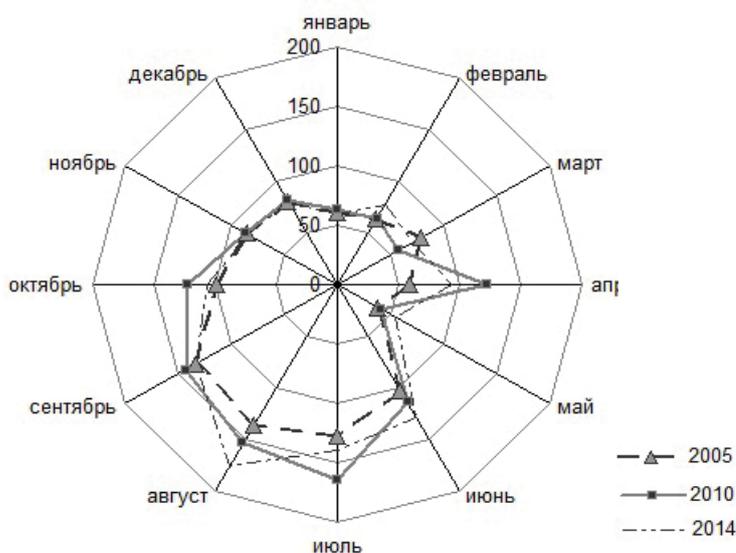

Рис. 5. Число зарегистрированных браков (тыс.) по месяцам регистрации в 2005, 2010, 2014 гг. [12]

Анализ автокорреляционной и частной автокорреляционной функций исходного ряда позволил сделать предположение о периоде сезонности $S = 12$. Для анализа был рассмотрен временной интервал с января 2003 г. по август

2015 г. Длина временного ряда для данного показателя составила 115 наблюдений. При моделировании была взята одна сезонная разность. Удовлетворительной оказалась модель $SARIMA(0,0,1)(3,1,0)_{12}$ в виде

$$(1 + 0,57L^{12} + 0,48L^{24} + 0,46L^{36})\Delta_{12}y_t = 0,78 + (1 + 0,34L^3)e_t, \quad \sigma = 11,47. \quad (8)$$

(0,08) (0,09) (0,10) (0,64) (0,09)

На основании теста Льюинга – Бокса для 24 лагов (Q-статистика = 26,66) был сделан вывод, что процесс остатков для оцененной модели обладает свойствами белого шума. В табл. 3 представлены прогнозные значения числа зарегистрированных браков на 2016 г. Результаты показывают, что в целом сезонный характер показателя на будущий год останется примерно таким же, как и в предыдущие годы.

Таблица 3

Прогнозные значения числа зарегистрированных браков в России в 2016 г. по месяцам регистрации (тыс.) на основе SARIMA-модели

Месяц	Прогноз	95%-ный доверительный интервал
Январь	58,66	(34,86, 82,45)
Февраль	71,34	(47,54, 95,13)
Март	63,98	(40,18, 87,77)
Апрель	98,29	(74,49, 122,08)
Май	49,02	(25,23, 72,81)
Июнь	129,21	(105,41, 153,01)
Июль	145,11	(121,31, 168,91)
Август	167,86	(144,06, 191,65)
Сентябрь	151,17	(125,49, 176,85)
Октябрь	107,73	(82,04, 133,40)
Ноябрь	95,27	(69,58, 120,95)
Декабрь	95,34	(69,43, 121,23)

Моделирование процессов с долгой памятью в демографии. Эмпирические демографические исследования показывают, что достаточно часто встречаются процессы с длинной памятью (long-memory processes), когда существует сильная зависимость между отдаленными наблюдениями [19]. Гранджер в 1980 г. одним из первых определил, что процессы с длинной памятью могут появляться в результате макроагрегирования традиционных стационарных временных рядов [20]. Можно предположить, что при анализе длинных временных рядов демографических данных также встречаются процессы с длинной памятью. На сайте журнала «Демоскоп» [21] представлены длинные ряды демографических данных (за 250 лет) по некоторым показателям, таким как общий коэффициент рождаемости, общий коэффициент смертности, коэффициент суммарной рождаемости, коэффициент младенческой смертности по некоторым европейским странам. В качестве примера рассмотрим ряд общего коэффициента рождаемости во Франции за период 1740–2014 гг. (годовые данные) (рис. 6). Длина временного ряда составила 275 наблюдений. Динамика ряда характеризуется убывающим трендом и с резким провалом в годы Первой мировой войны. Вторым показателем для исследования процессов с длинной памятью был взят уровень безработицы в России за период с января 1996 г. по январь 2016 г. (рис. 7). Длина временного ряда составила 265 наблюдений.

Рис. 6. Общий коэффициент рождаемости во Франции (1740–2014 гг.) [21, 22]

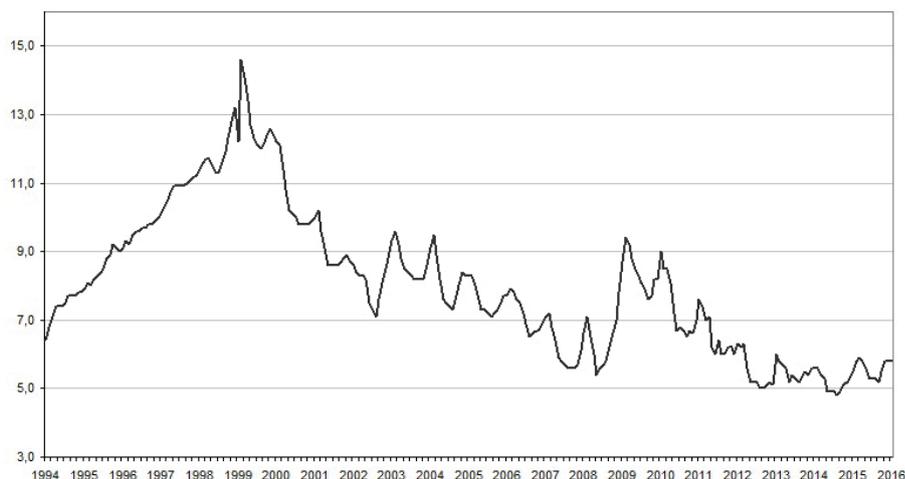

Рис. 7. Уровень безработицы в России (январь 1996 – январь 2016 гг.) [12]

Отметим, что для исследуемых процессов значения автокорреляционных функций убывают достаточно медленно (рис. 8), что может свиде-

тельствовать в пользу моделей с долгой памятью. В случае уровня безработицы наблюдается также слабовыраженная сезонность.

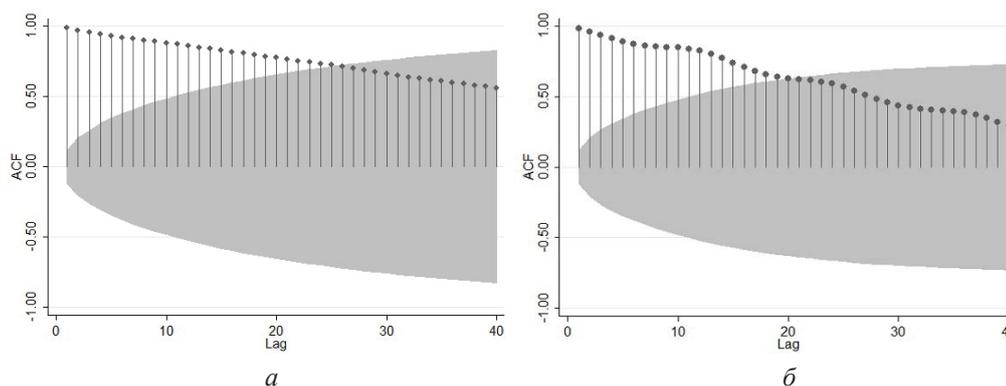

Рис. 8. ACF для общего коэффициента рождаемости во Франции (а) и уровня безработицы в России (б)

В нашем исследовании R/S-анализ показал, что ряд общего коэффициента рождаемости во Франции и уровня безработицы в России не обладают свойствами процессов с длинной памятью. Рассчитанная тестовая L_0 -статистика показала, что на уровне значимости 0,01 гипотеза об отсутствии длинной памяти не отвергается: $L_{01} = 1,59$; $L_{02} = 1,46$ соответственно; значения тестовой статистики обоих показателей лежат вне интервала (0,721, 2,098). Для анализируемых показателей были подобраны обычные ARIMA-модели. Анализ качества оцененных моделей показал, что наиболее удовлетворительной моделью для общего коэффициента рождаемости во Франции является ARIMA(1,0,0) с детерминированным линейным трендом, а для уровня безработицы в России – SARIMA(2,1,0)(1,1,1)₁₂. Остатки полученных моделей обладают свойствами белого шума.

В работе были рассмотрены несколько примеров моделирования демографических процессов с помощью ARIMA-моделей и их обобщений: SARIMA и ARFIMA-моделей. Было показано, что исследуемый в работе демографический процесс – коэффициент суммарной рождаемости удовлетворительно описывается процессом авторегрессии 1-го порядка, несмотря на небольшой объем выборки. В случае сезонности для показателя числа браков, заключенных по месяцам, в России удовлетворительной моделью оказалась SARIMA(0,0,1)(3,1,0)₁₂. Все полученные модели оказались адекватными, а характеристики точности прогноза показали достаточно высокие прогностические свойства полученных моделей. При анализе длинных временных рядов: общего коэффициента рождаемости во Франции ($T = 275$) и уровня безработицы в России ($T = 265$) – при помощи R/S-теста свойств процессов с длинной

памятью выявлено не было, данные процессы удовлетворительно были описаны моделями ARIMA(1,0,0) с детерминированным линейным трендом и SARIMA(2,1,0)(1,1,1)₁₂ соответственно. Развитая в работе статистическая методология анализа и прогнозирования демографических процессов может быть использована как один из способов демографического прогнозирования, которое на сегодняшний день приобретает все большую значимость как во внутренней политике при социально-экономическом планировании развития страны в целом или отдельных субъектов, так и на международной арене.

Список литературы

1. Box G. P., Jenkins G. M. Time Series Analysis Forecasting and Control. San Francisco : Holden-Day, 1970. 554 p.
2. Hiorns R. W. Mathematical Models in Demography // The Structure of Human Populations. Ed. by G. A. Harrison, A. Z. Boycl. Oxford : Clarendon Press. 1972. P. 110–127.
3. Lee R. Forecasting Births in Post-Transition Populations // Journal of the American Statistical Association. 1974. Vol. 69. P. 607–617.
4. Pollard J. H. On Simple Approximate Calculations Appropriate to Populations with Random Growth Rates // Theoretical Population Biology. 1970. Vol. 1. P. 208–218.
5. Saboia J. L. M. Modeling and Forecasting Populations by Time Series – The Swedish Case // Demography. 1974. Vol. 11. P. 483–492.
6. Kashyap R. L., Rao A. R. Dynamic Stochastic Models from Empirical Data. N.Y. ; L. : Academic Press, 1976. 352 p.
7. Saboia J. L. M. Autoregressive Integrated Moving Average (ARIMA) Models for Birth Forecasting // Journal of the American Statistical Association. 1977. Vol. 72 (358). P. 264–270.
8. Pflaumer P. Forecasting US population totals with the Box – Jenkins approach // International Journal of Forecasting. 1992. Vol. 8. P. 329–338.
9. Tiziana T., Vaupel J. W. Forecasting life expectancy in an international context // International Journal of Forecasting. 2012. Vol. 28. P. 519–531.
10. Alho J. M., Spencer B. D. Statistical demography and forecasting. Springer, 2005. 410 p.
11. Booth H. Demographic forecasting : 1980 to 2005 in review // International Journal of Forecasting. 2006. Vol. 22. P. 547–581.
12. Росстат. URL: <http://www.gks.ru> (дата обращения: 22.03.2016).
13. Мхитарян В. С., Архипова М. Ю., Балаш В. А., Балаш О. С., Дуброва Т. А., Сиротин В. П. Эконометрика / под общ. ред. В. С. Мхитаряна. М. : Проспект, 2014. 384 с.
14. Айвазян С. А. Методы эконометрики. М. : ИНФРА-М, 2010. 510 с.
15. Щербакова Е. Число зарегистрированных браков и разводов в 2012 году снизилось // Демоскоп weekly. 2013. № 541–542. URL: <http://demoscope.ru/weekly/2013/0541/barom04.php> (дата обращения: 20.12.2015).
16. Hurst H. E. Long term Storage Capacity of Reservoirs // Transactions of the American Society of Civil Engineers. 1951. Vol. 116. P. 770–799.
17. Mandelbrot B. Statistical methodology for non-periodic cycles : From the covariance to R/S analysis // Annals of Economic and Social Measurement. 1972. Vol. 1. P. 259–290.
18. Lo A. W. Long-term memory in stock market prices // Econometrica. 1991. Vol. 59. P. 1279–1313.
19. Hyndman R. J., Booth H., Ysmeen F. Coherent Mortality Forecasting : The Product-Ratio Method With Functional Time Series Models // Demography. 2013. Vol. 50, iss. 1. P. 261–283.
20. Granger C. W. Long memory relationships and the aggregation of dynamic models // Journal of Econometrics. 1980. Vol. 14, iss. 2. P. 227–238.
21. Демоскоп : [сайт]. URL: http://www.demoscope.ru/weekly/app/long_cbr.php (дата обращения: 22.03.2016).
22. World Bank : [сайт]. URL: <http://www.worldbank.org> (дата обращения: 22.03.2016).

The Statistical Approach to the Analysis and Forecasting of Demographic Data

E. D. Kopnova

National Research University Higher School of Economics,
31, Shabolovka str., Moscow, 115162, Russia
E-mail: ekopnova@hse.ru

L. A. Rodionova

National Research University Higher School of Economics,
31, Shabolovka str., Moscow, 115162, Russia
E-mail: lrodionova@hse.ru

Introduction. Possibilities of application ARIMA-models to analysis and forecasting of demographic time series were considered in the article. Foreign studies had shown that the ARIMA-models give good results for forecasting indicators such as population, birth rates and death rates, life expectancy, along with the traditional demographic methods (cohort-component approach). **Research technique.** Box – Jenkins methodology of the analysis and forecasting of time series, particularly with regard to demographic data: total fertility rate in Russia (1990–2014), the number of marriages by months in Russia (2005–2015), total fertility rate in France (1740–2014) and the unemployment rate in Russia (1996–2016) was used in the work. ARIMA-, ARIMA- and ARIMA-models, depending on the nature of the dynamics of the studied indicators were analyzed. **Results.** The analysis had shown that the estimated ARIMA-models for the total fertility rate and number of marriages were adequate and had good statistical and prognostic properties. Forecasts were built on basis of the obtained models. In the case of long series availability of properties with a long memory processes have not been identified.

Key words: time series analysis, ARIMA-model, SARIMA-model, ARFIMA-model, statistical methods.

References

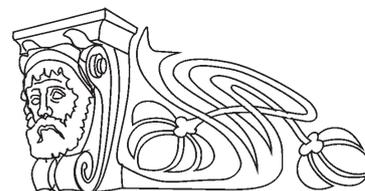
1. Box G. P., Jenkins G. M. *Time Series Analysis Forecasting and Control*. San Francisco: Holden-Day, 1970. 554 p.
2. Hiorns R. W. *Mathematical Models in Demography. The Structure of Human Populations*. Ed. by G. A. Harrison, A. Z. Boycl. Oxford, Clarendon Press, 1972, pp. 110–127.
3. Lee R. Forecasting Births in Post-Transition Populations. *Journal of the American Statistical Association*, 1974, vol. 69, pp. 607–617.
4. Pollard J. H. On Simple Approximate Calculations Appropriate to Populations with Random Growth Rates. *Theoretical Population Biology*, 1970, vol. 1, pp. 208–218.
5. Saboia J. L. M. Modeling and Forecasting Populations by Time Series – The Swedish Case. *Demography*, 1974, vol. 11, pp. 483–492.
6. Kashyap R. L., Rao A. R. *Dynamic Stochastic Models from Empirical Data*. New York, London, Academic Press, 1976. 352 p.
7. Saboia J. L. M. Autoregressive Integrated Moving Average (ARIMA) Models for Birth Forecasting. *Journal of the American Statistical Association*, 1977, vol. 72 (358), pp. 264–270.
8. Pflaumer P. Forecasting US population totals with the Box – Jenkins approach. *International Journal of Forecasting*, 1992, vol. 8, pp. 329–338.
9. Tiziana T., Vaupel J.W. Forecasting life expectancy in an international context. *International Journal of Forecasting*, 2012, vol. 28, pp. 519–531.
10. Alho J. M., Spencer B. D. *Statistical demography and forecasting*. Springer, 2005. 410 p.
11. Booth H. Demographic forecasting: 1980 to 2005 in review. *International Journal of Forecasting*, 2006, vol. 22, pp. 547–581.
12. Rosstat. Available at: <http://www.gks.ru> (accessed 22 Mart 2016).
13. Mhitarjan V. S., Arhipova M. Ju., Balash V. A., Balash O. S., Dubrova T. A., Sirotin V. P. *Ekonometrika [Econometrics]*. Ed. by V. S. Mhitarjan]. Moscow, Prospekt Publ., 2014. 384 p.
14. Ajvazjan S. A. *Metody jekonometriki [Econometrics Methods]*. Moscow, INFRA-M Publ., 2010. 510 p.
15. Scherbakova E. Chislo zaregistrirovannykh brakov i razvodov v 2012 godu snizilos' (The number of registered marriages and divorces decreased in 2012). *Demoskop weekly (Demoscope weekly)*, 2013, № 541–542. Available at: <http://demoscope.ru/weekly/2013/0541/barom04.php> (accessed 20 December 2015).
16. Hurst H. E. Long term Storage Capacity of Reservoirs. *Transactions of the American Society of Civil Engineers*, 1951, vol. 116, pp. 770–799.
17. Mandelbrot B. Statistical methodology for non-periodic cycles: From the covariance to R/S analysis. *Annals of Economic and Social Measurement*, 1972, vol. 1, pp. 259–290.
18. Lo A. W. Long-term memory in stock market prices. *Econometrica*, 1991, vol. 59, pp. 1279–1313.
19. Hyndman R. J., Booth H., Yasmee F. Coherent Mortality Forecasting: The Product-Ratio Method With Functional Time Series Models. *Demography*, 2013, vol. 50, iss. 1, pp. 261–283.
20. Granger C. W. Long memory relationships and the aggregation of dynamic models. *Journal of Econometrics*, 1980, vol. 14, iss. 2, pp. 227–238.
21. *Demoskop*. Site. Available at: http://www.demoscope.ru/weekly/app/long_cbr.php (accessed 22 Mart 2016).
22. *World Bank*. Site. Available at: <http://www.worldbank.org> (accessed 22 Mart 2016).

УДК 336.225.66 (470.44)

К ВОПРОСУ О ЛЬГОТНОМ РЕЖИМЕ НАЛОГООБЛОЖЕНИЯ ДЛЯ СУБЪЕКТОВ МАЛОГО ПРЕДПРИНИМАТЕЛЬСТВА В САРАТОВСКОЙ ОБЛАСТИ

М. В. Голубниченко

кандидат экономических наук, доцент кафедры финансов и кредита,
Саратовский национальный исследовательский государственный
университет имени Н. Г. Чернышевского
E-mail: mvl04@mail.ru

Введение. В условиях экономического кризиса в России остро ощущается необходимость государственной поддержки субъектов малого предпринимательства, особенно в виде снижения налоговой нагрузки на предприятия на уровне региона. Необходимо проанализировать особенности льготного режима налогообложения для субъектов малого предпринимательства в Саратовской области и его влияние на развитие малого бизнеса в последние годы. Этим определяется актуальность исследования. **Теоретический анализ.** В Саратовской области

льготный налоговый режим для субъектов малого предпринимательства представлен в ряде региональных законов. В частности, установлены дифференцированные налоговые ставки при применении упрощенной системы налогообложения для отдельных категорий налогоплательщиков, введены двухлетние «налоговые каникулы» по 11 видам деятельности при патентной системе налогообложения и 72 видам деятельности при упрощенной системе налогообложения. С 1 января 2016 г. снижена стоимость патентов по отдельным видам деятельности, а также

расширено количество видов предпринимательской деятельности, подпадающих под патентную систему налогообложения. **Обсуждение результатов.** Положительные тенденции в развитии малого бизнеса, поступлении налогов в областной бюджет за последние годы выявили необходимость продления действия дифференцированных налоговых ставок в регионе при применении упрощенной системы налогообложения, а также подтвердили эффективность корректировки законодательства о патентной системе налогообложения. Действующий механизм «налоговых каникул» может стать существенной поддержкой для малого бизнеса при условии изменения некоторых положений, например, продлении льготного периода при достижении налогоплательщиком определенных позиций, распространении льготы на действующие предприятия.

Ключевые слова: налоговые льготы, малый бизнес, специальный режим налогообложения, Саратовская область.

DOI: 10.18500/1994-2540-2016-16-3-315-319

Введение

Складывающаяся в последнее время ситуация в малом бизнесе, связанная с экономическим кризисом в России, падением спроса населения на продукцию и услуги, более остро ставит вопрос поддержки субъектов малого предпринимательства со стороны государства. Необходимость поддержки обусловлена тем, что малый бизнес, выступая гарантом разнообразия рынков, конкуренции, наличия рабочих мест, является противовесом крупному бизнесу, который в условиях ослабленной конкуренции может стать монополистом, что негативно скажется на обществе и государстве. Кроме того, за счет малого бизнеса обеспечивается жизнеспособность общества за пределами крупных городов и центров концентрации промышленности. Поддержка со стороны государства обеспечивается, в первую очередь, в виде снижения налоговой нагрузки путем введения соответствующих положений в статьи Налогового кодекса РФ. В настоящее время существуют специальные режимы налогообложения для малого бизнеса: упрощенная система налогообложения, система налогообложения в виде единого налога на вмененный доход, патентная система налогообложения и система налогообложения в виде единого сельскохозяйственного налога. Эти режимы позволяют субъектам малого бизнеса экономить финансовые ресурсы на налогах и использовать их на другие цели, необходимые для развития хозяйствующих субъектов. Большое значение для таких налогоплательщиков имеет установление льготного режима налогообложения на уровне региона.

Теоретический анализ

В Саратовской области льготный налоговый режим для субъектов малого предпринимательства представлен в ряде региональных законов.

Так, Закон Саратовской области от 25.11.2015 № 152-ЗСО «Об установлении дифференцированных налоговых ставок при применении упрощенной системы налогообложения для отдельных категорий налогоплательщиков на территории Саратовской области» [1], вступивший в силу с 1 января 2016 г., устанавливает пониженные ставки единого налога (5, 6 и 7% вместо 15%) для отдельных категорий налогоплательщиков, выбравших в качестве объекта налогообложения доходы, уменьшенные на величину расходов. Это касается предприятий, осуществляющих деятельность в сферах обрабатывающих производств, строительства, образовательной, инновационной, ремесленной деятельности, производства товаров и услуг для детей. Ставка 1% (вместо 6%) установлена для организаций и индивидуальных предпринимателей, занимающихся народным художественным промыслом, образовательной деятельностью, выбравших объектом налогообложения доходы. В 2013–2014 гг. пониженными (дифференцированными) налоговыми ставками в соответствии с действовавшим в этот период Законом Саратовской области от 13.11.2012 № 166-ЗСО [2] воспользовался 261 налогоплательщик региона, в том числе: 129 налогоплательщиков – в 2013 г., уплативших налогов в размере 16 597,6 тыс. руб.; 132 налогоплательщика – в 2014 г., уплативших налогов в размере 22 206,13 тыс. руб. При этом наибольшее число налогоплательщиков составили организации и индивидуальные предприниматели, осуществлявшие деятельность в сфере обрабатывающего производства, строительства; второе место заняли организации и предприниматели, занимавшиеся производством одежды для новорожденных детей из тканей, игр и игрушек; на третьем месте находились организации, деятельность которых была связана с использованием вычислительной техники, информационных технологий, занимавшихся научными исследованиями и разработками, предоставлением других видов услуг [3]. В таблице представлены важные показатели деятельности субъектов малого и среднего предпринимательства Саратовской области за 2012–2014 гг. С учетом положительных тенденций в развитии малого бизнеса, поступления налогов в областной бюджет за эти годы действие дифференцированных налоговых ставок в регионе при применении упрощенной системы налогообложения продлено до 31 декабря 2020 г. (включительно) и однозначно окажет положительное влияние на рост числа налогоплательщиков, воспользовавшихся ими, а также на развитие малого бизнеса.

Показатели деятельности субъектов малого и среднего предпринимательства Саратовской области за 2012–2014 гг. [3]

Наименование показателя	2012	2013	2014
Доля продукции, произведенной субъектами малого и среднего предпринимательства области, в общем объеме валового регионального продукта, %	27,1	27,8	28
Количество малых предприятий (включая микропредприятия), тыс.	27,7	30,7	33,4
Объем налоговых поступлений от субъектов малого и среднего предпринимательства области, применяющих специальные режимы налогообложения, млрд руб.	3,35	3,54	3,68

Особо следует отметить, что с целью стимулирования производственной, социальной, научной сферы в регионе Законом Саратовской области от 28.04.2015 № 57-ЗСО «Об установлении налоговой ставки в размере 0 процентов для отдельных категорий налогоплательщиков при применении упрощенной и (или) патентной систем (системы) налогообложения на территории Саратовской области» [4] установлены двухлетние «налоговые каникулы» по 72 видам деятельности при упрощенной системе налогообложения и 11 видам деятельности при патентной системе налогообложения, при этом ставка 0% применяется для индивидуальных предпринимателей, впервые зарегистрированных после вступления в силу этого Закона. «Налоговые каникулы» в разных форматах широко практикуются в ряде зарубежных стран, и, как правило, эта мера направлена на привлечение инвестиций и поддержку новых производств.

С 2013 г. действует Закон Саратовской области от 13 ноября 2012 г. № 167-ЗСО «О введении на территории Саратовской области патентной системы налогообложения» [5], положения которого были пересмотрены в 2014 г. с учетом предложений предпринимателей области. Регион был дифференцирован по территориям действия патентов и размер патентов, для индивидуальных предпринимателей в районах Саратовской области был снижен до 80, 60, 50, 40% от ранее действующего значения.

В результате корректировки законодательства о патентной системе налогообложения увеличилось количество приобретенных индивидуальными предпринимателями патентов: в 2013 г. – 182 патента, в 2014 г. – 302, в 1-м полугодии 2015 г. – 377 патентов, а также наблюдался рост объема уплаченных налогов: в 2013 г. – 7,4 млн руб., в 2014 г. – 14,2, в 1-м полугодии 2015 г. – 16,0 млн руб. [6].

Принятые поправки в Закон № 167-ЗСО обусловили следующие изменения в патентной системе налогообложения области с 1 января 2016 г.:

– снижена стоимость патентов по видам предпринимательской деятельности, по которым патенты не были востребованы в 2013–2014 гг.;

– расширено количество видов предпринимательской деятельности, подпадающих под патентную систему налогообложения;

– введена норма, которая предусматривает индексацию налоговыми органами размеров потенциально возможного к получению индивидуальным предпринимателем годового дохода;

– по видам деятельности, которые совпадают с видами по ЕНВД, стоимость патентов установлена ниже средней стоимости по стране;

– по видам деятельности, по которым патенты были не востребованы (или было получено 1–2 патента всего, например, услуги репетиторства), стоимость установлена ниже минимального значения в России;

– изменен шаг установления стоимости патентов: он составляет теперь 50%, а не 100% (например, если с одним работником доход составляет 80 тыс. руб., то с двумя работниками доход составит 120 тыс. руб.). Аналогичный подход предусмотрен для видов деятельности, дифференцируемых по количеству объектов. Это реальная мера по снижению налоговой нагрузки на малый бизнес.

Обсуждение результатов

Таким образом, льготный режим налогообложения для субъектов малого предпринимательства в Саратовской области характеризуется установлением пониженных ставок для приоритетных видов предпринимательской деятельности, предоставлением «налоговых каникул» избирательно для определенных категорий малого бизнеса, что встречно предполагает выполнение обязательств налогоплательщиками по осуществлению определенных, полезных для экономики страны мероприятий. Результатом таких налоговых послаблений должны стать сокращение теневой занятости в сфере малого бизнеса, развитие конкуренции на рынке востребованных населением услуг, поддержка народных художественных промыслов в местах традиционного бытования.

При введении налоговых льгот необходима детальная проработка их возможных последствий не только для представителей бизнес-сообщества,

но и для бюджетов всех уровней, для экономики страны в целом. Поэтому такая избирательная схема введения «налоговых каникул», при которой определяется ряд приоритетных сфер деятельности, в развитии которых регион заинтересован, наиболее перспективна. Простым и самым распространенным направлением предпринимательства в Саратовской области является торговля. Между тем на протяжении нескольких десятилетий в стране и в регионе угасало производство реальной продукции. В связи с этим требуется действенная экономическая мера поддержки производства, которое необходимо активно развивать и стимулировать с учетом сложившейся ситуации в экономике страны и регионов соответственно. Так, ставка 0% устанавливается законом № 57-ЗСО для организаций в сфере производства сельскохозяйственной продукции, одежды, обуви, производства строительных отделочных работ, дошкольного и дополнительного образования, социальных услуг, научных исследований и разработок. Также предусмотрено установление «налоговых каникул» в сфере предоставления бытовых услуг населению (ремонт и пошив изделий, обуви, парикмахерские и косметические услуги, химчистки, прачечные, ремонт бытовых приборов и мебели) для впервые зарегистрированных предпринимателей по патентной системе. При этом предельные значения выручки при нулевой ставке при упрощенной системе налогообложения – 18 млн руб., патентной системе налогообложения – 1 млн руб. Такой выборочный подход максимально минимизирует потери бюджетов от введения налоговых послаблений, что тоже немаловажно.

Для сравнения можно обратиться к недавнему опыту России по снижению фиксированных страховых взносов для предпринимателей в Пенсионный фонд в 2014 г., что позволило многим предпринимателям выйти из «тени». В то время как в 2013 г. для индивидуальных предпринимателей законодательно были увеличены ставки страховых взносов в Пенсионный фонд, исходя из стоимости страхового года, в 2 раза, что повлекло прекращение деятельности многих предпринимателей, не готовых нести затраты в размере 36 тыс. руб. в год.

Однако схема «налоговых каникул» имеет ряд недостатков:

1) «налоговые каникулы» распространяются только на вновь зарегистрированных предпринимателей, действующие предприниматели рассчитывать на льготу не могут даже в случае перерегистрации;

2) льгота рассчитана только на предпринимателей, т.е. малые предприятия, являющиеся юридическими лицами, под нее не подпадают;

3) льгота предоставляется при применении УСН и ПСН, не затрагивая предпринимателей, применяющих ЕНВД и ЕСХН, общий режим налогообложения;

4) нулевая ставка налога действует в течение двух налоговых периодов со дня регистрации, при этом для УСН налоговый период – год, а при ПСН – период, на который приобретен патент, т.е. он может быть меньше года.

Для того чтобы этот инструмент действительно работал, следует пересмотреть некоторые положения:

– во-первых, на «налоговые каникулы» должны рассчитывать не только предприниматели, но и организации, относящиеся к субъектам малого предпринимательства;

– во-вторых, льгота должна распространяться на действующие малые предприятия при условии организации деятельности в сферах, подпадающих под нулевую ставку.

– в третьих, существенной поддержкой для уже функционирующего бизнеса могло бы стать продление льготного периода при достижении налогоплательщиком определенных позиций, например, увеличение объема выпускаемой продукции, наличие реальных научных изысканий, имеющих прикладное значение. Такая мера позволила бы исключить возможность фиктивной перерегистрации и дополнительно стимулировала бы налогоплательщиков к дальнейшему развитию и, соответственно, способствовала бы оздоровлению экономики страны в целом.

Стимулирование развития малого бизнеса представляет собой действенную меру по выходу экономики России из финансового кризиса. Государственная поддержка субъектов малого предпринимательства должна осуществляться в различных направлениях, в том числе в виде введения и постоянного совершенствования льготного режима налогообложения для таких налогоплательщиков.

Список литературы

1. Об установлении дифференцированных налоговых ставок при применении упрощенной системы налогообложения для отдельных категорий налогоплательщиков на территории Саратовской области : закон Саратовской области от 25.11.2015 № 152-ЗСО. Доступ из справ.-правовой системы «КонсультантПлюс».
2. Об установлении дифференцированных налоговых ставок при применении упрощенной системы налогообложения для отдельных категорий налогоплательщиков на территории Саратовской области : закон Саратовской области от 13.11.2012 № 166-ЗСО. Доступ из справ.-правовой системы «КонсультантПлюс».

3. Правительство Саратовской области : [сайт]. URL: http://saratov.gov.ru/gov/auth/mineconom/RP/PZSO_nalog_1. Pdf (дата обращения: 02.03.2016).
4. Об установлении налоговой ставки в размере 0 процентов для отдельных категорий налогоплательщиков при применении упрощенной и (или) патентной систем (системы) налогообложения на территории Саратовской области : закон Саратовской области от 28.04.2015 № 57-ЗСО (ред. от 24.03.2016). Доступ из справ.-правовой системы «КонсультантПлюс».
5. О введении на территории Саратовской области патентной системы налогообложения : закон Саратовской области от 13.11.2012 № 167-ЗСО (ред. от 25.11.2015). Доступ из справ.-правовой системы «КонсультантПлюс».
6. Почти 400 патентов приобрели предприниматели в этом году. URL: http://saratovdaily.ru/news/2015/10/14/15731:pochti_400_patentov_priobreli_predprinimateli_v_etom_godu.html (дата обращения: 09.03.2016).

To the Question of Preferential Tax Treatment for Small Businesses in Saratov Region

M. V. Golubnichenko

Saratov State University,
83, Astrakhanskaya str., Saratov, 410012, Russia
E-mail: mvl04@mail.ru

Introduction. In the context of economic crisis in Russia there is an urgent necessity in state support of small businesses, especially in the form of reducing taxes for businesses in the region. We have to analyze the preferential tax treatment for small businesses in Saratov region and its impact on the development of small business in recent years. It determines the relevance of the study. **Theoretical analysis.** In Saratov region preferential tax treatment for small businesses is presented in a number of regional laws. In particular, there are differentiated tax rates in application of simplified taxation system for certain categories of taxpayers; there is a two-year «tax holiday» for 11 types of businesses in the patent system of taxation and 72 types of businesses under the simplified taxation system. From January 1, 2016, the cost of patents for certain types of activities was reduced as well as the number of business activity types falling under patent system of taxation was also expanded.

Discussion of results. Positive trends in the development of small businesses and the receipt of taxes to the regional budget in recent years has revealed the need for extension of differentiated tax rates in the region at the application of simplified taxation system and confirmed the effectiveness of legislation adjustment on patent system of taxation. The existing mechanism of «tax holidays» can be an essential support for small businesses in conditions of some changes, for example, extension of the grace period under condi-

tion of obtaining certain positions by taxpayer, the distribution of incentives on current enterprises.

Key words: tax incentives, small business, special tax regime, Saratov region.

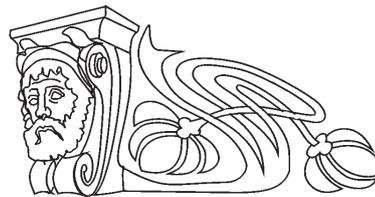
References

1. Ob ustanovlenii differentsirovannykh nalogovykh stavok pri primenenii uproschennoi sistemy nalogooblozheniia dlia otdel'nykh kategorii nalogoplatel'schikov na territorii Saratovskoi oblasti: zakon Saratovskoi oblasti ot 25.11.2015 № 152-ZSO (On the establishment of differentiated tax rates in application of simplified taxation system for certain categories of taxpayers in the Saratov region. Saratov region law of 25.11.2015 № 152-SRL). *ATP «Consultant»* [electronic resource].
2. Ob ustanovlenii differentsirovannykh nalogovykh stavok pri primenenii uproschennoi sistemy nalogooblozheniia dlia otdel'nykh kategorii nalogoplatel'schikov na territorii Saratovskoi oblasti: zakon Saratovskoi oblasti ot 13.11.2012 № 166-ZSO (On the establishment of differentiated tax rates in application of simplified taxation system for certain categories of taxpayers in the Saratov region. Saratov region law of 13.11.2012 № 166-SRL). *ATP «Consultant»* [electronic resource].
3. *Pravitel'stvo Saratovskoi oblasti* (Saratov region government. Site). Available at: http://saratov.gov.ru/gov/auth/mineconom/RP/PZSO_nalog_1. Pdf (accessed 2 March 2016).
4. Ob ustanovlenii nalogovoi stavki v razmere 0 protsentov dlia otdel'nykh kategorii nalogoplatel'schikov pri primenenii uproschennoi i (ili) patentnoi sistem (sistemy) nalogooblozheniia na territorii Saratovskoi oblasti: zakon Saratovskoi oblasti ot 28.04.2015 № 57-ZSO (red. ot 24.03.2016) (Establishing the tax rate to 0% for certain taxpayers in the application of the simplified and (or) of patent systems (the system) of taxation on the territory of Saratov region. Saratov region law of 28.04.2015 № 57-SRL (an edition of 24.03.2016)). *ATP «Consultant»* [electronic resource].
5. O vvedenii na territorii Saratovskoi oblasti patentnoi sistemy nalogooblozheniia: zakon Saratovskoi oblasti ot 13.11.2012 № 167-ZSO (red. ot 25.11.2015) (On the introduction in the territory of the Saratov region of the patent system of taxation: the law of the Saratov region. Saratov region law of 13.11.2012 № 167-SRL (an edition of 25.11.2015)). *ATP «Consultant»* [electronic resource].
6. Pochti 400 patentov priobreli predprinimateli v etom godu (Nearly 400 patents were purchased by entrepreneurs this year). Available at: http://saratovdaily.ru/news/2015/10/14/15731:pochti_400_patentov_priobreli_predprinimateli_v_etom_godu.html (accessed 9 March 2016).

УДК 339.54

ВЫЯВЛЕНИЕ АКТУАЛЬНЫХ УГРОЗ СИСТЕМЫ ЭКСПОРТНОГО КОНТРОЛЯ: МЕЖДУНАРОДНЫЙ И РОССИЙСКИЙ ОПЫТ

М. С. Роскошная

аспирант, Национальный исследовательский институт мировой экономики и международных отношений имени Е. М. Примакова РАН (ИМЭМО РАН), Москва
E-mail: roskoshnayam@gmail.com

Введение. В статье исследуются причины появления новых угроз и «точек разрыва» в системе экспортного контроля как на региональном, так и на глобальном уровне. Дается характеристика указанной экономической системы в России, включая деятельность уполномоченных органов, а также приводится краткая характеристика деятельности международных режимов экспортного контроля. **Теоретический анализ.** Приводятся позиции, выработанные в ходе международных заседаний в рамках экспортно-контрольных режимов, а также формальных и неформальных встреч с представителями бизнеса. Сделан вывод о необходимости более частого взаимодействия экспортно ориентированных государственных и частных организаций с целью информационного обмена в сфере мировой экономики, в том числе путем транслирования лучших практик. **Результаты.** Анализируются и классифицируются две группы проблем в области экспортного контроля: брокерская и транзитная деятельность, неосязаемые передачи. Изучается международный и российский опыт в области мировой экономики для преодоления вызовов и угроз системе экспортного контроля, приводятся примеры. Все это позволяет сделать выводы о том, что необходимо выработать унифицированные процедуры в сфере контроля брокерской и транзитной деятельности, контролировать киберпространство через механизм получения лицензии.

Ключевые слова: мировая экономика, внешнеэкономическая деятельность, международная торговля, экспортный контроль, международная безопасность.

DOI: 10.18500/1994-2540-2016-16-3-320-325

Введение

В современной экономической системе экспортный контроль включает комплекс контрольно-надзорных мер в области регулирования международной торговли и внешнеэкономических сделок как на национальном, так и на международном уровне. Кроме того, он является одной из самых действенных и активных методик по укреплению режимов торговой безопасности мировой экономики. Действующее законодательство в области экспортного контроля сформировалось сравнительно недавно. Отметим, что понятия «экспортный контроль» и «система экспортного контроля» на национальном уровне были впервые введены Указом Президента Российской Федерации «О мерах по созданию системы экспортного контроля в Российской Федерации» от 11 апреля 1992 г. № 388. Далее, в 1995 г., экспортный кон-

троль был определен как законодательная форма (Федеральный закон Российской Федерации «О государственном регулировании внешнеторговой деятельности» № 157-ФЗ).

В настоящий момент законодательство Российской Федерации в области экспортного контроля основывается на Конституции Российской Федерации и состоит из Федерального закона Российской Федерации от 18 июля 1999 г. № 183-ФЗ «Об экспортном контроле» (далее – Федеральный закон), других федеральных законов и принимаемых в соответствии с ними иных нормативных правовых актов (НПА) Российской Федерации. И согласно Федеральному закону *под экспортным контролем понимается* комплекс мер, обеспечивающих реализацию установленного НПА Российской Федерации порядка осуществления внешнеэкономической деятельности в отношении товаров, информации, работ, услуг, результатов интеллектуальной деятельности (прав на них), которые могут быть использованы при создании оружия массового поражения, средств его доставки, иных видов вооружения и военной техники либо при подготовке и (или) совершении террористических актов [1].

Иными словами, под экспортным контролем (далее – ЭК) понимается комплекс мер, обеспечивающих нормативно-правовую реализацию порядка осуществления внешнеэкономической деятельности в отношении «чувствительной» продукции и технологий. При этом определение «чувствительный» делает отсыл к потенциальной возможности товаров, информации, работ, услуг, результатов интеллектуальной деятельности стать частью цикла создания оружия массового поражения/уничтожения (ОМП, ОМУ), средств его доставки, иных видов вооружения и военной техники. Номенклатура продукции, в отношении которой установлен экспортный контроль, определяется списками, утверждаемыми указами Президента РФ.

Теоретический анализ

В настоящее время действуют шесть контрольных списков (утвержденных указами Президента РФ) согласно тем областям, которые представляются стратегически важными для осуществления экспортного контроля [2]:

1) список ядерных материалов, оборудования, специальных неядерных материалов и соответствующих технологий;

2) список оборудования и материалов двойного назначения и соответствующих технологий, применяемых в ядерных целях («двойной ядерный» список);

3) список товаров и технологий двойного назначения, которые могут быть использованы при создании вооружений и военной техники;

4) список оборудования, материалов и технологий, которые могут быть использованы при создании ракетного оружия;

5) список химикатов, оборудования и технологий, которые могут быть использованы при создании химического оружия;

6) список микроорганизмов, токсинов, оборудования и технологий.

Национальные контрольные списки (за исключением, к примеру, раздела 4 Списка товаров и технологий двойного назначения, экспорт которых контролируется по соображениям национальной безопасности, и некоторых пунктов «двойного ядерного» списка, связанных с контролем долгоживущей радиоизотопной продукции) гармонизированы по своему содержанию с действующими в промышленно развитых странах контрольными списками и основываются на требованиях международных режимов экспортного контроля [3], таких как (данные о количестве участников являются актуальными на 01.03.2016) [4]:

Группа ядерных поставщиков (ГЯП) – режим, созданный в 1975 г. для выработки и согласования норм в области ядерного экспортного контроля. Инициативы и нормотворческая деятельность группы построена на статьях Договора о нераспространении ядерного оружия (ДНЯО) [5]. Членами этой группы являются 48 государств, в том числе все промышленно развитые страны и Россия как правопреемница бывшего СССР. Цель режима – предотвращение распространения ядерного оружия [2]; в настоящее время рассматривается расширение режима, в том числе за счет ядерных держав Азии, таких как Пакистан и/или Индия. Среди государств, недавно (в 2013 г.) присоединившихся к режиму, значатся Мексика и Сербия.

Режим контроля за ракетной технологией (РКРТ) – неформальное (добровольное) объединение стран, разделяющих общую цель – предотвращение распространения ракет и беспилотных летательных аппаратов, пригодных для доставки ОМУ; режим создан в 1987 г., насчитывает 34 государства, включая все промышленно развитые страны. Россия стала членом РКРТ в 1995 г.

Вассенаарские договоренности по экспортному контролю за обычными вооружениями, то-

варами и технологиями двойного назначения – новый механизм многостороннего взаимодействия, созданный в 1995 г. на замену ликвидированного Координационного комитета по экспортному контролю – КОКОМ – комитета ведущих западных стран по контролю за экспортом стратегической продукции в социалистические страны [6]. Насчитывает 41 страну-члена (государства-участники). Россия является одним из соучредителей этого режима, цели которого – укрепление региональной и международной безопасности путем предотвращения дестабилизирующих накоплений обычных вооружений.

Австралийская группа – неформальный форум государств, созданный в 1985 г. и объединяющий в настоящее время 40 стран-членов и Европейскую комиссию в качестве дополнительного самостоятельного участника, включая все промышленно развитые страны. Целью режима является выработка экспортно-контрольной позиции по предотвращению распространения химического и биологического оружия (Российская Федерация не является членом Австралийской группы, однако придерживается ее рекомендаций) [7].

Россия является участницей трех из них (не входит по ряду причин, связанных с обеспечением национальной безопасности, лишь в Австралийскую группу). Для обсуждения основных вызовов и угроз, стоящих перед системами ЭК, регулярно проводятся встречи в международном формате: *экономические рабочие группы, технические рабочие группы, консультативные группы, пленарные заседания, диалоги по расширению охвата, конференции, семинары и т.д.* Ряд обсуждений носит обязательный характер (высказывание позиций по обновлению контрольных списков ЭК, внесение изменений в Руководящие принципы режимов). Эксперты-политологи и экономисты считают, что членство в подобных неформальных режимах зачастую является ограничительной мерой для многих развивающихся экономик мира, не позволяющей им развиваться по рыночным стандартам на конкурентных началах. Это не соответствует реальности. Напротив, участие нашей страны в международных режимах нераспространения ОМУ позволяет своевременно реагировать на вызовы и угрозы, исходящие из внешнего мира: западные страны в рамках участия в данных режимах пытаются лоббировать инициативы, не всегда соответствующие национальным интересам России. Тогда посредством переговоров на специальных рабочих и консультативных группах, в ходе пленарных заседаний удается инициировать и позже имплементировать важные для нашей страны экспортно-контрольные иници-

ативы, а также отражать зачастую радикальные предложения визави. Кроме того, такое участие позволяет оставаться на пике информированности о современных разработках в «чувствительных» областях, обмениваться экспертными мнениями с коллегами по всему миру.

Экспортный контроль – это один из механизмов государственного регулирования внешнеэкономической деятельности. Таким образом, в зависимости от интеграционных объединений, форм государственного устройства и открытости страны инструментарий ЭК может существенно варьироваться. Также ЭК находится в активной зависимости от внутри- и внешнеполитической ситуации в стране/регионе.

В последние годы появилась тенденция по учащению мероприятий, связанных с обсуждением угроз, стоящих перед системой ЭК (например, инициативы Тихоокеанской северо-западной национальной лаборатории США (PNNL) [8], совместно с крупными частными компаниями и представителями экспертных сообществ по укреплению взаимодействия между правительствами и бизнесом в сфере применения наилучших практик ядерного экспортного контроля и нераспространения ОМУ.

Среди недавно возникших в ходе заседаний экспертных комиссий вопросов наиболее значимыми являются следующие:

– обзор существующих трендов в законодательстве по экспортному контролю, применение механизмов государственно-частного партнерства (ГЧП) в сфере национальной и международной безопасности;

– обсуждение лучших практик в сфере торговли стратегическими товарами: внутрифирменные (внутренние) программы соответствия (*Internal Compliance Programmes, ICP*), методики эффективного взаимодействия государства и бизнеса;

– анализ проблем и вызовов внедрения методик всеобъемлющего контроля;

– поиск возможностей улучшения межведомственного взаимодействия в сфере международной торговли товарами стратегического назначения.

Особое место в программах мероприятий занимают обсуждения в тематических группах по вопросам контроля брокерства (посреднической деятельности) и транзита и мониторинг неосязаемой передачи технологий [9].

Структура обсуждений охватывает четыре проблемных позиции:

1) сложности в определении рисков, связанных с брокерством и транзитом при осуществлении внешнеэкономической деятельности ввиду отсутствия унифицированного законодательства

(проиллюстрируем на примере передачи контролируемой продукции российскими производителями в третьи страны через территорию Украины и Прибалтики. Ввиду нарастания напряженности в Восточно-европейском регионе экспортерам приходится менять устоявшиеся маршруты поставки. Регламент Совета Европейского союза № 428/2009 от 5 мая 2009 г. регулирует транзит продукции двойного назначения в ЕС и предусматривает возможности ограничения транзита продукции двойного назначения через территорию государств-членов ЕС, наделяя их при этом широкими полномочиями в области принятия решений о порядке регулирования транзита таких товаров [10]. Принимая во внимание, что правительства прибалтийских стран, равно как и правительство Украины, поддерживают санкционные инициативы ЕС и США в отношении России, а также случаи задержания российской продукции двойного назначения, следующей через территорию Евросоюза, уполномоченные органы в сфере экспортного контроля рекомендуют участникам внешнеэкономической деятельности избирать альтернативный маршрут доставки контролируемых товаров);

2) отсутствие единого подхода к определению посреднической (брокерской) деятельности в существующем законодательстве (решение о выработке унифицированного законодательства на сегодняшний день не принято и решается самостоятельно в каждом из государств. Кроме того, отдельные вопросы рассматриваются в ходе встреч и заседаний международных режимов экспортного контроля. Так, в течение последних нескольких лет вопрос о контроле брокерства и транзита – элемент повестки дня регулярных встреч ГЯП. Последняя из достигнутых договоренностей в этой сфере в 2014 г. – принятие документа «Лучшие практики по внедрению контроля за брокерской и транзитной/перевалочной деятельностью» [6]);

3) препятствия при осуществлении внешнеэкономической деятельности с контролируемыми товарами при их транзите через территорию Европейского союза (регулирование транзита продукции двойного назначения в ЕС осуществляется на основе Регламента Совета ЕС № 428/2009 от 5 мая 2009 г. Согласно п. 7 ст. 2 данного Регламента, транзит продукции двойного назначения определяется как ввоз и перемещение такой продукции из государства, не являющегося членом ЕС, в другое государство, не являющееся членом ЕС, через таможенную территорию Евросоюза. В большинстве случаев при транзите продукции двойного назначения через территорию ЕС не требуется выдачи разрешения. Однако существуют исключения из этого правила. Так, например,

государства-члены ЕС вправе в отдельных случаях потребовать оформления разрешения на транзит продукции двойного назначения, контролируемой в рамках Евросоюза, если известно, что эта продукция будет или может быть использована полностью/частично для разработки, создания, владения, применения, поддержания в рабочем состоянии, хранения, обнаружения, идентификации или распространения ОМУ или других ядерных взрывных устройств, либо для разработки, создания, поддержания в рабочем состоянии или хранения ракетных средств доставки данного оружия (п. 2 ст. 6). Кроме того, страны, входящие в ЕС, могут самостоятельно дополнять транзитное законодательство национальными мерами по регулированию порядка транзита продукции двойного назначения из/в третьи страны через территорию Евросоюза. Государство, производящее изменения, обязано незамедлительно проинформировать Комиссию ЕС о них, а также о причинах их принятия);

4) сложности в проведении правоприменительных мероприятий (отсутствие прозрачных методик выполнения санкционных предписаний на примере ввоза в 2014 г. станков из Северной Кореи на территорию Российской Федерации и Китая, в то время как северокорейская компания, участвующая в сделках, с января 2013 г. находилась под санкциями ООН, а ее активы в любых странах формально должны быть заморожены, впрочем, как и активы лиц, действовавших от ее имени или косвенно ею контролирующиеся).

Результаты

В качестве основных рекомендаций для преодоления ряда указанных проблем отмечается, что необходимо использовать международные законодательные акты и конвенции, «мягкие законы» – правительственные предписания для представителей индустрии, прочие политически значимые документы [4]. Также обозначается необходимость международного консенсуса по внедрению механизмов контроля посреднической деятельности, подготовки общеприменимых определений в сфере брокерства (а также транзита) для формирования единых подходов и оценки критериев легальности или противозаконности брокерских действий. Наряду с этим обсуждаются вопросы определения участников брокерской деятельности (экспедиторы, агенты по закупке и страхованию, консигнаторы/реализаторы и т.д.).

Во второй группе проблем – трудности неосязаемой передачи чувствительных технологий. Рассмотрению подлежат следующие вопросы:

1) нормативные стандарты, риски и «узкие места» контроля в сфере неосязаемой передачи технологий в киберпространстве;

2) использование киберпространства для целей распространения;

3) роли неосязаемой передачи технологий и технической поддержки для академической и научной среды (на примере выступления представителя центра скорой медицинской помощи Департамента общественного здоровья Канады [11]. Правительство Канады озабочено тем, что многие патогенные микроорганизмы и химические технологии могут быть использованы по двойному назначению, в этой связи оно привлекает ученых и медиков из частных лабораторий в академическую и государственную сферу для уменьшения риска возможного распространения чувствительных двойных технологий; дополнительные сложности связаны также с глобальным доступом к источникам информации (многие ученые делятся своими наработками еще до их опубликования: в ходе совещаний, конференций, брифингов), а также с дешевизной ряда разработок, которые позволяют из простых комплекующих и легких нуклеиновых кислот создавать впоследствии опасные возбудители и болезнетворные микроорганизмы. В этой связи в 2009 г. был выпущен парламентский акт Канады «Человеческие болезнетворные микроорганизмы (патогены) и токсины» (НРТА), который рассматривается как модельное законодательство, запрещающее распространение информации и технологий, несущих риск для безопасности и здоровья человека. Этот акт включает в себя набор обязательств и ограничений на опубликование и релиз информации о чувствительных микроорганизмах, вызывающих, например, оспу; лицензирование всех лиц, совершающих любые действия (в том числе их экспорт) с подобными микроорганизмами и токсинами);

4) воздействие контроля неосязаемой передачи технологий на представителей промышленности, инициатива PNNL по созданию «нераспространенческой» третьей стороны [12, 13]: проработка стратегии учреждения независимых центров по сбору и анализу коммерческой информации о внешнеэкономических сделках. Третья сторона должна представлять собой безопасное цифровое (электронное) пространство по обмену информацией, не раскрывая при этом информации о каждой конкретной компании, являющейся ее членом. Принцип анонимности соблюдается с целью сохранения конкурентных преимуществ компании и исключения промышленного шпионажа. Роль третьей стороны заключается в компиляции в одном цифровом поле поставщиков товаров двойного назначения. Третья сторона – это межотраслевой механизм обмена подозрительной информацией о закупках. Обмен предполагается производить как между

самими компаниями, так и с государственными уполномоченными органами в сфере мировой экономики.

Применительно к указанным вопросам были выделены следующие виды противоправной деятельности, влекущие высокие риски для компаний при осуществлении внешнеэкономических сделок (ВЭС): хакерство, кибершпионаж, кибердезинформирование, киберпреступность.

Эти внешнеэкономические риски возникают в связи с недостаточной политикой безопасности в сфере неосязаемых передач, небольшой чувствительностью по отношению к всплывающим угрозам и отсутствием механизмов регулирования киберпространства. Для того чтобы противостоять угрозам, ЕС и США предлагают увеличить взаимодействие с представителями промышленности на основе государственно-частного партнерства. Необходим также информационный обмен с организациями по контролю информационного поля и Интернета (при обмене/передаче важной информации необходим процесс ее опубликования через контактное лицо – *Single Point-of-Contact (SPOC)*). Представители корпорации «United technologies» США [14] предлагают переходить от обмена подконтрольными сведениями с помощью электронной почты на сформированные безопасные электронные порталы, для доступа к которым необходима обязательная регистрация с получением логина и пароля. Это позволит добиться защиты хранящихся на портале сведений, а также некоего интерактивного обмена защищенными файлами.

Основные трудности для представителей контролирующих органов с точки зрения контроля за передачей чувствительных технологий – это непрозрачность используемых бизнес-моделей, а также многоканальность информационных передач и необходимость соблюдения частных прав на персональную информацию. На данный момент невозможно тотальное наблюдение за неосязаемой передачей технологий, но основной задачей является контроль передаваемой технологии на «предварительной стадии». Так, в 2004 г. на международной конференции по вопросам экспортного контроля ОМУ в Лондоне обсуждалась тематика передачи «ex-post» с дальнейшим переходом к проверке сервера и провайдера до момента непосредственного отправления информации («ex-ante»). Все эксперты сегодня сходятся во мнении, что контроль киберпространства должен обязательно сопровождаться механизмом получения лицензии. При этом анализ конечного пользователя и использования передаваемых технологий должен происходить даже более детально, чем при классических внешнеэкономических сделках.

Таким образом, в своем исследовании мы дали оценку актуальному состоянию системы экспортного контроля в России и мире, наметили основные точки разрыва, осветили вызовы и угрозы, стоящие перед данной системой безопасности границ. При этом сделанные теоретические выводы были подкреплены отечественными и зарубежными примерами экспортно-контрольных инициатив: анализу подвергались как государственные структуры, так и промышленные компании и корпорации. Участие в системе государственного регулирования внешнеэкономической деятельности с «чувствительными» товарами и технологиями может помочь достичь конкретных результатов, необходимых для развития теории и практики международной безопасности в мировой экономике.

Список литературы

1. Об экспортном контроле : федер. закон от 18.07.1999 № 183-ФЗ. URL: <http://base.garant.ru/12116419/> (дата обращения: 26.01.2016).
2. Федеральная служба по техническому и экспортному контролю Российской Федерации : [сайт]. URL: <http://fstec.ru> (дата обращения: 06.02.2016).
3. US Department of State : [site]. URL: <http://www.state.gov/t/isn/ecc/c27922.htm> (дата обращения: 01.03.2016)
4. Licensing and International Foreign Trade and Security Regimes // Center for International Trade and Security (University of Georgia, United States of America), workshops materials, 2014. URL: <http://cits.uga.edu/publications> (дата обращения: 08.04.2016).
5. Договор о нераспространении ядерного оружия. URL: http://www.un.org/ru/documents/decl_conv/conventions/npt.shtml (дата обращения: 12.02.2016).
6. Министерство иностранных дел Российской Федерации : [сайт]. URL: <http://www.mid.ru> (дата обращения: 15.02.2016).
7. Австралийская группа : [сайт]. URL: <http://www.australiagroup.net/ru/> (дата обращения: 15.02.2016).
8. Reports at the International Seminar on Due Diligence, Risk Assessment, and Supply Chain Management : Combatting Nuclear Proliferation, March 12 & 13, 2015, Vienna, Austria. URL: http://www.pnnl.gov/main/publications/external/technical_reports/PNNL-24288.pdf (дата обращения: 21.04.2016).
9. Pietsch G. Cooperation & Outreach Dialogue in Brussels // BAFA Newsletter. 2013. № 48. P. 1–4.
10. Устанавливающий режим для контроля за экспортом, перемещением, продажей и транзитом продукции двойного назначения на территории Сообщества : регламент № 428/2009 Совета Европейского союза. URL: <http://base.garant.ru/70198110/> (дата обращения: 26.01.2016).
11. Role of ITT and Technical Assistance in Academic Research and Scientific Publications, Public Health Agency of Canada / Mantha S. // International Export

- Control Cooperation & Outreach Dialogue EC, U.S. Department of State, BAFA : workshop materials, June 17–19, 2013. P. 5–7.
- Morris F. A., Seward A. M., Kurzrok A. J. A Nonproliferation Third Party for Dual-Use Industries : Legal Issues for Consideration // PNNL newsletter. 2012. № PNNL-21908. P. 1–3.
 - A Nonproliferation Third Party for Dual-Use Industries : Pros & Cons, PNNL international seminars, 2014, Seattle. URL: http://www.pnl.gov/main/publications/external/technical_reports/PNNL-22844.pdf (дата обращения: 17.03.2016).
 - ITT Compliance Challenges in a Global Corporation, United Technologies (USA) / Beach P. // International Export Control Cooperation & Outreach Dialogue EC, U.S. Department of State, BAFA: workshop materials. 2013. June 17–19. P. 7–12.
 - Technical and Export Control of the Russian Federation. Site). Available at: <http://fstec.ru> (accessed 6 February 2016).
 - US Department of State. Site. Available at: <http://www.state.gov/t/isn/ecc/c27922.htm> (accessed 1 March 2016).
 - Licensing and International Foreign Trade and Security Regimes. Center for International Trade and Security (University of Georgia, United States of America), workshops materials, 2014. Available at: <http://cits.uga.edu/publications> (accessed 8 April 2016).
 - Dogovor o nerasprostraneni i adernogo oruzhiia (The Treaty on the Non-Proliferation of Nuclear Weapons). Available at: http://www.un.org/ru/documents/decl_conv/conventions/npt.shtml (accessed 12 February 2016).
 - Ministerstvo inostrannykh del Rossiiskoi Federatsii (Ministry of Foreign Affairs of the Russian Federation. Site). Available at: <http://www.mid.ru> (accessed 15 February 2016).
 - Avstraliiskaia grupa (Australian group. Site). Available at: <http://www.australiagroup.net/ru/> (accessed 15 February 2016).
 - Reports at the International Seminar on Due Diligence, Risk Assessment, and Supply Chain Management: Combating Nuclear Proliferation, March 12 & 13, 2015, Vienna, Austria. Available at: http://www.pnnl.gov/main/publications/external/technical_reports/PNNL-24288.pdf (accessed 21 April 2016).
 - Pietsch G. Cooperation & Outreach Dialogue in Brussels. BAFA Newsletter, 2013, № 48, pp. 1–4.
 - Ustanavlivauschii rezhim dlia kontroliia za eksportom, peremescheniem, prodazhei i tranzitom produktsii dvojnogo naznacheniiia na territorii Soobschestva: reglament № 428/2009 Soveta Evropeiskogo Soiuzu (Establishes a regime for the control of exports, movement, sale and transit of dual-use goods within the Community. European Council Regulation № 428/2009). Available at: <http://base.garant.ru/70198110/> (accessed 26 January 2016).
 - Role of ITT and Technical Assistance in Academic Research and Scientific Publications, Public Health Agency of Canada / Mantha S. International Export Control Cooperation & Outreach Dialogue EC, U.S. Department of State, BAFA: workshop materials, 2013, June 17–19, pp. 5–7.
 - Morris F. A., Seward A. M., Kurzrok A. J. A Nonproliferation Third Party for Dual-Use Industries: Legal Issues for Consideration. PNNL newsletter, 2012, no. PNNL-21908, pp. 1–3.
 - A Nonproliferation Third Party for Dual-Use Industries: Pros & Cons, PNNL international seminars, 2014, Seattle. Available at: http://www.pnl.gov/main/publications/external/technical_reports/PNNL-22844.pdf (accessed 17 March 2016).
 - ITT Compliance Challenges in a Global Corporation, United Technologies (USA) / Beach P. International Export Control Cooperation & Outreach Dialogue EC, U.S. Department of State, BAFA: workshop materials, 2013, June 17–19, 2013, pp. 7–12.

Identification of Actual Threats for Export Control System: International and Russian Experience

M. S. Roskoshnaya

Primakov Institute of World Economy and International Relations, Russian Academy of Sciences (IMEMO RAN)
23, Profsoyuznaya str., Moscow, 117997, Russia
E-mail: roskoshnayam@gmail.com

Introduction. The article focuses on the reasons of the emergence of new threats and «break points» in the export control system both at regional and global levels. There is the characteristic of the given system in Russia, including the activities of the special authorities, as well as the summary description of the activities of the international export control regimes. **Theoretical analysis.** The author gives the positions, which were formed at the international meetings of the export control regimes, as well as at formal and informal meetings with business representatives. It is concluded the need for a more frequent interaction between export oriented public and private organizations in order to exchange the information in world economics' sphere, including circulating the best practices in this sphere. **Results.** It is analyzed and classified two groups of problems in the field of export control: brokering and transit operations, intangible transfers. We study the international and Russian experience in world economics in overcoming challenges and threats to the export control system, we also make the examples. All of this brings to the conclusions of the need to develop unified procedures in the control of brokering and transit operations, control of cyberspace through a mechanism for obtaining a license.

Key words: world economics, foreign economic activity, international trade, export controls, international safety.

References

- Ob eksportnom kontrole: federal'nyi zakon ot 18.07.1999 № 183-FZ (About export control. Federal law of 18.07.1999 № 183-FZ). Available at: <http://base.garant.ru/12116419/> (accessed 26 January 2016).
- Federal'naia sluzhba po tekhnicheskomu i eksportnomu kontroliu Rossiiskoi Federatsii (Federal Service for

УДК 347.73

ФИНАНСОВО-ПРАВОВЫЕ ОСНОВЫ ИНДИВИДУАЛЬНЫХ ИНВЕСТИЦИОННЫХ СЧЕТОВ: ОПЫТ РАЗВИТЫХ СТРАН И ПЕРСПЕКТИВЫ В РОССИИ

П. С. Троекуров

аспирант кафедры финансового, банковского и таможенного права, Саратовская государственная юридическая академия
E-mail: doktor2266@rambler.ru

Введение. Статья посвящена исследованию нового для России финансового инструмента – индивидуального инвестиционного счета (ИИС), который широко распространен в развитых странах. Активное участие населения в операциях на фондовом рынке является одним из показателей определенной его зрелости, обеспечивающих трансформацию индивидуальных сбережений в необходимые экономике инвестиции. **Теоретический анализ.** Исследуется использование ИИС в США и Великобритании. Опыт этих стран интересен для России тем, что не только их экономика получает «длинные деньги», но и многие семьи даже со средним уровнем доходов инвестируют средства в эти инструменты с целью получить доходность выше, чем по банковским вкладам. Большое значение здесь имеют налоговые льготы на определенную сумму взносов на ИИС. **Выводы.** Результатом проведенного исследования стало выявление необходимости создания в России Агентства по страхованию инвестиций в ИИС, а для учета степени риска инвестиций использовать коэффициенты. Кроме того, сделан вывод о возможности пересмотреть условия ежегодных взносов на ИИС – предоставить право переносить взносы на следующий год, а в исключительных случаях – использовать часть средств ИИС.

Ключевые слова: индивидуальные инвестиционные счета, Агентство по страхованию инвестиций, брокеры и управляющие компании.

DOI: 10.18500/1994-2540-2016-16-3-326-332

Введение

Введение в России в 2015 г. индивидуальных инвестиционных счетов (ИИС) – это действительно шаг вперед для российского фондового рынка, так как появляется инструмент для создания «длинных денег», без которых невозможны ни устойчивый рост экономики, ни стабильность на финансовом рынке.

На протяжении многих лет трансформацию сбережений граждан в инвестиции можно было осуществлять через брокеров, индивидуальное доверительное управление или паевые инвестиционные фонды. ИИС вобрала в себя не только лучшее из этих механизмов, но и обладают значительным преимуществом. Они адресованы широкому кругу россиян, как ПИФы, но являются индивидуальной, а не коллективной формой инвестиций, как и доверительное управление активами, которыми пользуются состоятельные граждане. Закрывая сделки на бирже, на ИИС можно приобретать

отдельные ценные бумаги. А самое главное достоинство ИИС – серьезные налоговые льготы, на которые пошло государство, чтобы стимулировать инвестиционную активность населения.

Риски рецессии российской экономики возрастают, мировые цены на нефть падают, девальвация рубля продолжается, западные рынки капитала закрыты, санкции продолжают действовать. Все это негативно сказывается на российском внутреннем инвесторе: институциональном и розничном. Недоинвестированность российской экономики и слабое развитие рынка внутренних инвестиций – проблемы взаимосвязанные. И решать их надо в комплексе.

Основным признаком развитого фондового рынка является большое количество на нем частных внутренних инвесторов, которые создают основу для его устойчивости и способствуют росту экономики страны. Активное участие населения в операциях на фондовом рынке является одним из показателей определенной его зрелости, обеспечивающих трансформацию индивидуальных сбережений в необходимые экономике инвестиции.

Наиболее развитые экономики в полной мере используют для получения «длинных денег» фондовый рынок. В странах с высоким уровнем жизни практически без исключений – развитый фондовый рынок, но гораздо вернее говорить о том, что в странах с развитым рынком – высокий уровень жизни. Дело в том, что правильный механизм привлечения денег, которые есть у населения, позволяет не только предоставлять эти ресурсы компаниям, но и дает значительный дополнительный доход гражданам. Однако в настоящее время в России число частных внутренних инвесторов невелико.

Когда появляется что-то новое, бывает интересно посмотреть на опыт зарубежных стран. ИИС – равноправный банковским депозитам финансовый инструмент, который широко распространен во всем мире. Впервые такие счета были внедрены в США (Individual Retirement Account – IRA) в 1974 г., позже подобные счета получили распространение в Австралии (Individual Savings Account – ISA) в 1999 г., Великобритании (Individual Saving Account – ISA) в 1999 г., Канаде (Tax-free Savings Account – TFSA) в 2009 г., Японии (Nippon Individual Savings Account – NISA) в 2014 г. и других странах (табл. 1).

Таблица 1

Зарубежные аналоги российских индивидуальных инвестиционных счетов

Страна	Вид счета, дающего право на налоговые льготы	Максимальная сумма
США	Individual Retirement Account (IRA)	5,5 тыс. долл. (6,5 тыс. долл., если вкладчик старше 50 лет)
Великобритания	Individual Saving Account (ISA)	15 240 фунтов
Канада	Tax-free Savings Accounts (TFSA)	10 тыс. долл.
Япония	Nippon Individual Savings Account (NISA)	1 млн иен (10 тыс. долл.), с 2016 г. – 1,2 млн иен

Как показывают примеры стран, в которых существуют аналоги ИИС, эти счета могут стать крупным каналом притока частных инвестиций в национальную экономику. В развитых странах такой способ инвестиций уже давно стал обыденным, и многие семьи даже со средним достатком инвестируют свои средства для того, чтобы получить доходность выше, чем по банковским вкладам.

С принятием законодательства об ИИС Россия присоединилась к тем экономически развитым государствам, в которых созданы схемы стимулирования инвестиционной активности населения. Индивидуальные пенсионные счета IRAs в США, индивидуальные сберегательные счета ISAs в Великобритании и подобные им механизмы уже много лет помогают преобразовывать сбережения граждан в долгосрочные финансовые ресурсы, поддерживающие национальные экономики. В контексте данной статьи интересен опыт США и Великобритании.

Теоретический анализ

Индивидуальные пенсионные счета (Individual Retirement Accounts – IRAs) – третий уровень (первый – государственное пенсионное обеспечение (Social Security), второй – частные пенсионные планы по месту работы) пенсионной системы США, и являются индивидуальными и добровольными. Федеральным законом США «О безопасности пенсионных доходов работников» в 1974 г. были впервые введены IRAs [1]. В сущности, это стало новым видом индивидуальных пенсионных планов, предназначенных для тех граждан, которые не принимали участия в пенсионных программах корпораций. Первоначально от налогов освобождались взносы на IRAs на сумму до 1,5 тыс. долл. в год. Счетам удалось завоевать большую популярность уже за несколько первых лет. Во многом это произошло благодаря тому, что их охотно продвигали как управляющие активами, так и брокеры (особенно отличились Fidelity и Charles Schwab). Но и государство не оставалось в стороне, адаптируя схему работы IRA под потребности граждан.

С 1981 г. открывать счета могут все желающие. Появилась возможность делать взносы не только за себя, но и за супруга. Были разработаны

дополнительные модификации: так, владельцу счета типа Roth налоговая льгота предоставляется не при внесении средств, как в стандартной схеме, а при их получении. Буквально в том же году появилась еще одна разновидность IRA – счета, которые отличались льготными условиями открытия и пополнения, а также консервативной инвестиционной стратегией. Стандартный налоговый вычет с 1974 г. значительно вырос и с 2013 г. составляет 5,5 тыс. долл. в год (6,5 тыс. долл. для граждан старше 50 лет). Максимально возможный вклад регулируется Правительством США исходя из прогнозов инфляции и экономической ситуации в стране.

На начало 2015 г. суммарные активы на IRAs превышали 7,6 трлн долл., или 31% из 24,9 трлн долл. всех пенсионных активов [2, с. 2]. В 2014 г. 41,5 млн американцев, или 33,7%, владели по крайней мере одним типом IRAs. Количество их обладателей за последние 15 лет увеличилось на 3,5 млн со средним ростом ежегодно на 0,6% в год [3, с. 1]. Большая часть IRAs приходится на владельцев средних доходов: 23% имеют доход меньше 50 тыс. долл., 38% – от 50 тыс. до 100 тыс. долл., 30% – доход от 100 тыс. до 200 тыс. долл. в год [2, с. 4].

Особенность IRAs заключается в том, что их владельцам предоставляется возможность самостоятельно принимать решения о направлениях инвестирования средств со счета. В свою очередь, администраторы IRAs (банки, небанковские финансовые холдинги, управляющие компании) должны предоставлять их владельцам все услуги, которые необходимы для принятия независимых и осознанных инвестиционных решений.

Еще одна особенность IRAs – это возможность инвестировать средства со счета в самые разные финансовые инструменты. Согласно законодательству, инвестировать можно в большую часть инструментов финансового рынка: государственные ценные бумаги (казначейские обязательства, облигации федерального правительства), корпоративные ценные бумаги (акции и облигации), обладающие высокой степенью надежности, инструменты кредитного рынка, акции взаимных фондов, биржевые взаимные фонды (ETFs), депозитные сертификаты.

Что же сделало IRAs такими успешными? Конечно, немалую роль сыграли масштабы американской сети для продаж финансовых продуктов, особенно наличие большого числа финансовых консультантов. Немаловажно и то, что с развитием технологий появилась возможность открытия счета в онлайн-режиме – шаг, который российскому рынку еще предстоит совершить. На счета IRAs можно было приобретать самые разные финансовые инструменты. Кстати, здесь проявилась синергия инвестиционных счетов с взаимными (паевыми) фондами – именно в них зачастую инвестируются средства с IRAs [4, с. 39]. Так, на конец 2014 г. из 7,3 трлн долл. взаимных фондов средства IRAs составляли 3,5 трлн долл., или 48% всех средств IRAs [5, с. 160–161].

Сегодня в США существует несколько вариантов индивидуальных пенсионных счетов. Денежные средства, внесенные на счет, облагаются налогом не в текущий год, а в момент снятия денег со счета. Либо, наоборот: денежные средства вносятся на счет после уплаты всех налогов, в итоге пенсионер не должен платить налоги в будущем. Владельцам счетов запрещается выводить денежные средства до наступления пенсионного возраста. Формально владелец ИИС может досрочно забрать свои накопления на IRAs, однако при этом он будет вынужден вернуть все налоговые льготы и заплатить в бюджет дополнительный штраф в размере 10% выводимых средств.

IRAs считаются одним из лучших примеров индивидуальных сберегательных счетов в мире. Многие страны создавали свои пенсионные планы третьего уровня по аналогии с американскими IRAs.

Для британской экономики характерен высокий уровень внутренних сбережений, поэтому государство пошло по пути стимулирования накоплений без привязки к пенсионной системе. Индивидуальные сберегательные счета ISAs (Individual Saving Accounts) британцы могут открывать с 1999 г. Основная идея – привлечь больше инвестиций в инструменты денежного рынка и ценные бумаги. ISAs представляют собой счета для частных лиц с льготным налогообложением в целях инвестиций в инструменты денежного рынка и ценные бумаги. Изначально ISAs были предназначены для стимулирования с помощью налоговых льгот небольших (7 тыс. фунтов стерлингов) инвестиций частных лиц в банковские депозиты и ценные бумаги. Средства с этих счетов можно не только инвестировать на фондовом рынке, но и размещать на депозитах в банках. От налога освобождаются взносы на ISAs, выплаты с них, а также инвестиционные доходы. Важно и то, что первоначально у ISAs был ограничен

горизонт инвестирования, но позже от временных ограничений в Великобритании отказались.

По оценкам налоговой службы, только в 2009/2010 налоговом году в результате льгот по ISAs бюджет недополучил 1,6 млрд фунтов стерлингов, в 2011/2012 г. – 2,1 млрд, в 2014/2015 г. – около 2,6 млрд фунтов стерлингов [6, с. 6], что косвенно говорит о популярности данного механизма среди мелких инвесторов. Количество ISAs в Великобритании увеличилось с 9,3 млн в 1999 г. до 13 млн счетов в 2014 г. [6, с. 9].

Владельцы ISAs получили право инвестировать с данных счетов в следующие активы: акции, облигации, акции (паи) открытых инвестиционных фондов; инвестиционные продукты компаний по страхованию жизни; депозитные счета в банках, строительных, страховых компаниях, имеющих право на осуществление банковских операций, финансовых супермаркетах, сберегательных банках.

В данный момент в Великобритании есть следующие виды индивидуальных сберегательных счетов: денежные ISAs и инвестиционные ISAs.

Денежный счет (Cash ISA) может открыть резидент Соединенного Королевства старше 16 лет. Это хороший способ для краткосрочного (обычно меньше пяти лет) накопления средств. Такие счета, как правило, предлагают более высокие процентные ставки по сравнению с банковскими счетами или счетами строительных обществ. Еще и предоставляется дополнительный бонус – не нужно платить за прибыль.

Инвестиционный счет (Investment ISA) предполагает работу на фондовом рынке. Британские инвесторы выбирают этот тип счета, если им интересны долгосрочные вложения (более 5 лет) и они готовы рискнуть ради большей прибыли.

Можно перевести денежные средства с Cash ISAs на Investment ISAs. А вот наоборот – нельзя. В течение года у одного человека может быть открыт один денежный счет и один инвестиционный счет одновременно. Размер предельного взноса на сберегательные счета ISAs меняется с каждым годом, и, конечно, есть лимит. Лимит в 2015/2016 налоговом году составляет 15 240 фунтов стерлингов на человека (табл. 2) [6, с. 8].

Таким образом, объем вложений на нецелевых счетах, не привязанных к определенной цели (сбережения на старость, на образование и т.п.), поощряемых с помощью налоговых льгот, в Великобритании носит относительно ограничительный характер. У ISAs нет ограничений в виде минимальной срочности вложений.

Стоимость накоплений на ISAs увеличилась с 374,8 млрд фунтов стерлингов в 2011 г. до 483 млрд в 2014 г. Эти вложения разделились

Таблица 2

Изменение предельного размера взносов на счета ISAs

Налоговый год (начинается 6 апреля)	Предельный размер взноса, фунтов стерлингов	Размер денежных средств, фунтов стерлингов
1999/2000 2000/2008	7000	3000
2008/2009	7200	3600
2009/2010	7200а/10 200б	3600а/5100б
2010/2011	10 200	5100
2011/2012	10 680	5340
2012/2013	11 280	5640
2013/2014	11 520	5760
2014/2015	11 880с/15 000д	5940с/15 000д
2015/2016	15 240	15 240

Примечание. а – в возрасте до 50 лет; б – в возрасте после 50 лет; с – лимит до 30 июня 2014 г.; д – после 1 июля 2014 г.

практически поровну между денежными счетами и счетами по инвестированию в ценные бумаги [6, с. 9]. В течение 2014/2015 налогового года в ISAs было инвестировано 79 млрд фунтов стерлингов, на 20 млрд больше, чем годом ранее. Такой рост вложений произошел благодаря значительному увеличению лимита в любой комбинации денежных счетов и счетов инвестирования. Средняя величина ISAs в 2014/2015 г. была 6064 фунтов стерлингов, на 40% больше, чем годом ранее, что также связано с увеличением лимита вложений [6, с. 10].

Важно подчеркнуть, что активы на счетах ISAs защищены национальной системой гарантирования на сумму до 85 тыс. фунтов. При продвижении ISAs заметную роль сыграли не только банки (Lloyd's, RBS, Halifax), но и предприятия розничной торговли – супермаркеты и обычные магазины.

ISAs играют важную роль в привлечении внутренних инвесторов на финансовый рынок, а также являются конкурентным продуктом для банковских депозитов. Опыт применения ISAs в Великобритании интересен для России.

В 2015 г. у россиян появился еще один способ не только сохранить, но и увеличить сбережения при помощи нового финансового инструмента для долгосрочных инвестиций – ИИС. Инвестируя в ИИС даже относительно небольшие денежные средства, вкладчики могут получать дополнительно к своему доходу гарантированный государством налоговый вычет в размере 13%.

С 1 января 2015 г. в Федеральный закон от 22.04.1996 № 39-ФЗ «О рынке ценных бумаг» были внесены поправки Федеральным законом от 21.12.2013 № 379-ФЗ «О внесении изменений в отдельные законодательные акты Российской Федерации», в частности, появилась статья 10.3 «Особенности осуществления профессиональной

деятельности на рынке ценных бумаг, связанные с ведением индивидуальных инвестиционных счетов» [7]. В статье дается расшифровка того, что такое ИИС, и прописываются правила его открытия.

Федеральный закон от 28.12.2013 № 420-ФЗ «О внесении изменений в статью 27.5-3 Федерального закона «О рынке ценных бумаг» и части первую и вторую Налогового кодекса Российской Федерации» [8] ввел статью 219.1 «Инвестиционные налоговые вычеты» второй части Налогового кодекса, новую редакцию статьи 226.1 второй части Налогового кодекса, а также в ст. 5–6 ФЗ № 420 был прописан порядок введения ИИС.

Максимально за год на ИИС можно внести 400 тыс. руб. – именно с этой суммы можно получить налоговый вычет. Срок открытия счета – 3 года, т.е. последующие 2 года на открытый ИИС можно ежегодно вносить еще по 400 тыс. руб., таким образом, всего на ИИС может быть перечислено 1,2 млн руб. Однако после девальвации рубля более чем в два раза необходимо увеличить максимальную сумму и для ИИС, например, в первый год – до 800 тыс. руб. Это предоставило бы возможность мелким инвесторам вкладывать средства в более дорогие инвестиционные продукты, что существенно увеличило бы инвестиционные возможности. По мере снижения ставок по депозитам через этот канал на фондовый рынок будут приходить деньги частных инвесторов.

Основная цель размещения средств на ИИС – не только получить налоговый вычет, но и заработать (получить доход). Каждый инвестор из множества инструментов может выбрать те, которые считает самыми выгодными для себя. На данный момент ограничений с точки зрения инвестирования средств ИИС нет. Перечень инструментов очень широк: государственные и муниципальные облигации для консервативной стратегии; порт-

фель из акций и облигаций федерального займа (ОФЗ), корзина паев и структурный продукт для рациональной стратегии; портфель из акций и структурный продукт для агрессивной стратегии.

С 1 января 2016 г. вступил в силу п. 9 ст. 10.2-1, который ограничивает сумму депозитов с ИИС в размере 15% суммы денежных средств [7]. Иностранные ценные бумаги можно будет приобретать лишь из числа тех, что торгуются на российских площадках, например, акции ведущих мировых компаний на Санкт-Петербургской бирже или еврооблигации на Московской [9]. Для повышения привлекательности ИИС следует на законодательном уровне разрешить приобретать валюту и драгоценные металлы на счет ИИС.

По итогам 2015 г. брокерами было открыто 87 708 ИИС, данных по управляющим компаниям пока нет. Структура инвестирования средств ИИС распределялась следующим образом: на 96% счетов есть акции, средства 3% счетов инвестированы в корпоративные облигации, средства 1% – в ОФЗ. При этом 70% из них совершали сделки с акциями, 20% – с облигациями, 9% предпочитали смешанные стратегии. В целом сегодня активно используют ИИС те лица, которые уже знают, что такое фондовый рынок. И они торгуют на таких счетах примерно с тем же набором инструментов, что и на обычном брокерском счете. Новые же клиенты, открывшие ИИС, все-таки более консервативны.

Брокеры, агитирующие за вложения в акции, говорят, что ИИС обеспечивает не дополнительную доходность, а защиту от 13%-ного снижения рынка в течение трех лет. Такая точка зрения, безусловно, имеет право на существование. Впрочем, если участники рынка и ожидают притока новых инвесторов, то понимают, что последние будут ориентированы на консервативные вложения, обеспечивающие заранее понятный результат. С акциями подобный эффект вряд ли вероятен, но он может получиться с облигациями. Долговые бумаги государства и корпоративных эмитентов могут обеспечить 7–11% годовых, облигации более рискованных эмитентов – до 18% годовых. С учетом вышеозначенного бонуса итоговая доходность может серьезно превысить ставки по банковским депозитам [10].

В условиях падения курса рубля можно инвестировать в еврооблигации российских эмитентов, номинированные в валюте. Доходность подобных бумаг с учетом текущей ситуации на рынке может быть достаточно привлекательной (до 10% годовых в валюте и даже более), что позволит не только получить дополнительный доход, но и нивелировать валютный риск. Впрочем, специфические в текущих условиях риски все равно будут присутствовать.

Выводы

Полагаем, что наиболее важным вопросом для инвесторов остается страхование вложений в ИИС. Счета ведутся обособленно. Однако от рыночных рисков никто не застрахован. Эти риски стандартные для инвестиционного процесса и описываются в договоре на ведение ИИС. Они связаны с неблагоприятными изменениями стоимости финансовых инструментов, скачками валютного курса и т.д. Необходимо создать Агентство по страхованию инвестиций в ИИС по аналогии с Агентством по страхованию вкладов. Страховую организацию следует назвать именно агентством, а не компенсационным фондом или чем-то подобным. Само слово «компенсация» в названии страховой организации подталкивает к связи инвестиций и их компенсации в случае потери. При низкой финансовой грамотности россиян это будет сдерживающим фактором при принятии инвестиционного решения.

Однако остается неясным то, за счет каких средств будет пополняться страховая фонд. Скорее всего, пополнять этот фонд будут за счет брокеров, но все же непонятным остается вопрос размера этих взносов. Исчисляться взносы могут пропорционально объему инвестиций, но принцип на основе банковских вкладов вызывал недовольство крупных банков, потому что при таком расчете не учитывалась степень риска, поэтому с 1 июля принцип расчета банковских взносов поменялся – появились коэффициенты, которые учитывают степень риска депозитной политики банков.

В развитых странах принято страховать брокерские счета. Следовательно, появляется дополнительная безопасность, которая способствует привлечению более широкого круга инвесторов. Брокеры имеют возможность свободно использовать средства клиентов в своих интересах, могут давать клиентам возможность маржинальной торговли (кредитование). У управляющих компаний, открывающих ИИС на основе договора доверительного управления, кредитного риска практически нет, так как они не могут использовать в своих интересах средства клиентов. Однако, возможно, было бы правильно всем участникам рынка ИИС участвовать в страховом фонде. Управляющим компаниям взнос необходимо будет рассчитывать, используя поправочные коэффициенты.

Полагаем, что интерес к ИИС был бы больше в случае, если бы они не ограничивали возможность вывода средств при определенных условиях. Основные срочные расходы людей – лечение, образование и недвижимость. Если была бы возможность извлекать средства с ИИС хотя бы на эти нужды, то стало бы гораздо легче объяснять

людям преимуществ ИИС. Кажется, это такой небольшой нюанс – возможность изъять когда-нибудь деньги в случае необходимости, но на самом деле в итоге она оказывается ключевым фактором при принятии решения об открытии ИИС.

Предлагаем пересмотреть условия ежегодных взносов на ИИС – предоставить право переносить взносы на следующий год. Предположим, что у владельца счета нет возможности в данном году внести средства на счет, но зато он будет иметь право в следующем году внести вдвое больше.

Сегодня ИИС важны сами по себе, просто как факт. Этот механизм должен показать, что он надежен, дает человеку возможность заработать, денежные средства для него не потеряны и т. д.

Однако было бы большой ошибкой полагать, что новые счета при всей своей очевидной привлекательности легко завоюют симпатии массового инвестора, которому они и адресованы. Нужно приложить все усилия, чтобы у россиян появилось четкое понимание преимуществ ИИС.

Потенциальный частный инвестор мыслит пока в категориях банковских депозитов, защищенных страхованием вкладов. Появление ИИС, которые могут быть комбинацией таких продуктов, как ОФЗ, корпоративные рублевые и валютные инструменты, позволяет начать оперировать с фиксированной доходностью не через банковский депозит, а на рынке ценных бумаг. По мере снижения ставок по депозитам через этот канал на фондовый рынок будут приходить деньги частных инвесторов.

В этой связи очень хочется, чтобы те российские банки и крупные брокеры, которые активно продавали структурные продукты на внебиржевом рынке, подготовили подобные инструменты для обращения на публичном рынке Московской биржи. Наверняка на них был бы спрос, в том числе и в рамках инвестирования средств ИИС.

От внедрения ИИС выигрывают без преувеличения все. У населения появляется прекрасный инструмент кроме банковских вкладов. Государство получает мощнейший инструмент для генерирования внутри России тех самых «длинных денег», без которых невозможны ни устойчивый экономический рост, ни стабильность на финансовом рынке. Сейчас это особенно важно, учитывая имеющиеся сложности с доступом российских компаний к западным инвестиционным ресурсам. Сам рынок станет более устойчивым и более независимым от внешней конъюнктуры, что позитивно отразится на стоимости акций и облигаций. У профессиональных участников рынка будет мощный стимул для расширения розничных направлений бизнеса, привлечения новых клиен-

тов, в том числе в регионах, и для наращивания активов под управлением.

К сожалению, Россия не всегда успевает за современными тенденциями в мире финансов, и даже данный тип счета страна копирует у развитых стран с огромным запозданием. Остается надеяться, что ИИС получит развитие в российских реалиях, собрав все самое лучшее из опыта развитых стран.

Список литературы

1. The Employee Retirement Income Security Act (ERISA). URL: <http://www.dol.gov> U.S. Department of Labor (дата обращения: 11.12.2015).
2. Investment Company Institute. 2015. Ten Important Facts about IRAs. URL: http://www.ici.org/pdf/ten_facts_iras.pdf (дата обращения: 14.12.2015).
3. ICI Research Perspective. January 2015. Vol. 21, N. 1A. Washington, DC 20005. URL: <http://www.ici.org> (дата обращения: 16.12.2015).
4. Кривошеева И. Индивидуальный инвестиционный счет : чем России полезен опыт зарубежных стран // Рынок ценных бумаг. 2014. № 9. С. 38–40.
5. A Review of Trends and Activities in the U.S. Investment Company Institute. 2015. 55th edition. URL: <http://www.icifactbook.org> (дата обращения: 10.12.2015).
6. Individual Savings Account (ISA) Statistics // HM Revenue and Customs. August 2015. 100 Parliament Street, London, SW1A 2BQ. URL: <http://www.statistics.gov.uk> (дата обращения: 05.12.2015).
7. О рынке ценных бумаг : федер. закон от 22.04.1996 № 39-ФЗ (ред. от 30.12.2015). Статья 10.2-1, п. 9. Доступ из справ.-правовой системы «КонсультантПлюс».
8. О внесении изменений в статью 27.5-3 Федерального закона «О рынке ценных бумаг» и части первую и вторую Налогового кодекса Российской Федерации : федер. закон от 28.12.2013 № 420-ФЗ. Доступ из справ.-правовой системы «КонсультантПлюс».
9. Яковлева М. Льготные инвестиции. URL: <http://www.kommersant.ru/doc/2730749> (дата обращения: 12.11.2015).
10. Инвестиционный бонус. URL: <http://www.nashidengi.ru/> (дата обращения: 12.12.2015).

Financial and Legal Basics of Individual Investment Accounts: the Experience of Developed Countries and Prospects in Russia

P. S. Troekurov

Saratov State Law Academy,
1, Volskaya str., Saratov, 410056, Russia
E-mail: doktor2266@rambler.ru

Introduction. The article is devoted to new Russian financial instrument – individual investment accounts (IIAs), which is widespread in developed countries. Active participation in operations on the stock market is an indicator of its maturity, providing the transformation of

individual savings into an economy needs investment. **Theoretical analysis.** The explores the use of IIAs in the US and the UK. The experience of these countries for Russia not only because the economy receives a «long money», but many families invest in these tools in order to obtain a higher return than on Bank deposits. Important tax benefits for a certain amount of fees at IIAs. **Conclusions.** The result of this study was to identify the need to create in the Russian Agency on insurance of investments in IIAs, and to consider the extent of investment risk factors must be used. The conclusion about the possibility to renegotiate the terms of the annual contributions of IIAs is to provide the right to transfer fees for next year, and in exceptional cases – to use part of the IIAs.

Key words: individual investment account, insurance Agency investment, brokers and managing companies.

References

1. *The Employee Retirement Income Security Act (ERISA)*. Available at: <http://www.dol.gov> U.S. Department of Labor (accessed 11 December 2015).
2. *Investment Company Institute. 2015. Ten Important Facts About IRAs*. Available at: http://www.ici.org/pdf/ten_facts_iras.pdf (accessed 14 December 2015).
3. *ICI Research Perspective. January 2015. Vol. 21, № 1A*. Washington, DC 20005. P. 1. Available at: <http://www.ici.org> (accessed 16 December 2015).
4. Krivosheeva I. Individual'nyi investitsionnyi schet: chem Rossii polezen opyt zarubezhnykh stran [Individual savings account: the Russian useful experience of foreign countries]. *Rynok tsennykh bumag* [Securities market], 2014, no. 9, pp. 38–40.
5. *A Review of Trends and Activities in the U.S. Investment Company Institute. 2015*. 55th edition. Available at: <http://www.icifactbook.org> (accessed 10 December 2015).
6. *Individual Savings Account (ISA) Statistics. HM Revenue and Customs. August 2015. 100 Parliament Street, London, SW1A 2BQ*. Available at: <http://www.statistics.gov.uk> (accessed 5 December 2015).
7. O rynke tsennykh bumag: federal'nyi zakon ot 22.04.1996 № 39-FZ (red. ot 30.12.2015). Stat'ia 10.2-1 (On the Securities Market. Federal law of 22.04.1996 № 39-FZ (an edition of 12.30.2015). Article 10.2-1. P. 9). *ATP «Consultant»* [electronic resource].
8. O vnesenii izmeneniy v stat'iu 27.5-3 Federal'nogo zakona «O rynke tsennykh bumag» i chasti pervuiu i vtoruiu Nalogovogo kodeksa Rossiiskoi Federatsii : federal'nyi zakon ot 28.12.2013 № 420-FZ (About modification of article 27.5-3 of the Federal law «About the Security Market» and part the first and second Tax code of the Russian Federation. Federal law of 28.12.2013 № 420-FZ). *ATP «Consultant»* [electronic resource].
9. Yakovleva M. *L'gotnye investitsii* (Preferential investment). Available at: URL: <http://www.kommersant.ru/doc/2730749> (accessed 12 November 2015).
10. *Investitsionnyi bonus* (Investment bonus). Available at: <http://www.nashidengi.ru/> (accessed 12 December 2015).

УДК 336.012.23

ПРИНЦИПЫ НИВЕЛИРОВАНИЯ НЕГАТИВНЫХ ПОСЛЕДСТВИЙ ВЛИЯНИЯ РИСКОВ НА ЭФФЕКТИВНОСТЬ ПРОЕКТОВ КОРПОРАТИВНЫХ СЛИЯНИЙ И ПОГЛОЩЕНИЙ

Е. А. Чувелева

кандидат технических наук, доцент кафедры горнопромышленной экологии и безопасности жизнедеятельности, Сибирский государственный индустриальный университет, Новокузнецк
E-mail: ChuvelevaEA@yandex.ru

Введение. Управление рисками слияний и поглощений возможно через воздействие на порождающую их систему. Это обусловило необходимость исследования свойств пространства корпоративной интеграции как сложной открытой системы для формирования понимания природы данных рисков, выбора эффективного инструмента управления ими с целью стимулирования эффективности стратегической корпоративной интеграции. Сформулированная цель достижима за счет научно-обоснованного выбора инструмента нивелирования негативных последствий влияния на проекты слияний и поглощений различных рисков. Для этого на основе исследования системных свойств пространства корпоративной интеграции, порождающих его рискогенность, сформирована система принципов управления рисками слияний/поглощений. **Методы.** Принципы формировались на основе применения метода проектирования систем (системный подход), ориентирован-

ного на решение связанных с системами проблем с учетом их взаимосвязи и общности целей с большими (супер) системами, в которые они входят. **Результаты.** На основе применения данного метода сформирована система принципов эффективного нивелирования негативного влияния рисков в условиях встроенности сложной системы пространства корпоративной интеграции в большую (супер) систему. **Выводы.** Содержательное описание сформулированных принципов с учетом системной сущности окружения соответствующих проектов подтверждает соответствие им инструмента страхования. Страхование признано инструментом, позволяющим обеспечить минимизацию негативного влияния рисков реализации проектов слияний и поглощений на их результат и одновременно предотвратить возможное ухудшение состояния связанных с данными проектами социальных, экономических и политических систем.

Ключевые слова: слияния и поглощения, пространство корпоративной интеграции, сложная открытая система, риски, свойства, принципы, страхование.

DOI: 10.18500/1994-2540-2016-16-3-332-337

Введение

По своей сути корпоративные слияния/поглощения представляют собой форму прямого инвестирования. Следовательно, риски, угрожающие достижению эффективности соответствующих проектов, можно квалифицировать как инвестиционные. Э. К. Тхакушинов обращает внимание на сложность инвестиционного риска как объекта управления, связанную с существованием единственной возможности управлять им через воздействие на экономическую систему, порождающую данный риск [1].

В настоящем исследовании рассматривается проблема роста рискогенности пространства корпоративной интеграции, обусловленная недостаточной эффективностью или отсутствием эффективного инструментария нивелирования негативных последствий влияния на корпоративные стратегические слияния и поглощения различных рисков. По мнению автора, цель стимулирования эффективности корпоративной интеграции достижима за счет решения задачи научно-обоснованного выбора инструмента нивелирования негативных последствий влияния на данные проекты различных рисков. Задел для ее решения сформирован в процессе исследования свойств пространства корпоративной интеграции как системы, включая изучение природы его рискогенности.

Методы

Доказанная автором адекватность признания пространства корпоративной интеграции сложной открытой системой, влияющей и зависимой от состояний социальных, экономических и политических территориальных подсистем в метасистеме [2], оправдывает применение для решения связанных с системами проблем известного в теории сложных систем метода проектирования систем [3, с. 17]. Данный метод основан на реализации системного подхода, ориентированного на решение связанных с системами проблем с учетом их взаимосвязи с большими (супер) системами, в которые входит рассматриваемая система (здесь – пространство корпоративной интеграции) и с которыми она связана общностью целей. В настоящем исследовании целью, способствующей достижению эффективности стратегических слияний и поглощений в пространстве корпоративной интеграции (проблемная сложная открытая система), является нивелирование негативного влияния на соответствующие проекты различных рисков, включая воспроизводимые риски внешней среды, формирующие рискогенную для корпоративной интеграции внешнюю среду (социальная, экономическая и политическая среда). Рискоген-

ность внешней для корпоративных слияний и поглощений среды проявляется в воспроизводстве соответствующих рисков. В результате ухудшается социальная, политическая и экономическая обстановка в местах дислоцирования их корпоративных участников. Следовательно, проблема метасистемы, формируемая необходимостью предотвращения дестабилизации национальной экономической, социальной и политической обстановки, решается в том числе и посредством нивелирования негативного влияния рисков на проекты слияний и поглощений. Нивелирование негативных для корпоративных участников проектов слияний/поглощений последствий влияния различных рисков является общей целью для упомянутых территориальных подсистем метасистемы и для пространств реализации проектов как подсистем в сложной открытой системе пространства корпоративной интеграции. Это свидетельствует о безальтернативности применения для выбора соответствующего инструмента вышеупомянутого метода проектирования систем. В настоящей работе данный метод реализован в порядке формирования принципов нивелирования негативных последствий влияния рисков на основе учета структуры и системных свойств пространства корпоративной интеграции как сложной открытой системы, встроенной в метасистему.

Результаты

Долгосрочная оптимизация состояния большой системы в целом через управление состоянием проблемной системы, предусмотренная системным подходом [3, с. 18], подтверждает, что нивелирование негативных последствий влияния на эффективность проектов слияний/поглощений различных рисков должно осуществляться в соответствии со следующими сформулированными в настоящей работе принципами.

Очевидное о многогранности влияния на перспективы достижения эффективности проектов слияний/поглощений характеристик их внешнего окружения и о воспроизводственной природе слияний и поглощений порождает безальтернативность реализации системного подхода (*принцип системности*) к проблеме нивелирования негативного влияния рисков в порядке выбора (или создания) соответствующего инструмента. Последний при оценке рискогенности пространства реализации проекта, на основе принципов теории систем, должен учитывать влияние явлений и процессов внешнего его окружения (факторы рисков внешней среды), а также собственно в пространстве реализации проекта (внутренние факторы рисков планирования, оценки и интеграции). Принцип системности

следует из специфики решения задачи нивелирования негативного влияния рисков, определяемой свойством *вращенности в надсистему и многоуровневости* пространства корпоративной интеграции как системы [2].

Из специфики пространства корпоративной интеграции как сложной открытой системы, определяемой его *непрерывностью и энергетическим обменом с окружающей средой* [2], следует вывод *принципа независимости*. Нивелирование возможных отрицательных последствий негативного влияния рисков проектов слияний/поглощений на результативность их реализации должно осуществляться условно внешним по отношению к проблемной системе субъектом, способным и заинтересованным в независимом их выявлении и оценке для минимизации их негативного воздействия на окружающую среду. Независимость в выработке решения об объеме компенсации утрат от негативного влияния рисков и незаинтересованность такого субъекта является, по мнению автора, фактором, способным подвигать участников проектов к усилению своего участия в решении проблемы негативного воздействия рисков на результат корпоративной интеграции и тем самым способствовать решению задач гармоничного функционирования территориальных подсистем метасистемы через достижение корпоративных целей. Актуальность независимого участия внешнего по отношению к проекту слияния/поглощения субъекта на всех стадиях его реализации доказано в теории сложных систем [3, с. 113].

Принцип необходимого разнообразия. У. Р. Эшби ввел закон необходимого разнообразия, согласно которому разнообразие управляющей системы должно быть не меньше разнообразия управляемого объекта. Это означает, что для управления сложной системой управляющая система должна иметь значительное собственное разнообразие. Другими словами, управляющая система должна иметь возможность учитывать специфику конкретных проектов слияний/поглощений. Принцип Эшби дает теоретическое обоснование иерархической структуры управления экономическими системами [4], это свидетельствует о том, что субъект управления рисками проектов слияния/поглощений должен формироваться с учетом особенностей иерархической организации территориальных подсистем метасистемы.

Выбор *принципа взаимосвязи и развития* объясняется следующим. Ранее доказанные влияние рисков реализации проектов слияний/поглощений на ухудшение состояния сросщенных с ними подсистем, рискогенность воспроизводственной природы корпоративных слияний и поглощений,

порождающей ухудшение социального и политического окружения других субъектов корпоративной экономики, продуцируют понимание, что способствующий нивелированию негативного влияния рисков субъект должен через влияние на рассматриваемый объект (проект) влиять на состояние окружающей (для различных корпоративных участников иных проектов) среды с целью предотвращения ухудшения или минимизации ухудшения (предотвращения роста рискогенности будущих проектов).

Из обоснованной автором значимости для развития национальной экономики эффективной корпоративной интеграции [5] следует, что внешний по отношению к проектам слияний/поглощений субъект должен иметь возможность эффективно взаимодействовать с государством, заинтересованным в стимулировании развития национальной экономики. Следовательно, уместен выбор инструмента нивелирования негативного влияния рисков исходя из *принципа всестороннего воздействия*, опосредованного спецификой пространства корпоративной интеграции, обладающей свойствами *непрерывности и энергетического обмена с окружающей средой*, а также *многоцелевым характером его назначения*.

Встроенность упомянутого независимого субъекта в метасистему (зависимость от ее состояния) должна обеспечивать его заинтересованность в стабилизации и (или) улучшении состояния метасистемы для минимизации рисков собственного существования (*связано со свойством непрерывности и энергетического обмена с окружающей средой*). Зависимость от внешней среды независимого от участников проекта субъекта, способного минимизировать негативное влияние рисков проектов на их результаты, обеспечит его способность влиять через управление состоянием проблемной системы на состояние связанных с ней территориальных подсистем метасистемы, а также стимулирует всестороннее рассмотрение проектов и максимально возможный учет воздействующих на него факторов. Изложенное соответствует принципам применения системного подхода, обеспечивающим его плодотворность [3, с. 20].

Выбор искомого инструмента, исходя из *принципа аналогии (алгоритмичности)*, определяется следующим. Сложность проектов слияний/поглощений, а также уникальность каждого из них (*свойство уникальности*) порождает проблему адекватного исследования влияющих на каждый из них рисков. Неповторимость, уникальность каждого проекта слияния/поглощения, являющаяся результатом многофакторного процесса объединения специфических компаний, с одной стороны, свидетельствует о необходимости инди-

видуального подхода к любому из них, разработка которого может выходить за рамки компетенций самого подготовленного корпоративного менеджера (*свойство модульности*). С другой стороны, это говорит о необходимости накопления знаний о проектах слияний/поглощений, позволяющих повышать качество исследования влияющих на них рисков и последствий их влияния на результаты корпоративной интеграции, уточнять объем необходимого и достаточного вмешательства в решение задачи нивелирования их негативного влияния. Субъект управления рисками должен иметь возможность использовать весь арсенал знаний, накопленный теорией подобия систем, и сформировать для своей работы некую последовательность алгоритмичных предписаний, формальное, не требующее изобретательности, исполнение которых будет позволять ему за конечное время получать варианты решений рассматриваемой задачи. Это согласуется с утверждением о том, что «сложный» подход основывается на эмпирических наблюдениях, результаты которых составляют основу построения теории, являющейся, в свою очередь, базисом для разработки управленческих решений [6].

Предлагаемый в настоящей работе *принцип достаточности и полноты* дополняет и развивает принцип аналогии. Ввиду практической невозможности анализа всего спектра информации, характеризующей состояние и тенденции развития связанных с пространством реализации проекта подсистем, независимый субъект должен иметь способность накапливать достаточную для оценки рисков слияний/поглощений и управления ими информацию и использовать ее для принятия решений по необходимому и достаточному объему, вероятно, потребующегося вмешательства в нивелирование негативного влияния рисков на результаты реализации проекта. Это возможно в порядке системного анализа, основанного, например, на моделировании пространства реализации проекта как сложной подсистемы.

Актуальность применения для выбора искомого инструмента *принципа вариабельности* подтверждается следующими аргументами. Ввиду отсутствия двух абсолютно идентичных проектов слияний/поглощений (*свойство уникальности*), по мнению автора, возможно сформировать перечень видов их рисков лишь в укрупненной форме. Влияние специфичного изменяющегося во времени внешнего окружения каждого из проектов и уникальность их корпоративных участников порождают необходимость исследования специфики проявления рисков из типового их перечня. То есть реализация адекватного подхода к нивелированию потенциальных негативных последствий

проявлений рисков возможна на основе анализа специфики данных проявлений в приложении к каждому конкретному проекту с игнорированием абсолютной алгоритмичности.

С изложенным связан *принцип постоянства*. Его применение определяется следующим. Из воспроизводственной природы рисков, которая характерна для пространства корпоративной интеграции [7], следует, что деятельность субъекта, способного и заинтересованного в нивелировании негативного влияния рисков на результативность корпоративной интеграции, должна иметь постоянный характер. У субъекта должна быть возможность накапливать знания о проектах и характере влияния на них различных рисков и результативно применять их на практике.

Применение принципа *обоснованности и достоверности* аргументируется следующим. В России к настоящему времени практически не осталось крупных привлекательных активов, которые можно приобрести по цене, значительно ниже рыночной. В этой связи реализация каждого нового проекта слияния/поглощения предполагает использование все большего объема ресурсов, что определяет необходимость повышения качества планирования и обоснования сделок, а также комплексности подхода к управлению сопровождающими их рисками. Признание данного принципа применимым и актуальным подтверждается сформулированным аргументом в пользу рассмотрения пространства корпоративной интеграции в качестве сложной открытой системы, характеризующейся преобразовательными процессами в форме изменения (проектирования) состава и характеристик элементов участников проектов (*свойство инерционности*). Другим словами, решения по нивелированию негативных последствий влияния рисков на результаты реализации проектов слияний/поглощений должны вырабатываться с учетом оценки качества проектных решений (полноты использования возможностей достижения синергетического эффекта интеграции).

Выводы

Результаты исследований свидетельствуют о том, что многие из негативно влияющих на проекты слияний и поглощений рисков относятся к неуправляемым или трудноуправляемым силами корпоративного риск-менеджмента [7]. В связи с этим, а также с изложенным в настоящей работе нивелированию негативного влияния рисков на результат корпоративной интеграции может способствовать страхование как инструмент, в полной мере соответствующий сформулированным принципам. Подтверждением являются упоминания в прессе о страховании корпоративных рисков

как о механизме повышения качества корпоративного управления в процессе реализации той или иной стратегии развития, включая слияния и поглощения [8].

Страхование – не только финансово-организационный механизм, но и эффективный инструмент модернизации экономических отношений в корпоративной сфере для возмещения возможных убытков корпоративных участников интеграционных процессов, повышения уверенности в достижении целей интеграции с акцентом на проектирование выгод, не связанных с совершением спекулятивных операций, выводом капитала и разрушением присоединенного бизнеса. Это также инструмент, использование которого для минимизации негативного влияния рисков реализации проектов слияний и поглощений на их результат одновременно позволяет предотвратить возможное ухудшение состояния связанных с данными проектами (формирующих их окружение, влияющих и зависимых от проектных результатов) социальных, экономических и политических систем метасистемы.

К сожалению, в настоящее время ввиду неразвитости страхового рынка в России отсутствует опыт применения инструмента страхования для нивелирования негативного влияния на результат слияний и поглощений различных рисков. Зарубежная практика страхования рисков слияний и поглощений не раскрывается соответствующими страховщиками. Это затрудняет использование зарубежного опыта в российских интересах и ставит перед нами задачу новой разработки теории и практики их страхования. Системная сущность проблемы и содержательное описание сформулированных принципов требует разработки не только страхового продукта. Требуется исследование перспектив создания (развития) национальной страховой инфраструктуры, однако оно наталкивается на специфические для страхового сегмента финансовой системы России проблемы. Таким образом, задача разработки теории и практических рекомендаций по созданию в России системы страхования рисков стратегических слияний и поглощений и разработка соответствующего страхового продукта признаются обоснованными.

Список литературы

1. *Тхакушинов Э. К.* Системное управление инвестиционными рисками в регионе : теория, методология и инструментарий : автореф. дис. ... д-ра экон. наук. Белгород, 2007. URL: http://delist.ru/article/10092007_tkakyshinovek/page1.html (дата обращения: 27.05.2015).
2. *Чувелева Е. А.* Структура и свойства пространства корпоративной интеграции как сложной открытой системы // Новые парадигмы общественного развития : экономические, социальные, философские, политические, правовые, общенаучные тенденции и закономерности : материалы междунар. науч.-практ. конф. (28 декабря 2015 г.) : в 4 ч. Ч. 3. / отв. ред. Н. Н. Понарина, С. С. Чернов. Саратов : Академия управления, 2016. С. 131–137.
3. *Романов В. Н.* Техника анализа сложных систем. СПб. : СЗТУ. 2001. 287 с.
4. *Толкачев С.* Неоклассическая экономическая теория и управление сложными системами. URL: <http://kapital-rus.ru/articles/article/219144> (дата обращения: 06.06.2015).
5. *Чувелева Е. А.* Интеграционные процессы как фактор реализации политики новой индустриализации в России // Современный мир и Россия : время перемен и новой модели развития / авт.-сост. Г. П. Журавлева. М. : МИЭП, 2014. С. 77–90.
6. *Коландер Д.* Революционное значение теории сложности и будущее экономической науки. URL: <http://institutiones.com/general/1164-znachenie-teorii.html> (дата обращения: 06.06.2015).
7. *Затеякин О. А., Чувелева Е. А.* Рискогенный характер природы корпоративных слияний и поглощений // Вестн. Том. гос. ун-та. Экономика. 2015. № 4. С. 17–40.
8. *Риски в системе корпоративного управления.* URL: <http://www.msfofm.ru/library/198-risks-in-the-corporate-management-system> (дата обращения: 26.03.2015).

Principles of Levelling of Negative Consequences of Influence of Risks on Efficiency of Projects of Corporate Merges and Absorption

E. A. Chuveleva

Siberian State Industrial University,
42, Kirov str., Novokuznetsk, 654007, Russia
E-mail: ChuvelevaEA@yandex.ru

Introduction. Risk management of merges and absorption possibly through impact on the system generating them. It caused need of re-search of properties of space of corporate integration as a complicated open system for formation of understanding about the nature of these risks, a choice of the effective instrument of management of them for the purpose of stimulation of efficiency of strategic corporate integration. The formulated purpose is achievable at the expense of a scientifically based choice of the instrument of leveling of negative consequences of influence on projects of merges and absorption of various risks. For this purpose, on the basis of research of the system properties of space of corporate integration generating its riskogennost the system of the principles of risk management of merges/absorption is created.

Methods. The principles were formed on the basis of application of a method of the design of systems (system approach) focused on the solution of the problems connected with systems taking into account their interrelation and a solidarity of purpose with big (super) systems which they enter. **Results.** On the basis of application of this method the system of the principles of effective leveling of negative influence

of risks in the conditions of occurrence of complicated system of space of corporate integration into big (super) system is created. **Conclusions.** The substantial description of the formulated principles taking into account system essence of an environment of the corresponding projects confirms about compliance with it the instrument of insurance. Insurance is recognized as the tool allowing to provide minimization of negative influence of risks of implementation of projects of merges and absorption on their result and at the same time to prevent possible deterioration of a condition of the social, economic and political systems connected with these projects.

Key words: merges and absorption, space of corporate integration, difficult open system, risks, properties, principles, insurance

References

1. Tkhakushinov E. K. *Sistemnoe upravlenie investitsionnymi riskami v regione: teoriia, metodologiya i instrumentarii* (System management of investment risks in the region: the theory, methodology and tools. Dr. econ. sci. thesis diss.). Belgorod, 2007. Available at: http://delist.ru/article/10092007_txakyshinov/page1.html (accessed 27 May 2015).
2. Chuveleva E. A. *Struktura i svoistva prostranstva korporativnoi integratsii kak slozhnoi otkrytoi sistemy* [Structure and properties of corporate integration space as difficult open system]. *Novye paradigmy obschestvennogo razvitiia: ekonomicheskie, sotcial'nye, filosofskie, politicheskie, pravovye, obschenauchnye tendentsii i zakonomernosti* [New paradigms of social development: economic, social, philosophical, political, legal, general scientific tendencies and regularities. Materials of the international scientific and practical conference (on December 28, 2015). In 4 pt. Pt. 3. Ans. ed. N. N. Ponarina, S. S. Chernov]. Saratov, Academy of Management Publ., 2016, pp. 131–137.
3. Romanov V. N. *Tehnika analiza slozhnykh sistem* [Techniques novels of the analysis of difficult systems]. St. Petersburg, North-West Open Technical University Publ., 2001. 287 p.
4. Tolkachyov S. *Neoklassicheskaia ekonomicheskaia teoriia i upravlenie slozhnymi sistemami* (Neoclassical economic theory and management of a complicated systems). Available at: <http://kapital-rus.ru/articles/article/219144> (accessed 6 June 2015).
5. Chuveleva E. A. *Integratsionnye protsessy kak faktor realizatsii politiki novoi industrializatsii v Rossii* [Integration processes as a factor of realization of policy of new industrialization in Russia]. *Sovremennyi mir i Rossiia: vremia peremen i novij modeli razvitiia* [The Modern world and Russia: time of changes and new model of development. Author-originator G. P. Zhuravleva]. Moscow, International Institute of a Economics and Law Publ., 2014, pp. 77–90.
6. Kolander D. *Revoliutsionnoe znachenie teorii slozhnosti i buduschee ekonomicheskoi nauki* (Revolutionary value of the theory of complexity and future of economic science). Available at: <http://institutiones.com/general/1164-znachenie-teorii.html> (accessed 6 June 2015).
7. Zatepyakin O. A., Chuveleva E. A. *Riskogennyi kharakter prirody korporativnykh sliianii i pogloschenii* [Risk-taking character of the nature of corporate merges and absorption]. *Vestnik Tomskogo gosudarstvennogo universiteta* [Tomsk State University Journal], Economy, 2015, no. 4, pp. 17–40.
8. *Riski v sisteme korporativnogo upravleniia* (Risks in a corporate management system). Available at: <http://www.msfofm.ru/library/198-risks-in-the-corporate-management-system> (accessed 26 March 2015).

ПРАВО

УДК 340

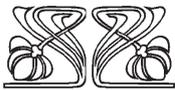
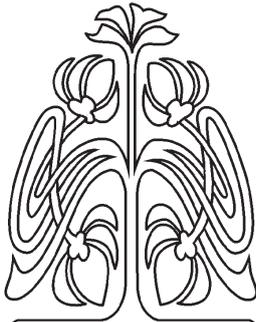
НОРМАТИВНЫЕ ОСНОВАНИЯ ЛЕГАЛИЗАЦИИ НЕЮРИСДИКЦИОННОГО ПРОЦЕССА

А. Б. Лисюткин

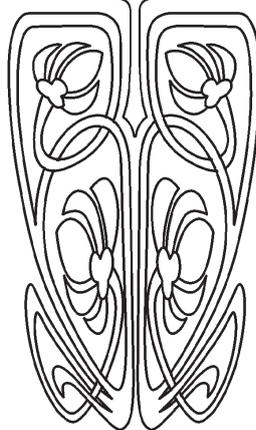
доктор юридических наук, профессор, профессор кафедры теории государства и права, Саратовская государственная юридическая академия
E-mail: al.lisyutkin2010@yandex.ru

Е. Ю. Архипова

аспирант кафедры теории государства и права, Саратовская государственная юридическая академия
E-mail: kotya777.77@mail.ru

НАУЧНЫЙ
ОТДЕЛ

Введение. Глобализация и регионализации социально-экономических связей повлекла за собой противоречивые изменения в правовой системе Российской Федерации, которые зачастую получают неоднозначную оценку в рамках теоретических разработок и юридической практики. Ввиду этого происходит внедрение в юридическую практику нетрадиционных для отечественного правоведения теоретико-эмпирических конструкций, одной из которых выступает неюрисдикционный процесс. **Теоретический анализ.** Разработка концепции нормативных оснований неюрисдикционного процесса открывает перспективы по выявлению зависимостей между нормами действующего законодательства и практикой его использования в правовой системе Российской Федерации, а также создает предпосылки для материализации неюрисдикционного процесса в границах реализации права. Такой алгоритм действий допустим ввиду отсутствия непосредственного закрепления данного феномена в законодательстве. Поэтому пределами легализации неюрисдикционного процесса могут выступать права и законные интересы, что активно используется в международном и внутригосударственном публичном и частном праве. Следовательно, объектом анализа выступают различные по своей природе нормативные правовые основания, которые стимулируют применение неюрисдикционного процесса. **Заключение.** Проведенный анализ свидетельствует, что отечественное законодательство содержит положения, допускающие и предусматривающие легализацию неюрисдикционного процесса в правовой системе Российской Федерации. По своей сути оно играет роль нормативных оснований внедрения неюрисдикционного процесса в юридическую практику. Правовые предписания позволяют рассматривать неюрисдикционный процесс в качестве одного из компонентов механизма обеспечения прав и свобод человека и гражданина и законных интересов. В этом смысле проблема неюрисдикционного процесса является междисциплинарной.

Ключевые слова: юридический процесс, юрисдикционный процесс, неюрисдикционный процесс, юридически значимая деятельность, законный интерес, права и свободы человека и гражданина, субъекты права, саморегуляция, самоорганизация, модель, поведение, воля.

DOI: 10.18500/1994-2540-2016-16-3-338-346

Введение

В правовой системе страны имеют место неоднозначные изменения, которые получают противоречивую оценку в научной и профессиональной среде. Такая динамика в политико-юридической надстройке обусловлена глобализацией и регионализацией социально-экономических связей. Эти процессы стимулируют разнонаправленное развитие правовой системы и ее структурных

элементов. Отмеченное качественное состояние приводит к кардинальной трансформации традиционных форм движения правовой материи. Неслучайно в отечественной юриспруденции наблюдается возрождение отдельных компонентов советского образа жизни или внедрение в юридическую практику нетрадиционных для отечественного правоведения теоретико-эмпирических конструкций. Одним из таких феноменов является неюрисдикционный процесс. Данная статья является продолжением серии статей, охватывающих проблематику неюрисдикционного процесса, имеющую в теории государства и права дискуссионный характер [1–3].

Настороженное восприятие указанной темы обусловлено, с одной стороны, изменением процессуальных форм различной степени сложности и природы, а с другой, запросами реальной действительности. В этом смысле неюрисдикционный процесс стал востребованным инструментом обеспечения законных интересов различных участников социально-экономических отношений, причем в большой мере между субъектами международных финансово-хозяйственных связей. Дело в том, что с помощью неюрисдикционного процесса достигается быстрота и эффективность решения конкретных задач, стоящих перед субъектами права, юридических казусов и иных неурегулированных правом вопросов. Неюрисдикционный процесс предоставляет широкие возможности для преодоления бюрократических процедур, сохранения высокого уровня конфиденциальности. Приведенные свойства делают его наиболее привлекательным способом защиты законных интересов.

Бесспорно, использование неюрисдикционного процесса вызвано и обусловлено соответствующими мировоззренческими и материальными источниками. Они определяются природой глобализации и регионализации социально-экономической действительности. В частности, произошло переформатирование содержания субъектного состава социально-экономических отношений на международной арене и на внутригосударственном уровне. Появились участники, которые по своему потенциалу превосходят функциональные возможности не только отдельного государства, но и их объединений. Именно такие субъекты и стали задавать «правила взаимоотношений, формы и процедуры согласования интересов», а институты власти в каждой стране всего лишь занимаются соответствующим юридическим закреплением рекомендуемых ценностно-нормативных установок.

Поэтому необходимым мировоззренческим условием внедрения неюрисдикционного про-

цесса в механизм согласования и обеспечения законных интересов стала рационализация. Она охватывает все стороны организации и жизнедеятельности современного общества. Рационализация социально-экономических связей предполагает фундаментальное переосмысление базовых положений дальнейшего развития правовой системы Российской Федерации. Причем рационализация не ограничивается методологическими аспектами эволюции правовой системы страны и места в ней неюрисдикционных процессуальных форм. Указанное мировоззренческое направление оказывает воздействие и на структуру содержания юридической практики.

Приведенное утверждение имеет достаточно простое объяснение. В настоящее время отмечается трансформация стандартов фиксации качественного состава субъектов права. Их положение в системе социально-экономических отношений определяется не только и не столько субъективными правами (правомочиями) и юридическими обязанностями, сколько фактическими функциональными возможностями. Именно данная тенденция в правовой системе задает параметры субъектной самоидентификации в правовых отношениях и за их пределами, их встроенность в иерархическую зависимость сетевых структур. Классический пример – это транснациональные корпорации.

Приведенное суждение вытекает из самой природы рационализации. Она допускает использование наиболее прагматических и малозатратных приемов в достижении субъектами права поставленных целей. Такой эффект достигается за счет универсализации и упрощения процедур. Рациональность исключает полностью или сокращает до минимума применение консервативных бюрократических юридических форм поведения субъектов права. Неюрисдикционный процесс отвечает приведенным требованиям, поскольку создает преимущества перед традиционными юридическими процессуальными формами, например, судебной защитой, рассмотрением споров хозяйственных субъектов в судебном порядке и т.п.

Однако следует заметить, что реализация законных интересов субъектами права посредством неюрисдикционного процесса существенно увеличивает степень рисков. Следовательно, участники этого вида юридически значимой деятельности должны не только осознавать, но и предвидеть возможность наступления негативных последствий как для непосредственных участников неюрисдикционного процесса, так и для третьих лиц, общества, государства. В частности, возрастает вероятность для частичного

или полного отказа субъектов права от взятых на себя обязательств. Существуют и иные виды рисков для договаривающихся сторон, например, отказ суда в признании юридическим фактом результата, полученного в ходе неюрисдикционного процесса.

В этой связи теоретико-эмпирическое осмысление нормативных оснований легализации неюрисдикционного процесса в правовой системе Российской Федерации приобретает решающее значение для формулирования сути рассматриваемого феномена. Анализ юридических норм направлен на установление не только природы, но и пределов внедрения неюрисдикционного процесса в качестве метода обеспечения законных интересов. В этой связи следует отметить, что в отдельных нормативных правовых актах содержатся веления, которые могут быть квалифицированы в качестве косвенных юридических условий, разрешающих использование неюрисдикционного процесса для обеспечения своих законных интересов, например право на самозащиту в границах юридически значимой деятельности.

Кроме того, изучение нормативных оснований легализации неюрисдикционного процесса в правовой системе способно предупредить возможную фетишизацию заявленной темы исследования и установить взаимосвязь теории и практики. Поэтому юридический позитивизм будет базовым мировоззренческим основанием анализа, а другим – структурный функционализм. Такой методологический подход к вопросу нормативных оснований легализации неюрисдикционного процесса предполагает: во-первых, фиксацию юридических предпосылок его легализации; во-вторых, выстраивание понятийного и функционального рядов неюрисдикционного процесса; в-третьих, определение пределов применения неюрисдикционного процесса; в-четвертых, рассмотрение способов возможной юридической формализации неюрисдикционного процесса; в-пятых, выявление особенностей взаимодействия мировоззренческих и эмпирических начал в материализации неюрисдикционного процесса; в-шестых, решение поставленной задачи будет способствовать укреплению законности и правопорядка.

Теоретический анализ

В условиях глобализации и регионализации социально-экономических связей все более очевидным становится тот факт, что юридическая практика не может обеспечить в полном объеме эффективное решение стоящих перед обществом и государством проблем на теоретическом бага-

же Советской эпохи. Приведенное утверждение является одним из многих факторов, свидетельствующих о том, что классические представления о формах движения правовой материи были и остаются равнодушными к идеям времени, изменчивости, историчности. Поэтому юридическая наука и практика переживают очередной кризис. Во многом ренессанс неюрисдикционного процесса обусловлен отмеченным событием. В этой связи существует острая потребность в ревизии теоретико-эмпирического потенциала правоведения.

Правовая реальность гораздо сложнее и многообразнее тех юридических постулатов, что проявляются в значительном росте парадоксов, множественности и разнонаправленности развития ключевых категорий и практик. Приведенная черта отечественной юриспруденции объективно выдвигает методолого-эмпирическую задачу по изучению нормативных оснований легализации неюрисдикционного процесса. В ходе их анализа необходимо принимать во внимание следующие особенности правовой системы Российской Федерации: во-первых, отсутствие универсальной концепции неюрисдикционного процесса; во-вторых, роль международного права; в-третьих, диверсификацию определенности и общеобязательности права; в-четвертых, операционный характер права; в-пятых, комбинаторику поведенческого аспекта субъектов права; в-шестых, конвергентную природу процессов, протекающих в правовой реальности; в-седьмых, возрастание роли и значения материальных факторов в юридической практике и снижение авторитета формально-юридических предписаний.

Описание нормативных оснований концепции неюрисдикционного процесса будет способствовать выявлению зависимостей между предписаниями действующего законодательства и практикой использования неюрисдикционного процесса в правовой системе России. Данное положение обусловлено методологической функцией концепции, выражающей мировоззренческо-целевые и ценностные установки, которые задают направления исследования и легализации изучаемого феномена. Более того, целевая обусловленность концепции позволяет сформулировать ресурсную базу легализации и дальнейшего совершенствования неюрисдикционного процесса в механизме обеспечения прав и свобод человека и гражданина. Таким образом, концептуализация способствует правильному выбору нормативных оснований и проведению их системного анализа. Целью здесь выступает выявление способов внедрения неюрисдикционного процесса в юридическую практику. Важным

компонентом формулирования концепции неюрисдикционного процесса является определение сферы его фактического использования. В монографической литературе относительно поставленной проблемы высказываются различные мнения [4, с. 46–69].

На наш взгляд, материализация неюрисдикционного процесса обусловлена ростом неформальных финансово-хозяйственных связей, универсализацией международного разделения труда и трансграничностью движения ресурсов. Приведенное обстоятельство дополняется внедрением в юридическую практику альтернативных способов обеспечения законных интересов. Поэтому законные интересы правообладателей приобретают качество оснований и пределов легализации неюрисдикционного процесса. Приведенное суждение в очередной раз подчеркивает значимость изучения нормативных оснований, которые отражают базовые тенденции эволюции правовой системы страны.

Рассматривая проблему концепции неюрисдикционного процесса, прежде всего, необходимо правильно сформулировать цель, затем просчитать результаты целеполагания и зафиксировать общезначимые критерии оценки. На наш взгляд, общий замысел концепции неюрисдикционного процесса заключается в стремление субъектов права эффективно обеспечить свои законные интересы. Поэтому неюрисдикционный процесс представляет собой альтернативную юрисдикционному процессу поведенческую модель. В основе предложенной конструкции лежат принципы права – это свобода волеизъявления, все, что не запрещено законом, разрешено, выбор вариантов поведения по своему усмотрению и другие формализованные ценностные установки. Именно перечисленные начала обеспечивают быстрое и с наименьшими издержками достижение поставленной цели в границах требований законности. В этом случае неюрисдикционный процесс воспроизводит механизм взаимного обмена договаривающимися сторонами своими правами и обязанностями. Таким образом, неюрисдикционный процесс – это не только альтернативная, но и консенсуальная поведенческая модель.

Важным критерием анализа нормативных оснований легализации неюрисдикционного процесса в правовой системе России выступает структура. В структуре главным содержательным компонентом рассматриваемой саморегулируемой поведенческой модели является юридически значимая деятельность. Она имеет непосредственное закрепление в действующем законодательстве [5]. Данное обстоятельство позволяет использовать юридически значимую де-

ятельность в качестве стандарта для проведения анализа нормативных оснований легализации неюрисдикционного процесса. Другим элементом структуры, который может быть использован в качестве критерия, является субъект права. Не менее значимым структурно-содержательным компонентом выступают принципы организации и осуществления неюрисдикционного процесса, например, свобода волеизъявления и добровольность, законность, оптимальная согласованность интересов и т.д.

В ходе изучения нормативных оснований легализации неюрисдикционного процесса следует учитывать статусные правомочия субъектов права на совершение юридически значимой деятельности. Одним из таких факторов выступает, например, право на самозащиту [6]. Это относительно новый правовой инструмент в механизме реализации основных прав и свобод человека и гражданина. Поэтому в структуре неюрисдикционного процесса права и законные интересы принадлежат к числу самостоятельных индикаторов анализа нормативных оснований легализации неюрисдикционного процесса. Перечисленные критерии не являются исключительными и исчерпывающими, поскольку законодатель не ввел в правовое регулирование понятие неюрисдикционного процесса. Поэтому объектом анализа нормативных оснований являются относительным. В этой связи единство формально-юридических и материальных источников выступает необходимым условием для легализации неюрисдикционного процесса. В этом смысле сами процедуры осуществления неюрисдикционного процесса не обладают той степенью общеобязательности, которую они имеют в юрисдикционном процессе [7, пп. 26 п. 1. ст. 4].

Юридически значимая деятельность, проводимая в рамках неюрисдикционного процесса, как правило, следует решениям, процедурам и обычной практике договаривающихся сторон. В этой связи в качестве критериев анализа нормативных оснований легализации неюрисдикционного процесса могут быть использованы, с отдельными изъятиями, признаки официального понятия «юрисдикция». Наиболее исчерпывающее определение юрисдикции содержится в Методических рекомендациях Федеральной таможенной службы России, а именно юрисдикция там определяется, как «установленная законом (или иным нормативным правовым актом) совокупность соответствующих государственных органов разрешать правовые споры и решать дела о правонарушениях, т.е. оценивать действия лица или иного субъекта права с точки зрения их правомерности, применять юридические

санкции к правонарушителям». Изъятия могут быть применены к таким признакам, как правонарушение, правонарушитель, оценка правомерности, применимости санкций [8].

Другим важным фактором проведения анализа нормативных оснований легализации неюрисдикционного процесса выступает понятие «юрисдикция», которое имеет официальное выражение в действующем законодательстве. Все признаки юрисдикции можно использовать в значении префикса «не» для изучения нормативных оснований неюрисдикционного процесса. Перечисленные аспекты природы неюрисдикционного процесса позволяют утверждать, что консенсуальная саморегулируемая поведенческая модель определяется характером юридически значимой деятельности по обеспечению законных интересов субъектов права в системе социально-экономических связей.

Сама юридически значимая деятельность – это материальный источник легализации неюрисдикционного процесса в механизмах обеспечения законных интересов и правового регулирования. Такой «статус» деятельности в неюрисдикционном процессе способствует определению характера и пределов его использования по обеспечению прав и законных интересов. Она, обладая качеством возвратности – обратимости, позволяет фиксировать все стадии неюрисдикционного процесса по согласованию и обеспечению законных интересов. Следовательно, неюрисдикционный процесс выстраивается и легализуется на консенсуальном обеспечении законных интересов, где потребности субъектов права выступают мотивационным фактором выбора неюрисдикционного процесса. Поэтому его содержание зависит от состояния свободы волеизъявления договаривающихся сторон по обеспечению своих законных интересов.

Вместе с тем мотивационно-волевой характер неюрисдикционного процесса не исключает вероятности наличия у одного из участников преимущественного права на совершение юридически значимой деятельности, например, в отношениях кредитора и заемщика в приобретении доли в собственности последнего. В этом смысле неюрисдикционный процесс выступает одной из процессуальных форм в механизме достижения консенсуса по обеспечению законных интересов взаимозависимых субъектов. Отмеченный факт предполагает необходимость обоснования нормативных оснований легализации неюрисдикционного процесса в правовой системе Российской Федерации.

Перечень таких критериев не отличается однородностью, поскольку неюрисдикционные

формы обеспечения прав и законных интересов применяются в международном и внутригосударственном публичном и частном праве. Следовательно, объектом анализа выступают различные по своей природе нормативные правовые основания. В соответствии с действующей Конституцией страны их структура состоит из международного права, федерального законодательства, законодательства субъектов Федерации, законодательства по предметам совместного ведения [9, п. 4 ст. 15, ст. 71, 73, 76], нормативных правовых актов муниципальных образований [10] и локальных нормативных правовых актов [9, пп. 4 ст. 76].

Перечисленную совокупность нормативных правовых актов трудно назвать системой, поскольку структурные образования несут массу противоречий содержательного и функционального характера, отличаются, и весьма существенно, по своей природе [11]. Приведенное качество ставит задачу по разработке алгоритма проведения анализа перечисленного законодательства с целью выявления норм права, которые могут быть квалифицированы как нормативные основания легализации неюрисдикционного процесса. По своему характеру выявленные предписания могут рассматриваться в качестве косвенных и относительно-определенных регуляторов возможного внедрения неюрисдикционного процесса в юридическую практику. В этом случае теоретический анализ – это лишь средство их научной формализации и придания им статуса юридического источника применения неюрисдикционного процесса.

Главным определяющим объектом поиска нормативных оснований выступает Конституция страны. На наш взгляд, ее отдельные положения, так же как и политика государства, направлены на создание условий, обеспечивающих достойную жизнь и свободное развитие человека. Основной закон страны гарантирует свободное перемещение товаров, услуг, финансовых средств, свободу экономической деятельности и конкуренции. Общепризнанные принципы и нормы международного права и международные договоры являются составной частью ее правовой системы. Согласно общепризнанным принципам и нормам международного права, права и свободы человека и гражданина признаются высшей ценностью и непосредственно действующими. Они определяют смысл, содержание и процедуры применения законов, деятельность законодательной и исполнительной власти, местного самоуправления и обеспечиваются правосудием [9, п. 1 ст. 7, п. 1 ст. 8, п. 4 ст. 15, п. 1 ст. 17, ст. 18]. Этот перечень можно продолжать.

Однако, с точки зрения легализации неюрисдикционного процесса, перечисленные положения являются конституционными началами проведения системного анализа международного и внутригосударственного права с позиции признаков неюрисдикционного процесса.

Важным фактором внедрения неюрисдикционного процесса выступают нормы международного права. Объем статьи не позволяет провести исчерпывающий анализ его положений, в которых содержатся предпосылки применения неюрисдикционного процесса как теоретико-эмпирической конструкции, используемой для обеспечения законных интересов. В этой связи базовыми источниками для анализа будут избраны принципы и правила Всемирной торговой организации (право Всемирной торговой организации). Они определяют цель деятельности – всеобщая либерализация единого экономического пространства, создание условий для свободного перемещения товаров, услуг и финансовых средств. Достижение поставленной цели приведет к фактической замене внутригосударственной юрисдикции на внешнюю юрисдикцию, т.е. выведение государства и его институтов из сферы торговли товарами и услугами [12, с. 10, 13–14].

Отмеченная тенденция является необходимым условием легализации неюрисдикционного процесса в правовой системе Российской Федерации. Данное утверждение позволяет рассматривать Марракешскую декларацию в качестве основания развития неюрисдикционного процесса. Кроме того, следует указать, что п. 4 ст. 15 Конституции РФ и соглашение об учреждении Всемирной торговой организации позволяют применять в неюрисдикционном процессе конструкцию «договаривающиеся стороны» и ее соответствующие организационно-правовые формы [13, п. 6 ст. XVI]. Использование этого вида субъектов права в неюрисдикционном процессе вводит в научно-эмпирический оборот понятие «консенсус», которое активно употребляется в публичном и частном праве [13, п. 6 ст. IX]. Отсутствие прямого законодательного регулирования неюрисдикционного процесса делает консенсуальный договор наиболее оптимальной научно-практической формой материализации рассматриваемого явления.

Именно соглашение выступает одним из источников развития юридической природы неюрисдикционного процесса. В то время как договорное право допускает вероятность использования неюрисдикционного процесса за пределами прямого правового регулирования [5, ч. 1 п.1 ст. 8, п. 1 ст. 9, п. 1 ст. 10, ст. 154, 421] в качестве соответствующей процессуальной

формы. Дело в том, что договор заключается на основании свободного волеизъявления сторон. Договаривающиеся субъекты права могут самостоятельно выбирать форму достижения консенсуса. Поэтому соглашение между участниками процесса может базироваться на положениях, которые как предусмотрены, так и непредусмотрены законом или иными правовыми актами [5, ч.1 ст. 412]. В этом случае участники неюрисдикционного процесса руководствуются предписаниями, которые предоставляют нормативную возможность действовать за пределами прямого правового регулирования. Поведение сторон будет признано отвечающим требованиям законности [9, ст. 2, п. 1. ст. 7, п. 1. ст. 8, ст. 12, п. 5. ст. 13, п. 4 ст. 15, ст. 17, 18 и др.].

Проведенный краткий анализ позволяет утверждать, что отечественное законодательство содержит статьи, которые допускают и предусматривают легализацию неюрисдикционного процесса в правовой системе Российской Федерации. По своей сути оно играет роль нормативных оснований внедрения неюрисдикционного процесса в юридическую практику. Более того, такие правовые веления допускают употребление неюрисдикционного процесса в качестве одного из компонентов механизма обеспечения прав и свобод человека и гражданина и законных интересов. В этом смысле проблема неюрисдикционного процесса является междисциплинарной. Подобное суждение базируется на изучении норм права различных отраслей отечественного законодательства. Тем не менее, эти предписания выражают единые общеправовые принципы: гарантированность основных прав и свобод человека и гражданина; свободу волеизъявления субъектов права; осуществление действий субъектами права в своем законном интересе; добросовестность и правомерность поведения субъектов права; консенсуальный и саморегулируемый характер связей между договаривающимися сторонами и т.д.

Перечисленные и многие другие начала определяют не только юридическую природу, но содержание и пределы материализации неюрисдикционного процесса в правовой системе Российской Федерации.

Заключение

Юридическая природа неюрисдикционного процесса определяется нормами права и юридически значимой деятельностью субъектов права. Исходя из этого положения, возможно допустить, что неюрисдикционный процесс может быть использован субъектами права только в случаях, которые не охватываются юрисдикционными

компетенциями. В этом смысле неюрисдикционный процесс обеспечивает общие институциональные возможности для совершения субъектами права юридически значимой деятельности в своем законном интересе. Однако следует отметить, что эта деятельность не должна препятствовать третьим лицам и иным заинтересованным участникам в осуществлении своих прав и свобод. В связи с этим неюрисдикционный процесс выступает результатом соглашения договаривающихся сторон по вопросам, которые затрагивают их права и законные интересы. Поэтому неюрисдикционный процесс – это не только консенсуальная, саморегулируемая, но еще и самоорганизующаяся субъектами права правомерная поведенческая модель.

В приведенном значении неюрисдикционный процесс является неотъемлемой частью правовой системы свободного демократического гражданского общества. Результатом легализации неюрисдикционного процесса выступает преодоление косности бюрократической системы, осуществляющей управление социально-экономическими отношениями. Однако в ходе внедрения неюрисдикционного процесса в юридическую практику следует иметь в виду тот факт, что он является альтернативной формой обеспечения прав и законных интересов. Такое средство содержит дополнительные обременения, увеличивающие степень возникновения рисков для договаривающихся сторон. Альтернативность – это не противопоставление неюрисдикционного процесса традиционным процессуальным формам, а дополнительный фактор и компонент в механизме обеспечения прав и законных интересов человека и гражданина, общества и государства.

Вместе с тем неюрисдикционный процесс, в отличие от традиционных процессуальных форм, действует в отношениях с ограниченным кругом субъектов права. Данное обстоятельство обусловлено отсутствием прямого правового регулирования. Поэтому участниками неюрисдикционного процесса могут выступать субъекты права, достигшие конкретного уровня согласия на применение этой процессуальной формы. В этом случае неюрисдикционный процесс будет гарантией решения конкретных задач, которые стоят перед договаривающимися сторонами. Вместе с тем, если разрешение проблемы затрагивает интересы третьих лиц, последние могут быть выявлены в ходе осуществления действий по обеспечению своих законных интересов в качестве участников или представителей. Действующее законодательство предусматривает такую возможность [6, ст. 29–35]. Отмеченное качество неюрисдикционного процесса позволяет рассма-

тривать его как средство проведения переговоров с заинтересованными лицами по обеспечению прав и интересов. Здесь неюрисдикционный процесс «расширяет» юридические пределы функциональных возможностей субъектов права, поэтому направлен на защиту прав и законных интересов договаривающихся сторон.

Анализ нормативных оснований позволяет сделать следующий вывод: неюрисдикционный процесс должен быть использован для повышения эффективности правовой системы Российской Федерации. Неюрисдикционный процесс есть не квазикатегория, а реально применяемый инструмент в обеспечении своих прав и законных интересов. На наш взгляд, неюрисдикционный процесс – это необходимый компонент связи между процессами разработки и осуществления правовой политики и юридической практикой. Гармоничное взаимодействие между ними только повысит уровень законности и правопорядка. Следовательно, неюрисдикционный процесс – самостоятельный инструмент по обеспечению прав и законных интересов, средство снижения степени хаотизации социально-экономических отношений, где связующим звеном выступает юридически значимая деятельность. Она следует процедурам и обычным традиционным практикам договаривающихся сторон.

Развитие неюрисдикционного процесса – это результат реакции общества на рост хаоса в системе социально-экономических связей, коррупцию, произвол чиновников, социальное неравенство, отсутствие справедливости и другие пороки, которые присущи отечественной правовой системе. Именно неюрисдикционный процесс стимулирует работу гражданского общества по выстраиванию механизмов самозащиты. Общество осознало пагубность фетишизации правовых инструментов, в частности судебную защиту. Поэтому мы продолжим рассмотрение проблемных вопросов неюрисдикционного процесса в следующей статье, где речь, в частности, будет идти о месте и роли неюрисдикционного процесса в механизме обеспечения прав и свобод человека и гражданина и его законных интересов. На наш взгляд, объединение судов общей юрисдикции и арбитражных судов – это реакция государства на рост коррупции в правоохранительных органах. Сила неюрисдикционного процесса состоит в мощной мотивационной составляющей по обеспечению прав и законных интересов. Такой эффект достигается за счет взаимодействия волевого нормативного и материального аспектов содержания неюрисдикционного процесса. Они в своем единстве и определяют специфику его юридической природы.

Список литературы

1. Лисюткин А. Б., Тонконогова Е. Ю. К вопросу о природе неюрисдикционного процесса : логико-гносеологический аспект // Изв. Саратов. ун-та. Нов. сер. Сер. Экономика. Управление. Право. 2015. Т. 15, вып. 2. С. 211–220.
2. Архипова Е. Ю. Проблема соотношения процессуальной формы, юридической процедуры и юридического процесса // Вестн. Саратов. гос. юрид. акад. 2015. № 4 (105). С. 152–155.
3. Архипова Е. Ю. Роль неюрисдикционного процесса в правовой жизни российского общества // Правовая политика и правовая жизнь. 2016. № 1. С. 110–114.
4. Павлушина А. А. Теория юридического процесса : итоги, проблемы, перспективы развития. Самара : Изд-во Самар. гос. экон. акад., 2005. 480 с.
5. Гражданский кодекс Российской Федерации (часть первая) от 30.11.1994 № 51-ФЗ (ред. от 31.01.2016) // Собр. законодательства Рос. Федерации. 1994. № 32, ст. 3301.
6. Трудовой кодекс Российской Федерации от 30.12.2001 № 197-ФЗ (ред. от 30.12.2015) // Собр. законодательства Рос. Федерации. 2002. № 1 (ч. 1), ст. 3.
7. Таможенный кодекс Таможенного Союза от 27.11.2009 (ред. от 08.05.2015) (приложение к Договору о Таможенном кодексе Таможенного союза, принятому Решением Межгосударственного Совета ЕврАзЭС на уровне глав государств от 27.11.2009 № 17) // Собр. законодательства Рос. Федерации. 2010. № 50, ст. 6615.
8. Письмо Федеральной таможенной службы России от 29 сентября 2006 г. № 01-06/34176 «О направлении методических рекомендаций» // BestPravo.ru : [информ.-справ. портал]. URL: <http://russia.bestpravo.ru/fed2008i/data041/tex041455/list3.htm> (дата обращения: 04.02.2016).
9. Конституция Российской Федерации (принята всенародным голосованием 12.12.1993) (с учетом поправок, внесенных Законами РФ о поправках к Конституции РФ от 30.12.2008 № 6-ФКЗ, от 30.12.2008 № 7-ФКЗ, от 05.02.2014 № 2-ФКЗ, от 21.07.2014 № 11-ФКЗ) // Собр. законодательства Рос. Федерации. 2014. № 31, ст. 4398.
10. Об общих принципах организации местного самоуправления Российской Федерации : федер. закон от 06.10.2003 № 131-ФЗ (ред. от 30.12.2015) // Собр. законодательства Рос. Федерации. 2003. № 40, ст. 3822.
11. Лисанюк Е. Н. Логические аспекты презумпций системности права // Правоведение. 2014. № 1. С. 43–54.
12. Зенин И. В. Право Всемирной торговой организации. М. : Юрайт, 2014. 792 с.
13. Марракешская декларация [рус., англ.] (Принята в г. Марракеше 15.04.1994). Доступ из справ.-правовой системы «КонсультантПлюс».

The Normative Bases of Legalization of Non Jurisdictional Process

A. B. Lisyutkin

Saratov State Law Academy,
1, Volskaya str., Saratov, 410056, Russia
E-mail: al.lisyutkin2010@yandex.ru

E. Yu. Arkhipova

Saratov State Law Academy,
1, Volskaya str., Saratov, 410056, Russia
E-mail: kotya777.77@mail.ru

Introduction. Globalization and regionalizations of social and economic communications caused contradictory changes in legal system of the Russian Federation. It is receive an ambiguous assessment in legal science and practice. So there is an introduction of not traditional categories for jurisprudence in legal practice, one of which is non jurisdictional process. **Theoretical analysis.** The formation of the concept of the normative bases of non jurisdictional process will promote detection of dependences between rules of legislation and its practice. The materialization of non jurisdictional process can be carried out in borders of realization of the right. It is possible because of indirect legal fixing in the legislation. Therefore legitimate interests of owners are limits of legalization of non jurisdictional process. Non jurisdictional forms of ensuring the rights and legitimate interests are applied in the international and state public and private law. Therefore, the object of analysis is different legal acts. **Conclusion.** This analysis allows to claim that the legislation of Russian Federation contains the provisions allowing and providing legalization of non jurisdictional process in legal system of the Russian Federation. It plays a role of the normative bases of introduction of non jurisdictional process legal practice. Legal rules are allow to consider the non jurisdictional process as one of components of the mechanism of ensuring the rights and legitimate interests of the person. In this sense the problem of not jurisdictional process is interdisciplinary. **Key words:** legal process, jurisdictional process, non jurisdictional process, legally significant activity, legitimate interest, rights and freedoms, legal entities, self-control, self-organization, model, behavior, will.

References

1. Lisjutkin A. B., Tonkonogova E. Yu. K voprosu o prirode neiurisdiktsionnogo processa: logiko-gnoseologicheskii aspekt [The nature of non jurisdictional process: logiko gnoseological aspect]. *Izv. Saratov Univ. (N.S.), Ser. Economics. Management. Law.* 2015, vol. 15, iss. 2, pp. 211–220.
2. Arhipova E. Yu. Problema sootnosheniia processual'noi formy, iuridicheskoi protsedury i iuridicheskogo processa [The problem of a correlation of the form of action, legal procedure and legal process]. *Vestnik Saratovskoi gosudarstvennoi iuridicheskoi akademii* [Saratov State Law Academy Bulletin], 2015, no. 4 (105), pp. 152–155.
3. Arhipova E. Yu. Rol' neiurisdiktsionnogo processa v pravovoi zhizni rossiiskogo obschestva [The role of non jurisdictional process in legal life of Russian society]. *Pravovaia politika i pravovaia zhizn'* [Legal policy and legal life], 2016, no. 1, pp. 110–114.

- Pavlushina A. A. *Teoriia iuridicheskogo processa: itogi, problemy, perspektivy razvitiia* [Theory of legal process: results, problems, development]. Samara, Samara State Economic Academy Publ., 2005. 480 p.
- Grazhdanskiy kodeks Rossiiskoi Federatsii (chast' per-vaia) ot 30.11.1994 № 51-FZ (red. ot 31.01.2016) [Civil code of Russian Federation (part one) of 30.11.1994 № 51-FZ (an edition of 31.01.2016)]. *Sobranie zakonodatel'stva RF* [Collection of Laws of the Russian Federation], 1994, no. 32, art. 3301.
- Trudovoi kodeks Rossiiskoi Federatsii ot 30.12.2001 № 197-FZ (red. ot 30.12.2015) [Labor code of Russian Federation of 30.12.2001 № 197-FZ (an edition of 30.12.2015)]. *Sobranie zakonodatel'stva RF* [Collection of Laws of the Russian Federation], 2002, no. 1 (pt. 1), art. 3.
- Tamozhennyi kodeks Tamozhennogo Soiuzu ot 27.11.2009 (red. ot 08.05.2015) (prilozhenie k Dogovoru o Tamozhen-nom kodekse Tamozhennogo soiuzu, priniatomu Reshe-niem Mezghosudarstvennogo Soveta EvrAzeS na urovne glav gosudarstv ot 27.11.2009 № 17) [Customs code of the Customs union of 27.11.2009 (an edition of 08.05.2015)] // *Sobranie zakonodatel'stva RF* [Collection of Laws of the Russian Federation], 2010, no. 50, art. 6615.
- Pis'mo Federal'noi tamozhennoi sluzhby Rossii ot 29.09.2006 № 01-06/34176 «O napravlenii meto-dicheskikh rekomendatsii» (Letter of the Federal Cus-toms Service of 29.09.2006 № 01-06/34176 «About the directions of methodical recommendations»). *BestPravo.ru*. Directory portal. Available at: <http://russia.bestpravo.ru/fed2008i/data041/tex041455/list3.htm> (accessed 4 February 2016).
- Konstitutsiia Rossiiskoi Federatsii (priniata vsenarod-nym golosovaniem 12.12.1993) (s uchedom popravok, vnesennykh Zakonami RF o popravkakh k Konstitucii RF ot 30.12.2008 № 6-FKZ, 30.12.2008 № 7-FKZ, ot 05.02.2014 № 2-FKZ, ot 21.07.2014 № 11-FKZ) [The Constitution of the Russian Federation (adopted by popular vote 12.12.1993) (with the amendments intro-duced by Laws of the Russian Federation on amend-ments to the Constitution of the Russian Federation of 30.12.2008 № 6-FKZ, of 30.12.2008 № 7-FKZ, of 05.02.2014 № 2-FKZ, of 21.07.2014 № 11-FKZ)]. *Sobranie zakonodatel'stva RF* [Collection of Laws of the Russian Federation], 2014, no. 31, art. 4398.
- Ob obschih printsipakh organizatsii mestnogo samoupravleniia Rossiiskoi Federatsii: federal'nyi zakon ot 06.10.2003 № 131-FZ (red. ot 30.12.2015) [About the general principles of the organization of local government of the Russian Federation. Federal law of 06.10.2003 № 131-FZ (an edition of 30.12.2015)]. *Sobranie zakonodatel'stva RF* [Collection of Laws of the Russian Federation], 2003, no. 40, art. 3822.
- Lisanjuk E. N. Logicheskie aspekty prezumptsii sistem-nosti prava [Logical aspects of presumptions of system-acity of the law]. *Pravovedenie* [Jurisprudence], 2014, no. 1, pp. 43–54.
- Zenin I. V. *Pravo Vsemirnoi torgovoi organizatsii* [The law of The World Trade Organization]. Moscow, Jurait Publ., 2014. 792 p.
- Marrakeshskaia deklaratsiia [rus., angl.] (Priniata v g. Marrakeshe 15.04.1994) (Marrakesh declaration). *ATP «Consultant»* [electronic resource].

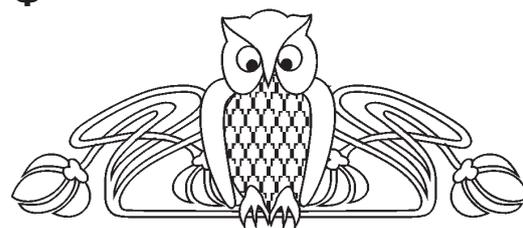
УДК 342.52

ЗАЩИТА ПРАВ ЧЕЛОВЕКА В ДЕЯТЕЛЬНОСТИ ЗАКОНОДАТЕЛЬНЫХ (ПРЕДСТАВИТЕЛЬНЫХ) ОРГАНОВ ГОСУДАРСТВЕННОЙ ВЛАСТИ СУБЪЕКТОВ РФ

Д. С. Велиева

доктор юридических наук, доцент, зав. кафедрой конституцион-ного и международного права, Поволжский институт управле-ния имени П. А. Столыпина – филиал РАНХиГС при Президенте РФ, Саратов
E-mail: ya.wds05@yandex.ru

Введение. Защита прав и свобод человека является одним из важнейших направлений деятельности законодательных (представительных) органов государственной власти субъектов Российской Федерации. **Теоретический анализ.** В статье анализируются конституционно-правовые вопросы регламен-тации прав и свобод человека в деятельности законодательных (представительных) органов государственной власти субъектов Российской Федерации. В Российской Федерации права и сво-боды человека и гражданина признаются и гарантируются на основе принципа равенства согласно общепризнанным принци-пам и нормам международного права и в соответствии с Кон-ституцией Российской Федерации. Автор приходит к выводу о

необходимости соблюдения национальных и международных стандартов при принятии законов субъектов Российской Феде-рации, регламентирующих реализацию и защиту прав и свобод человека и гражданина. **Результаты.** На основе проведенного анализа обосновывается необходимость соблюдения норм Кон-ституции РФ в законодательной деятельности региональными парламентами при принятии нормативно-правовых актов с це-лью недопущения ограничений прав человека.

Ключевые слова: права и свободы человека и гражданина, регулирование прав и свобод, законотворческая деятельность, закон.

DOI: 10.18500/1994-2540-2016-16-3-346-353

Введение

Права человека являются непосредственно действующими, определяют смысл, содержание и применение законов, деятельность законодательной и исполнительной власти, местного самоуправления и обеспечиваются правосудием. При этом государственная защита прав и свобод человека и гражданина в Российской Федерации гарантируется (ч. 1 ст. 17, ст. 18 и 19, ч. 1 ст. 45 Конституции РФ) [1].

Названные положения Конституции в их взаимосвязи требуют от государства максимально широких гарантий реализации конституционных прав и свобод, с тем чтобы они были не иллюзорными, а реально действующими и эффективными. Исходя из конституционных начал разграничения предметов ведения и полномочий между уровнями публичной власти, соответствующие обязанности возлагаются как на органы государственной власти Российской Федерации, так и на органы государственной власти ее субъектов [2].

Законодательные органы выполняют свою роль в конституционной системе защиты прав человека, прежде всего, посредством правотворческой деятельности, выражающейся в принятии законов и других нормативных правовых актов, направленных на обеспечение конституционных гарантий прав и свобод человека и гражданина, правового обеспечения создания и функционирования наиболее эффективных механизмов, структур и способов, необходимых для их защиты. Законодательные органы также определяют пределы (меры) свободы, возможности реализации прав и свобод человека и гражданина.

Теоретический анализ

Признавая важность законотворческой деятельности региональных парламентов, следует отметить, что на конституционном уровне установлены следующие параметры такой деятельности.

Прежде всего, это провозглашение человека, его прав и свобод высшей ценностью и возложение на Российское государство конституционной обязанности по признанию, соблюдению и защите прав и свобод человека и гражданина.

Федеративная форма государственного устройства обуславливает осуществление законотворческой деятельности на федеральном и на региональном уровнях.

Вместе с тем при реализации законотворческой функции региональными парламентами может возникнуть ряд проблем. Связаны они с тем, что в самой Конституции РФ (п. «в» ст. 71) указано, что «регулирование и защита прав и свобод человека и гражданина» относятся к пред-

метам ведения Российской Федерации, а «защита прав и свобод человека» отнесена к предметам совместного ведения Российской Федерации и ее субъектов (п. «б» ст. 72).

Следует отметить, что приведенные выше конституционные нормы противоречивы, поскольку в них защита прав и свобод человека и гражданина относится одновременно и к предметам ведения Российской Федерации, и к предметам совместного ведения РФ и субъектов Федерации. Другими словами, один и тот же предмет ведения находится одновременно и в исключительном ведении РФ, и в совместном ведении. Такая неопределенность требует своего решения, поскольку в правоприменительной практике могут возникнуть сложности, связанные с вторжением в предмет ведения Российской Федерации.

Вместе с тем системный анализ данных конституционных норм показывает, что регулирование прав и свобод находится только в ведении Российской Федерации. Это означает, что только органы государственной власти РФ могут устанавливать и регулировать те или иные права и свободы. Субъекты Федерации наделяются только лишь правом их защиты [3], поскольку защита прав человека и гражданина является общей обязанностью всех государственных органов любого уровня [4].

В связи с этим возникает необходимость анализа понятий «регулирование» и «защита».

Понятие «регулирование», по мнению авторов научно-практического комментария к Конституции РФ, означает, что делом Федерации является определение перечня прав и свобод, их конституционно-правовое закрепление, установление конституционных и иных гарантий, механизмов и процедур их реализации, ответственности за их нарушение. Защита прав и свобод является самостоятельным правовым институтом, регламентирующим совокупность способов и средств их обеспечения и защиты, присущих конкретной отрасли права [5].

Как отмечают авторы комментария к Конституции РФ под редакцией В. Д. Зорькина, раскрывая смысл понятия «регулирование прав и свобод», следует учитывать взаимосвязь п. «в» ст. 71 с нормами п. «б» ч. 1 ст. 72 Конституции, устанавливающими в качестве предмета совместного ведения Российской Федерации и ее субъектов защиту прав и свобод [6]. Эти конституционные положения, рассматриваемые во взаимосвязи с нормами ч. 2 ст. 76 Конституции, предполагают осуществление субъектами РФ не только организационно-управленческих, финансово-экономических, иных форм правообеспе-

чительной деятельности, но и законодательного регулирования в сфере защиты прав и свобод человека и гражданина с соблюдением при этом норм федерального права, что необходимо учитывать при определении конституционных параметров регулирования прав и свобод человека и гражданина как предмета ведения Российской Федерации: такое федеральное регулирование во всяком случае не может препятствовать субъектам Федерации исполнять в порядке реализации присущих им законодательных полномочий конституционную правозащитную функцию.

Под защитой прав и свобод эти же авторы понимают обеспечиваемую государством эффективную возможность пользования правами и свободами путем создания социально-политических, материально-финансовых, организационно-процедурных и других условий для их осуществления, оказания помощи, содействия в их реализации и, напротив, устранения к тому препятствий, предотвращения их нарушения, а также путем воздержания самого государства от необоснованного и неправомерного вмешательства в права и свободы, от блокирования возможности воспользоваться ими, тем более от умаления их существа.

Согласно правовой позиции Конституционного суда РФ защита прав и свобод человека и гражданина может осуществляться путем установления дополнительных правовых предписаний, имеющих целью защиту того или иного права, что не является регулированием прав и свобод человека и гражданина в смысле ст. 71 (п. «в»).

Как неоднократно указывал Конституционный суд Российской Федерации, субъект Федерации вправе наряду с основными гарантиями прав граждан, закрепленными федеральным законом, установить в своем законе дополнительные гарантии этих прав, направленные на их конкретизацию, создание дополнительных механизмов их реализации, с учетом региональных особенностей (условий) и с соблюдением конституционных требований о непротиворечии законов субъектов Российской Федерации федеральным законам и о недопустимости ограничения прав и свобод человека и гражданина в форме иной, нежели федеральный закон. Во всяком случае, осуществляя такое регулирование, законодатель субъекта Российской Федерации не должен вводить процедуры и условия, которые искажают само существо тех или иных конституционных прав, и снижать уровень их федеральных гарантий, закрепленных на основе Конституции РФ федеральными законами, а также вводить какие-либо ограничения конституционных прав

и свобод, поскольку таковые – в определенных Конституцией целях и пределах – может устанавливать только федеральный законодатель.

Для решения вопросов, связанных с защитой прав и свобод человека и гражданина, доктринальное значение имеют и следующие правовые позиции Конституционного суда РФ:

– защита прав и свобод, установление и обеспечение надлежащего функционирования правовых механизмов, гарантирующих их реализацию, составляют сферу совместной ответственности Российской Федерации и ее субъектов, а потому должны обеспечиваться органами государственной власти и Российской Федерации, и каждого из ее субъектов [7];

– федеральные законы в области защиты прав граждан обладают верховенством и имеют прямое действие на всей территории Российской Федерации, обладая приоритетом перед законами субъектов РФ (ч. 2 ст. 4 и ч. 2 и 5 ст. 76 Конституции РФ); законодательные акты субъектов РФ по вопросам защиты прав и свобод не могут противоречить федеральному законодательству как формально, так и по существу: субъекты РФ не вправе принимать законодательные решения, направленные на снижение федеральных гарантий осуществления прав (свобод) [8];

– вместе с тем субъекты РФ вправе наряду с основными гарантиями прав граждан, закрепленными на федеральном уровне, установить в своем законе дополнительные гарантии этих прав. В ряде случаев соответствующие полномочия субъектов РФ прямо предусматриваются в федеральных законах. Так, например, ст. 313 ТК закрепляет право субъектов РФ вводить дополнительные гарантии лицам, работающим в районах Крайнего Севера и приравненных к ним местностях, исходя из финансовых возможностей субъектов РФ; о дополнительных региональных гарантиях избирательных прав упоминает и п. 5 ст. 1 Закона об основных гарантиях [9];

– реализуя полномочия по защите прав и свобод, субъекты РФ, как это вытекает из взаимосвязанных положений ч. 2 и 3 ст. 5, п. «б» ч. 1 ст. 72 и ч. 2 ст. 76 Конституции РФ, вправе осуществлять правовое регулирование в этой области общественных отношений. Такое регулирование, однако, не является регламентацией (признанием, учреждением) самих по себе прав и свобод в смысле п. «в» ст. 71 Конституции; оно носит вторичный характер и производно от базового, устанавливаемого Конституцией и федеральными законами, конкретизирует содержащиеся в них нормативные положения и механизмы реализации соответствующих прав [10].

Кроме того, при отсутствии федерального правового регулирования тех или иных вопросов защиты прав и свобод субъекты Федерации до издания федерального закона вправе осуществлять собственное правовое регулирование по этому предмету совместного ведения, имея в виду так называемое опережающее правовое регулирование. Однако принятый в опережающем порядке акт субъекта Федерации после издания федерального закона должен быть приведен в соответствие с ним [11, с. 45]. Такое положение содержится в п. 2 ст. 3 Федерального закона от 6 октября 1999 г. № 184-ФЗ «Об общих принципах организации законодательных (представительных) и исполнительных органов государственной власти субъектов Российской Федерации» [12].

Однако в соответствии с этим же Законом законодательный (представительный) орган государственной власти субъекта Федерации осуществляет законодательное регулирование по предметам ведения субъекта РФ и предметам совместного ведения Российской Федерации и субъектов Федерации в пределах полномочий субъекта РФ (п. «б». ч. 1 ст. 5).

Думается, есть основания признавать положительную возможность законодательного регулирования субъектами Федерации вопросов, связанных с защитой прав человека.

Такая возможность также дает основания полагать, что многие субъекты Федерации, обладая правом принятия «опережающего законодательства» в сфере совместного (конкурирующего) ведения, способны в более ранние сроки выполнить предусмотренные Конституцией РФ и нормами действующего законодательства обязательства государства по обеспечению прав человека. К примеру, в современных условиях актуальным является реализация положений Концепции долгосрочного социально-экономического развития Российской Федерации на период до 2020 года [13], где закреплены такие приоритеты социальной и экономической политики, как развитие: демографической политики, политики модернизации здравоохранения и образования; пенсионной сферы и социальной помощи; культуры; формирование эффективных рынков труда и жилья.

Конституция РФ провозглашает государственную поддержку семьи, материнства, отцовства и детства. Как справедливо отмечает М. Ю. Федорова, в приведенной конституционной норме абсолютно верно определены приоритеты развития системы социальной защиты населения, которая с учетом положений ч. 3 ст. 37, ч. 3 ст. 39, п. «ж» ч. 1 ст. 72 и ст. 132 Конституции РФ должна быть многоуровневой. Это предпола-

гает не только распределение соответствующих полномочий между различными уровнями публичной власти (федеральным, региональным и местным), но и создание дополнительных форм социальной защиты, адресованных различным категориям населения, в том числе наемным работникам [14].

Необходимо отметить, что Основной закон не устанавливает конкретных мер социальной защиты, их объема (размеров), а также условий предоставления. Выбор организационно-правовых форм и механизмов реализации социальной защиты, включая социальную поддержку, как отметил Верховный Суд РФ, относится к компетенции законодателя [15].

Необходимость реализации названных конституционных положений отмечено и в Стратегии национальной безопасности Российской Федерации до 2020 года. Согласно Стратегии, основными направлениями обеспечения национальной безопасности в сфере здравоохранения и здоровья нации Российская Федерация на среднесрочную перспективу определяет усиление профилактической направленности здравоохранения, ориентацию на сохранение здоровья человека, совершенствование в качестве основы жизнедеятельности общества института семьи, охраны материнства, отцовства и детства [16].

В данном аспекте несомненный интерес представляет законотворческий опыт субъектов Российской Федерации. В качестве положительного примера можно назвать Закон Республики Саха (Якутия) от 17.12.2008 643-3 № 147-IV (ред. от 10.06.2014) «Об охране семьи, материнства, отцовства и детства в Республике Саха (Якутия)» (принят постановлением ГС (Ил Тумэн) РС(Я) от 17.12.2008 3 № 148-IV) [17].

Оценивая положительно данный Закон, следует отметить, что первоначально он предусматривал основания для отказа в предоставлении дополнительных мер государственной поддержки. В соответствии со ст. 20, дополнительные меры государственной поддержки не распространялись на иностранных граждан, имеющих постоянное место жительства в Республике Саха (Якутия). Изменениями от 27.11.2015 данная норма была исключена, что, на наш взгляд, вполне обоснованно. Согласно ч. 3 ст. 62 Конституции РФ, иностранные граждане и лица без гражданства пользуются в Российской Федерации правами и несут обязанности наравне с ее гражданами, кроме случаев, установленных федеральным законом или международным договором Российской Федерации. Тем самым Конституция РФ в качестве общего принципа российского законодательства устанавливает «национальный режим»

для иностранных лиц и лиц без гражданства, т.е. в отношении прав и обязанностей приравнивает их к российским гражданам.

Федеральным законом «О правовом положении иностранных граждан в Российской Федерации» установлено, что иностранные граждане пользуются в Российской Федерации правами и несут обязанности наравне с ее гражданами, за исключением случаев, предусмотренных Федеральным законом [18].

Более того, согласно правовой позиции Конституционного суда, Российская Федерация, будучи социальным государством, политика которого направлена на создание условий, обеспечивающих достойную жизнь и свободное развитие человека, и которое осуществляет поддержку и защиту семьи, материнства, отцовства и детства, обязана гарантировать иностранным гражданам и лицам без гражданства права, свободы и государственную, особенно судебную, защиту от дискриминации, в том числе в области семейной жизни на основе уважения достоинства личности и с учетом того, что забота о детях, их воспитание составляют равное право и обязанность родителей (ст. 7, ч. 1 ст. 17, ч. 1 и 2 ст. 19, ч. 1 ст. 21, ч. 1 и 2 ст. 38, ч. 1 ст. 45, ч. 1 и 2 ст. 46 Конституции РФ). Гарантировать соответствующие права государство обязано, в частности, при установлении и применении правил пребывания (проживания) в Российской Федерации иностранных граждан и лиц без гражданства, а также норм об их ответственности [19].

Безусловно, в данном случае имеет место ограничение прав человека, что согласно действующей Конституции является прерогативой федерального законодателя.

Результаты

Практически любой закон, принимаемый субъектами РФ, регулирует комплексные правоотношения, охватывающие различные предметы правового регулирования. И основной задачей в рамках законодательного процесса является определение той грани, где заканчивается компетенция Российской Федерации и начинается компетенция субъектов Федерации по принятию законов на уровне регионов.

Каким же образом должно происходить разделение компетенции законодательных органов Российской Федерации и регионов в конкретной сфере правового регулирования, результатом которой должен стать закон субъекта Федерации?

На федеральном уровне целесообразно определить сферу применения закона (на какие правоотношения будет распространяться, вступление в силу и возможности применения обратной силы

и т.д.), осуществить правовое регулирование понятийных, методологических вопросов, закрепить основные принципы действия, участников, рамочно определить способ финансирования и реализации (бюджетные, налоговые, организационные, трудовые, пенсионные, информационные и другие возможные вопросы, включая ответственность), а также возможные способы взаимодействия двух уровней государственной власти при его реализации.

Для определения круга ведения субъектов Федерации по конкретному закону регулируемой им сферы отношений необходим комплексный анализ полномочий субъектов РФ в бюджетной, налоговой, трудовой и иных сферах. Любая конкретная сфера отношений опосредуется и взаимосвязана с целым комплексом самостоятельных отношений и, соответственно, регулируется различными отраслями и институтами законодательства.

Таким образом, система правового регулирования субъектами Федерации конкретных отношений состоит из федерального компонента, включающего нормы Конституции РФ и федеральных законов, регулирующих данные отношения и смежный с ними комплекс отношений в пределах компетенции РФ в этой сфере и связанных с ней сферах, и регионального компонента, включающего нормы собственно законов субъекта Федерации, регулирующих отношения в пределах их компетенции.

Список литературы

1. Конституция Российской Федерации (принята всенародным голосованием 12 декабря 1993 г.) (с учетом поправок, внесенных законами РФ о поправках к Конституции Российской Федерации от 30.12.2008 № 6-ФКЗ, от 30.12.2008 № 7-ФКЗ, от 05.02.2014 № 2-ФКЗ, от 21.07.2014 № 11-ФКЗ) // Собр. законодательства Рос. Федерации. 2014. № 31, ст. 4398.
2. По делу о проверке конституционности части 1 статьи 1, части 1 статьи 2 и статьи 3 Федерального закона «О порядке рассмотрения обращений граждан Российской Федерации» в связи с запросом Законодательного Собрания Ростовской области : постановление Конституционного Суда РФ от 18.07.2012 № 19-П // Собр. законодательства Рос. Федерации. 2012. № 31, ст. 4470.
3. Конституционное право и политика : сб. материалов Междунар. науч. конф. : Юридический факультет МГУ им. М. В. Ломоносова, 28–30 марта 2012 г. / отв. ред. С. А. Авакьян. М. : Юрист, 2012. 800 с.
4. Комментарий к Конституции Российской Федерации (постатейный). 2-е изд., перераб. и доп. / под ред. Л. А. Окунькова. М. : БЕК, 1996. 664 с.
5. Конституция Российской Федерации. Научно-практический комментарий (постатейный) / под ред. Ю. А. Дмитриева. М. : Юстицинформ, 2007. 616 с.

6. Комментарий к Конституции Российской Федерации (постатейный) / под ред. В. Д. Зорькина. 2-е изд., пересмотр. М. : Норма, Инфра-М, 2011. 1008 с.
7. По запросу Правительства Челябинской области о проверке конституционности положений абзаца третьего пункта 5 статьи 55 Закона Российской Федерации «Об образовании» и пункта 5 статьи 83 Бюджетного кодекса Российской Федерации : определение Конституционного Суда РФ от 08.02.2007 № 322-О-П // Вестн. Конституционного Суда РФ. 2007. № 4. Доступ из справ.-правовой системы «КонсультантПлюс».
8. По делу о проверке конституционности абзаца первого пункта 4 статьи 64 Закона Ленинградской области «О выборах депутатов представительных органов местного самоуправления и должностных лиц местного самоуправления в Ленинградской области» в связи с жалобой граждан В. И. Гнездилова и С. В. Пашигорова : постановление Конституционного Суда РФ от 29.11.2004 №17-П // Собр. законодательства Рос. Федерации. 2004. № 49, ст. 4948.
9. По делу о проверке конституционности части второй статьи 3 Закона Оренбургской области от 18 сентября 1997 года «О выборах депутатов Законодательного Собрания Оренбургской области» в связи с жалобой граждан Г. С. Борисова, А. П. Бучнева, В. И. Лошманова и Л. Г. Маховой : постановление Конституционного Суда РФ от 23.03.2000 № 4-П // Собр. законодательства Рос. Федерации. 2000. № 13, ст. 1429.
10. По делу о проверке конституционности подпункта «л» пункта 25 статьи 38 Федерального закона «Об основных гарантиях избирательных прав и права на участие в референдуме граждан Российской Федерации» и пункта 10 части 9 статьи 41 Закона Вологодской области «О выборах депутатов Законодательного Собрания Вологодской области» в связи с жалобой общественного объединения «Политическая партия “Союз правых сил”» : постановление Конституционного Суда РФ от 11.03.2008 № 4-П // Собр. законодательства Рос. Федерации. 2008. № 11 (ч. 2), ст. 1073.
11. Умнова И. А. Проблемы децентрализации и перспективы оптимизации современной российской модели разграничения предметов ведения и полномочий в контексте доктрины субсидиарности // Сравнительное конституционное обозрение. 2012. № 2. С. 45–55.
12. Об общих принципах организации законодательных (представительных) и исполнительных органов государственной власти субъектов Российской Федерации : федер. закон от 06.10.1999 № 184-ФЗ (ред. от 03.11.2015) // Собр. законодательства Рос. Федерации. 1999. № 42, ст. 5005 ; 2015. № 45, ст. 6204.
13. Концепции долгосрочного социально-экономического развития Российской Федерации на период до 2020 года // Собр. законодательства Рос. Федерации. 2008. № 47, ст. 5489.
14. Федорова М. Ю. Корпоративные модели социальной защиты : конституционные основы и отраслевое регулирование // 20 лет Конституции Российской Федерации : актуальные проблемы юридической науки и правоприменения в условиях совершенствования российского законодательства : Четвертый пермский международный конгресс ученых-юристов : материалы междунар. науч.-практ. конф. (г. Пермь, 18–19 октября 2013 г.) / отв. ред. О. А. Кузнецова. Пермь. 2013. С. 231–233
15. Об отказе в удовлетворении заявления о признании частично недействующим постановления Правительства РФ от 17.11.2000 № 857-64сс «О реализации Указа Президента РФ от 23.08.2000 № 1563 “О неотложных мерах социальной поддержки специалистов, осуществляющих деятельность в области ядерного оружейного комплекса Российской Федерации”» : решение Верховного Суда РФ от 16.04.2015 № АКПИ15-58. Доступ из справ.-правовой системы «КонсультантПлюс».
16. О Стратегии национальной безопасности Российской Федерации до 2020 года : указ Президента РФ от 12.05.2009 № 537 (ред. от 01.07.2014) // Собр. законодательства Рос. Федерации. 2009. № 20, ст. 2444 ; 2014. № 27, ст. 3754.
17. О правовом положении иностранных граждан в Российской Федерации (с изм. и доп., вступ. в силу с 24.07.2015) : федер. закон от 25.07.2002 № 115-ФЗ (ред. от 13.07.2015) // Собр. законодательства Рос. Федерации. 2002. № 30, ст. 3032 ; 2015. № 29 (ч. 1), ст. 4356.
18. Об охране семьи, материнства, отцовства и детства в Республике Саха (Якутия) : Закон Республики Саха (Якутия) от 17.12.2008 643-3 № 147-IV (ред. от 10.06.2014) (принят постановлением ГС (Ил Тумэн) РС(Я) от 17.12.2008 3 № 148-IV). Доступ из справ.-правовой системы «КонсультантПлюс».
19. Об отказе в принятии к рассмотрению жалобы гражданина Китайской Народной Республики Чжэн Хуа на нарушение его конституционных прав частью 1.1 статьи 18.8 Кодекса Российской Федерации об административных правонарушениях : определение Конституционного Суда РФ от 05.03.2014 № 628-О. Доступ из справ.-правовой системы «КонсультантПлюс».

Protection of Human Rights in the Activities of Legislative (Representative) Bodies of State Power of Subjects of the Russian Federation

D. S. Veliyeva
 Stolypin Volga Region Institute of Administration
 of the Russian Presidential Academy of National Economy
 and Public Administration,
 23/25, Sobornaya str., Saratov, 410031, Russia
 E-mail: ya.wds05@yandex.ru

Introduction. Protection of rights and freedoms is one of the most important activities of legislative (representative) bodies of state power of subjects of the Russian Federation. **Theoretical analysis.** The paper analyzes constitutional legal regulation of the rights and freedoms in the activity of legislative (representative) bodies of state power of subjects of the Russian Federation. In the Russian Federation rights and freedoms of man and citizen are recognized and guaranteed on the basis of the principle of equality under the

universally recognized principles and norms of international law and in accordance with the Constitution of the Russian Federation. The author comes to the conclusion about the necessity of compliance with national and international standards in adopting laws of subjects of the Russian Federation governing the implementation and protection of the rights and freedoms of man and citizen. **Results.** On the basis of the conducted analysis, the substantiates the necessity of compliance with the Constitution of the Russian Federation in legislative activity of regional parliaments in the adoption of legal acts with the aim of preventing restrictions of human rights.

Key words: rights and freedoms of man and citizen, regulation of rights and freedoms, lawmaking, law.

References

1. Konstitutsiia Rossiiskoi Federatsii (priniata vsenarodnym golosovaniem 12.12.1993) (s uchetom popravok ot 30.12.2008 № 6-FKZ, ot 30.12.2008 № 7-FKZ, ot 05.02.2014 № 2-FKZ, ot 21.07.2014 № 11-FKZ) [The Constitution of the Russian Federation (adopted by the popular vote of 12.12.1993) (amended on 30.12.2008 № 6-FKZ, on 30.12.2008 № 7-FKZ, on 05.02.2014 № 2-FKZ, on 21.07.2014 № 11-FKZ)]. *Sobranie zakonodatel'stva RF* [Collection of Laws of the Russian Federation], 2014, no. 31, art. 4398.
2. Po delu o proverke konstitutsionnosti chasti 1 stat'i 1, chasti 1 stat'i 2 i stat'i 3 Federal'nogo zakona «O poryadke rassmotreniya obrascheniy grazhdan Rossiyskoy Federatsii» v svyazi s zaprosom Zakonodatel'nogo Sobraniya Rostovskoy oblasti: postanovlenie Konstitutsionnogo Suda RF ot 18.07.2012 № 19-P [On business about check of constitutionality of part 1 of article 1, paragraph 1 of article 2 and article 3 of the Federal law «On procedure of consideration of citizens of the Russian Federation» in connection with the request of the Legislative Assembly of the Rostov region. Resolution of the Constitutional Court of the Russian Federation of 18.07.2012 № 19-P]. *Sobranie zakonodatel'stva RF* [Collection of Laws of the Russian Federation], 2012, no. 31, art. 4470.
3. Konstitutsionnoe pravo i politika: sb. materialov Mezhdunar. nauch. konf.: Yuridicheskiy fakultet MGU im. M. V. Lomonosova, 28–30 marta 2012 g. / otv. red. S. A. Avakyan [Constitutional law and politics: proceedings of the International scientific conference: Law faculty of Lomonosov Moscow State University, 28–30 March 2012. Ed. by S. A. Avakyan]. Moscow, Yurist Publ., 2012. 800 p.
4. Kommentariy k Konstitutsii Rossiyskoy Federatsii (postateyniy). 2-e izd., pererab. i dop. / pod red. L. A. Okunkova [A commentary on the Constitution of the Russian Federation (itemized). 2nd ed., rev. and add. Ed. by L. A. Okunkov]. Moscow, BECK Publ., 1996. 664 p.
5. Konstitutsiya Rossiyskoy Federatsii. Nauchno-prakticheskiy kommentariy (postateyniy) / pod red. Yu. A. Dmitrieva [The Constitution of the Russian Federation. Scientific-practical commentary (itemized). Ed. by Yu. A. Dmitriev]. Moscow. Yustitsinform Publ., 2007. 616 p.
6. Kommentariy k Konstitutsii Rossiyskoy Federatsii (postateyniy) / pod red. V. D. Zorkina. 2-e izd., peresmotr [A commentary on the Constitution of the Russian Federation (itemized). Ed. by V. D. Zorkin. 2nd ed., rev.]. Moscow, Norma, INFRA-M Publ., 2011. 1008 p.
7. Po zaprosu Pravitelstva Chelyabinskoy oblasti o proverke konstitutsionnosti polozhenii abzatsa tret'ego punkta 5 stat'i 55 Zakona Rossiyskoi Federatsii «Ob obrazovanii» i punkta 5 stat'i 83 Biudzhethnogo kodeksa Rossiiskoi Federatsii: opredelenie Konstitutsionnogo Suda RF ot 08.02.2007 № 322-O-P (On request of the Government of the Chelyabinsk region about check of constitutionality of provisions of the third paragraph of paragraph 5 of article 55 of the Law of the Russian Federation «On education» and paragraph 5 of article 83 of the Budget code of the Russian Federation». Definition of the Constitutional Court of the Russian Federation of 08.02.2007 № 322-O-P). *Vestnik Konstitutsionnogo Suda RF* (Bulletin of the Constitutional Court of the Russian Federation), 2007, no. 4. *ATP «Consultant»* [electronic resource].
8. Po delu o proverke konstitutsionnosti abzatsa pervogo punkta 4 stat'i 64 Zakona Leningradskoy oblasti «O vyiborakh deputatov predstavitel'nykh organov mestnogo samoupravleniya i dolzhnostnykh lits mestnogo samoupravleniya v Leningradskoy oblasti» v svyazi s zhaloboi grazhdan V. I. Gnezdilova i S. V. Pashigorova: postanovlenie Konstitutsionnogo Suda RF ot 29.11.2004 № 17-P [On business about check of constitutionality of the paragraph of first point 4 of article 64 of Law of the Leningrad region «About elections of deputies of representative bodies of local self-government bodies and officials of local self-government in Leningrad region» in connection with complaints of citizens V. I. Gnezdilova and S. V. Paligorova. Resolution of the Constitutional Court of the Russian Federation of 29.11.2004 №17-P]. *Sobranie zakonodatel'stva RF* [Collection of Laws of the Russian Federation], 2004, no 49, art. 4948.
9. Po delu o proverke konstitutsionnosti chasti vtoroy stat'i 3 Zakona Orenburgskoy oblasti ot 18 sentyabrya 1997 goda «O vyiborah deputatov Zakonodatel'nogo Sobraniya Orenburgskoy oblasti» v svyazi s zhaloboy grazhdan G. S. Borisova, A. P. Buchneva, V. I. Loshmanova i L. G. Makhovoy: postanovlenie Konstitutsionnogo Suda RF ot 23.03.2000 № 4-P [On business about check of constitutionality of part two of article 3 of the Law of the Orenburg region of September 18, 1997 «About elections of deputies of Legislative Assembly of the Orenburg region» in connection with complaints of citizens G. S. Borisov, P. A. Buchnev, V. I. Loshmanov and L. G. Makhova. Resolution of the constitutional Court of the Russian Federation of 23.03.2000 № 4-P]. *Sobranie zakonodatel'stva RF* [Collection of Laws of the Russian Federation], 2000, no. 13, art. 1429.
10. Po delu o proverke konstitutsionnosti podpunkta «l» punkta 25 stat'i 38 Federal'nogo zakona «Ob osnovnykh garantiyakh izbiratelnykh prav i prava na uchastie v referendumе grazhdan Rossiiskoy Federatsii» i punkta 10 chasti 9 stat'i 41 Zakona Vologodskoy oblasti

- «O vyborah deputatov Zakonodatel'nogo Sobraniia Vologodskoi oblasti» v svyazi s zhaloboi obschestvennogo ob#edineniia «Politicheskaya partiia “Soyuz pravykh sil”»: postanovlenie Konstitutsionnogo Suda RF ot 11.03.2008 № 4-P [On business about check of constitutionality of the subparagraph «b» of item 25 of article 38 of the Federal law «On basic guarantees of electoral rights and the right to participate in referendum of citizens of the Russian Federation» and paragraph 10 of part 9 of article 41 of the Law of the Vologda region «On elections of deputies of Legislative Assembly of the Vologda region» in connection with the complaint of the public Association «Political party “Union of right forces”». Resolution of the Constitutional Court of the Russian Federation of 11.03.2008 № 4-P]. *Sobranie zakonodatel'stva RF* [Collection of Laws of the Russian Federation], 2008, no. 11 (pt. 2), art. 1073.
11. Umnova I. A. Problemy defederalizatsii i perspektivy optimizatsii sovremennoi rossiiskoi modeli razgranicheniia predmetov vedeniia i polnomochii v kontekste doktriny subsidiarnosti [Problems of defederalization and optimisation opportunities of the modern Russian model of differentiation of subjects of conducting and powers in the context of the doctrine of subsidiarity]. *Sravnitel'noe konstitutsionnoe obozrenie* [Comparative constitutional review], 2012, no. 2, pp. 45–55.
 12. Ob obshchikh printsipakh organizatsii zakonodatel'nykh (predstavitel'nykh) i ispolnitel'nykh organov gosudarstvennoi vlasti sub#ektov Rossiiskoi Federatsii: federal'nyi zakon ot 06.10.1999 № 184-FZ (red. ot 03.11.2015) [On General principles of organization of legislative (representative) and Executive bodies of state power of subjects of the Russian Federation. Federal law of 06.10.1999 № 184-FZ (an edition of 03.11.2015)]. *Sobranie zakonodatel'stva RF* [Collection of Laws of the Russian Federation], 1999, no. 42, art. 5005; 2015, no. 45, art. 6204.
 13. Kontseptsii dolgosrochnogo sotsial'no-ekonomicheskogo razvitiia Rossiiskoi Federatsii na period do 2020 goda [The concept of long-term socio-economic development of the Russian Federation for the period till 2020]. *Sobranie zakonodatel'stva RF* [Collection of Laws of the Russian Federation], 2008, no. 47, art. 5489.
 14. Fedorova M. Yu. Korporativnye modeli sotsialnoi zashchity: konstitutsionnye osnovy i otraslevoe regulirovanie [Corporate model of social protection: constitutional framework and sector regulation]. *20 let Konstitutsii Rossiiskoi Federatsii: aktualnye problemy yuridicheskoi nauki i pravoprimereniia v usloviakh sovershenstvovaniia rossiiskogo zakonodatel'stva: Chetvertyi permskiy mezhdunarodnyi kongress uchennykh-yuristov* [20 years of the Constitution of the Russian Federation: actual problems of legal science and law enforcement in terms of improving the Russian legislation: the Fourth Perm International Congress of legal scholars: selected materials (Perm, 18–19 October 2013). Ans. ed. O. A. Kuznetsova]. Perm, 2013, pp. 231–233.
 15. Ob otkaze v udovletvorenii zayavleniia o priznanii chastichno nedeistvuiuschim postanovleniia Pravitel'stva RF ot 17.11.2000 № 857-64ss «O realizatsii Ukaza Prezidenta RF ot 23.08.2000 № 1563 “O neotlozhnykh merah sotsialnoy podderzhki spetsialistov, osuschestvlyayuschiy deyatelnost v oblasti yadernogo oruzheynogo kompleksa Rossiiskoy Federatsii”»: reshenie Verhovnogo Suda RF ot 16.04.2015 № АКПИ15-58 (About refusal in satisfaction of the statement for recognition partially invalid the Resolution of the RF Government of 17.11.2000 № 857-64ss «About implementation of Decree of the President of the Russian Federation of 23.08.2000 № 1563 “On urgent measures of social support of specialists working in the nuclear weapons complex of the Russian Federation”». Decision of the Supreme Court of 16.04.2015 № АКПИ15-58). *ATP «Consultant»* [electronic resource].
 16. O Strategii natsionalnoi bezopasnosti Rossiiskoi Federatsii do 2020 goda: ukaz Prezidenta RF ot 12.05.2009 № 537 (red. ot 01.07.2014) [On the national security Strategy of Russian Federation until 2020. Decree of the President of the Russian Federation of 12.05.2009 № 537 (an edition of 01.07.2014)]. *Sobranie zakonodatel'stva RF* [Collection of Laws of the Russian Federation], 2009, no. 20, art. 2444; 2014, no. 27, art. 3754.
 17. O pravovom polozenii inostrannykh grazhdan v Rossiiskoi Federatsii (s izm. i dop., vstup. v silu s 24.07.2015): federal'nyi zakon ot 25.07.2002 № 115-FZ (red. ot 13.07.2015) [On the legal status of foreign citizens in the Russian Federation (ch. and ext., preface. effective 24.07.2015). Federal law of 25.07.2002 № 115-FZ (an edition of 13.07.2015)]. *Sobranie zakonodatel'stva RF* [Collection of Laws of the Russian Federation], 2002, no. 30, art. 3032; 2015, no. 29 (pt. I), art. 4356.
 18. Ob okhrane sem'i, materinstva, otsovstva i detstva v Respublike Sakha (Yakutiya): Zakon Respubliki Sakha (Yakutiya) ot 17.12.2008 643-Z № 147-IV (red. ot 10.06.2014) (priniat postanovleniem GS (II Tumen) RS(Ya) ot 17.12.2008 Z № 148-IV) (On the protection of family, motherhood, fatherhood and childhood in the Republic of Sakha (Yakutia). Law of the Republic of Sakha (Yakutia) of 17.12.2008 643-Z № 147-IV (an edition of 10.06.2014) (adopted by the decree of the HS (II Tumen) RS(I) of 17.12.2008 Z № 148-IV)). *ATP «Consultant»* [electronic resource].
 19. Ob otkaze v prinyatii k rassmotreniiu zhaloby grazhdanina Kitaiskoi Narodnoi Respubliki Chzhen Hua na narushenie ego konstitutsionnykh prav chast'iu 1.1 stat'ii 18.8 Kodeksa Rossiiskoi Federatsii ob administrativnykh pravonarusheniakh: opredelenie Konstitutsionnogo Suda RF ot 05.03.2014 № 628-O (About refusal in admission for consideration the complaint of the citizen of the people's Republic of China Zheng Hua on the violation of his constitutional rights by part 1.1 of article 18.8 of the Russian Code of administrative offences. Definition of the Constitutional Court of the Russian Federation of 05.03.2014 № 628-O). *ATP «Consultant»* [electronic resource].

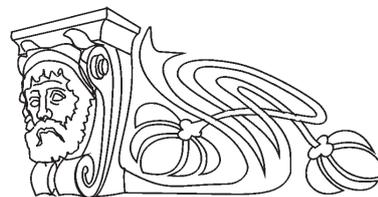

УДК 342.74

КОНСТИТУЦИОННЫЕ ОСНОВЫ ГОСУДАРСТВЕННОЙ ПОЛИТИКИ РОССИЙСКОЙ ФЕДЕРАЦИИ В ОТНОШЕНИИ КУЛЬТУРНОГО НАСЛЕДИЯ

М. А. Липчанская

доктор юридических наук, профессор кафедры конституционного и международного права, Саратовская государственная юридическая академия
E-mail: lipchan_maria@mail.ru

Введение. В современных условиях одним из важных направлений государственного развития признается государственная культурная политика, в том числе в отношении культурного наследия, призванная обеспечить приоритетное культурное и гуманитарное развитие как основу экономического благополучия, государственного суверенитета и цивилизационной самобытности Российской Федерации. **Теоретический анализ.** Предпосылками формирования государственной политики России в отношении культурного наследия являются положения Конституции РФ, общепризнанные международные принципы и акты в культурной сфере, а также задачи Российского государства по сохранению единства и государственной целостности, традиционных ценностей и национальной самобытности. Задачи государства в области культурного наследия предлагается разделить на две группы: задачи ментального нематериального порядка и задачи, направленные на сохранение объектов культурного наследия, т.е. задачи материального характера. **Эмпирический анализ.** Наличие конституционной обязанности обуславливает объективную необходимость выработки в рамках государственной политики в отношении культурного наследия четкой и действенной системы юридической ответственности за невыполнение или ненадлежащее исполнение этой обязанности. Необходимо конкретизировать, что подразумевается под «пассивным» выполнением конституционной обязанности каждого по сохранению культурного наследия.

Ключевые слова: конституционная обязанность, культурное наследие, участие в культурной жизни, государственная политика в отношении культурного наследия.

DOI: 10.18500/1994-2540-2016-16-3-354-359

Введение

Необходимым условием обеспечения благоприятного развития демократического правового государства является достижение высокого уровня политического и правового сознания людей, идеологическим фундаментом которого выступает уровень культуры каждого гражданина и государства в целом.

Любую страну можно охарактеризовать, исходя из ее исторически сложившихся традиций, менталитета и образа жизни населения. Как сказано в Указе Президента Российской Федерации от 24 декабря 2014 г. № 808 «Об утверждении основ государственной культурной политики», «Россия – страна великой культуры, огромного культурного наследия, многовековых культурных традиций и неисся-

каемого творческого потенциала» [1]. Культура России определяет национальную уникальность, отражает многовековую историю нашего народа, формирует нематериальные ценности, которые являются национальным достоянием, обеспечивая самоуважение и авторитет России на международной арене.

Составной частью культурного богатства является культурное наследие, накопленное нашими предками в виде памятников истории и культуры. В миссии Фонда сохранения культурного наследия Российской Федерации справедливо декларируется: «Наше культурно-историческое наследие – это духовный, экономический и социальный капитал невозместимой ценности, который, наравне с природными богатствами, является главным основанием для национального самоуважения и признания России мировым сообществом» [2].

Теоретический анализ

Конституция РФ в ч. 3 ст. 44 обязывает каждого заботиться о сохранении культурного наследия, беречь памятники истории и культуры [3]. Исключительная важность данной конституционной нормы неоднократно подчеркивалась в выступлениях Президента Российской Федерации, отражена в Государственном докладе о состоянии культуры в Российской Федерации в 2014 г.

Так, выступая на заседании международного дискуссионного клуба «Валдай» 19 сентября 2013 г., Президент РФ заявил: «...Наше движение вперед невозможно без духовного, культурного, национального самоопределения, иначе мы не сможем противостоять внешним и внутренним вызовам, не сможем добиться успеха в условиях глобальной конкуренции» [4].

На расширенном заседании президиума Совета по культуре и искусству 3 февраля 2014 г. Президент РФ отметил: «...Мы все понимаем ту огромную роль, которую играет культура в развитии России, в укреплении ее авторитета, влияния в мире, да и в сохранении целостности нашего государства и национального сувере-

нитета...» [4]. В Государственном докладе о состоянии культуры в Российской Федерации подчеркивается: «Сохранение культурного наследия Российской Федерации представляет собой одно из необходимых условий устойчивого развития Российского государства, обеспечения его целостности, разнообразия социокультурного пространства и национальной безопасности народов России» [5].

Бесспорно, в условиях современной глобализации и нарастания внешних угроз обеспечение сохранности культурного наследия является гарантией не только сохранения целостности государства, но и развития общества, человека как гражданина своей страны.

Приоритетные направления в развитии культуры и обеспечении сохранности культурного наследия аккумулированы в государственной политике Российской Федерации в отношении объектов культурного наследия, которая регламентируется Конституцией Российской Федерации, соответствующими международными актами, Федеральным законом от 25 июня 2002 г. № 73-ФЗ «Об объектах культурного наследия (памятниках истории и культуры) народов Российской Федерации» [6].

Среди задач государства в культурной сфере в Указе Президента РФ от 24 декабря 2014 г. № 808 «Об утверждении основ государственной культурной политики» [1] определены и задачи государственной политики в отношении объектов культурного наследия народов Российской Федерации. Проведенный анализ позволяет разделить их на две группы: задачи ментального нематериального порядка и задачи, направленные на сохранение объектов культурного наследия, т.е. задачи материального характера.

К первой группе задач государственной политики относятся:

- утверждение в общественном сознании ценности накопленного прошлыми поколениями исторического и культурного опыта как необходимого условия для индивидуального и общего развития;
- поддержка общественных инициатив в сфере выявления, сохранения и популяризации культурного наследия народов Российской Федерации;
- практическая реализация приоритета права общества на сохранение материального и нематериального культурного наследия перед имущественными интересами физических и юридических лиц;
- сохранение этнических культурных традиций и поддержка основанного на них народного творчества, сохранение этнокультурного раз-

нообразия как одного из значимых источников профессиональной культуры и важной составляющей этнонациональной идентичности;

– систематизация, расширение и развитие существующего опыта использования объектов культурного наследия, предметов музейного и архивного фондов, научного и информационного потенциала российских музеев и музеев-заповедников в образовательном процессе.

Ко второй группе государственных задач в отношении культурного наследия можно приписать:

– совершенствование системы государственной охраны объектов культурного наследия народов Российской Федерации, предметов музейного, архивного и национального библиотечного фондов.

– создание общероссийской системы сохранения нематериального культурного наследия.

– повышение роли объектов культурного наследия, сохранение исторической среды городов и поселений, в том числе малых городов; создание условий для развития культурно-познавательного туризма;

– поддержка и развитие инициатив граждан по участию в этнографических, краеведческих и археологических экспедициях, в работе по выявлению, изучению и сохранению объектов культурного наследия.

Говоря о современной государственной политике в отношении объектов культурного наследия, нельзя не провести историческую аналогию.

Идея правового закрепления обязанности по бережному отношению к объектам культурного наследия возникла достаточно давно. Уже в XIX в., помимо частных решений, принимались нормативно-правовые акты, регулирующие строительную деятельность, тем самым оберегая памятники раннего зодчества от разрушения. Например, был принят Строительный устав, запрещающий перестраивать или реставрировать здания XVIII в., если это может привести к существенному изменению их первоначального вида [7].

В начале XX в. в России существовали нормативные правовые акты, регулирующие отношения в сфере обеспечения сохранности объектов культурного наследия. Например, в 1911 г. был опубликован закон об охране памятников старины в России.

Октябрьская революция и последующая Гражданская война резко обострили данную проблему в связи с масштабными разрушениями и массовым вывозом за рубеж объектов национального культурного наследия. В связи с этим в 1918 г. был издан Декрет Советской власти, запрещающий вывоз за границу и продажу предметов,

имеющих историческое и культурное значение, а также началась регистрация данных объектов.

Но самым значительным достижением того времени было подписание в 1935 г. Пакта Рериха, также известного как Договор об охране художественных и научных учреждений и исторических памятников [7], автором идеи и инициатором которого стал русский художник Н. Рерих. Можно с уверенностью сказать, что данный пакт стал первым документом в мире, который поднял вопрос о защите памятников истории на международный уровень.

В 1948 г. на Генеральной Ассамблее ООН была принята Всеобщая декларация прав и свобод человека. В этом документе основные права и свободы, в том числе права на использование и охрану объектов всемирного культурного и природного наследия, получили полноценное оформление. Впоследствии международным сообществом было создано большое количество нормативных документов, регулирующие права и обязанности как в культурной жизни, так и в отношении сохранности культурного наследия. Однако, по определенным причинам, лишь некоторые были рассмотрены и ратифицированы нашим государством. Конвенция 1954 г. «О защите культурных ценностей в случае вооруженного конфликта», Первый протокол 1954 г. к Конвенции «О защите культурных ценностей в случае вооруженного конфликта» ратифицированы Президиумом Верховного Совета СССР 12 декабря 1956 г., Конвенция 1970 г. «О мерах, направленных на запрещение и предупреждение незаконного ввоза, вывоза и передачи права собственности на культурные ценности» ратифицирована Указом Президиума Верховного Совета СССР от 2 февраля 1988 г., а также Конвенция 1972 г. «Об охране всемирного культурного и природного наследия» ратифицирована Указом Президиума Верховного Совета СССР от 9 марта 1988 г.

Принимая во внимание ратифицированные документы, в Конституции СССР 1977 г. появляется ст. 68, устанавливающая в качестве долга и обязанности граждан СССР заботу о сохранении исторических памятников и других культурных ценностей [8]. С этого момента обязанность защиты памятников истории и культуры можно считать конституционной. Однако существовавшую в советское время систему охраны памятников культурного наследия сложно было назвать действенной.

Эмпирический анализ

С принятием в 1993 г. Конституции Российской Федерации меняется конституционное измерение прав и обязанностей в культурной

сфере. В Конституции РФ присутствует диалектическое единство прав и обязанностей по отношению к культурному наследию. Так, в п. 2 ст. 44 гарантируется каждому право на участие в культурной жизни и пользование учреждениями культуры, право на доступ к культурным ценностям, в п. 3 этой же статьи определяется обязанность каждого заботиться о сохранении исторического и культурного наследия, беречь памятники истории и культуры [3].

Конституция РФ, устанавливая обязательства в отношении культурного наследия, употребляет две различные глагольные формы «заботиться о сохранении» и «беречь». Интересно их содержание с точки зрения лексического значения. Согласно словарю В. И. Даля, сохранять означает сохранить что-то, сберечь, хранить, беречь, блюсти, держать в целостности..., в то время как, беречь – это хранить, оберегать и т.д. [9]. Соответственно, содержание конституционной формулы «заботиться о сохранении» включает в себя и понятие «беречь». Следовательно, фактически они соотносятся как целое и частное, но зачастую в законодательстве и правоприменительной практике употребляются как синонимы.

Терминологическая неточность усложняет практику реализации действующего законодательства. Отсутствие однозначного понимания, какие действия каждого человека предполагает конституционная обязанность по сохранению культурного наследия, влечет сложность закрепления и применения юридической ответственности.

Поскольку в Конституции РФ закреплена обязанность *каждого* заботиться о сохранении культурного наследия, то необходимо определить, совершение или же воздержание от совершения каких-либо действий повлечет ответственность за непроявленную заботу о его сохранении. К сожалению, в законодательстве четко и системно не предусмотрены, какие именно действия (бездействия) необходимо осуществлять каждому человеку для выполнения конституционной обязанности заботиться о сохранении культурного наследия.

Разумеется, наличие конституционной обязанности обуславливает объективную необходимость выработки государственной политики в отношении культурного наследия, в соответствии с задачами и принципами которой принимаются законы и подзаконные нормативные акты, регламентирующие отношения в данной сфере.

В теории конституционного права установление конституционной обязанности детерминирует закрепление юридической ответственности за ее невыполнение или ненадлежащее выполнение.

В целях обеспечения конституционной обязанности в отношении культурного наследия меры юридической ответственности закреплены в отдельных федеральных законах, гражданском, административном и уголовном законодательстве.

Одной из мер гражданско-правовой защиты является принудительный выкуп культурных ценностей согласно ст. 240 Гражданского кодекса РФ. Условием для применения данной меры является совпадение двух факторов:

1) объект должен являться культурной ценностью;

2) в судебном порядке должна быть доказана угроза утраты данной ценности в результате действия или бездействия владельца [10].

За нарушение закрепленной ч. 3 ст. 44 Конституции РФ обязанности возможно привлечение не только к гражданско-правовой, но также к административно-правовой и уголовно-правовой ответственности. Так, в Кодексе РФ об административных правонарушениях предусмотрено применение мер административного характера при нарушении требований сохранения, использования и охраны объектов культурного наследия (памятников истории и культуры) федерального значения, их территорий и зон их охраны. Например, согласно ст. 7.13 за нарушение режима использования земель в границах территорий объектов культурного наследия либо несоблюдение ограничений, установленных в границах зон охраны объектов культурного наследия, предполагается санкция: на граждан – в размере от 15 тыс. до 200 тыс. руб.; на должностных лиц – от 20 тыс. до 400 тыс. руб.; на юридических лиц – от 200 тыс. до 5 млн руб. В общей сложности ответственность закреплена в ст. 7.13–7.16 КоАП РФ [11].

В практике чаще всего встречаются административные дела по данной категории. К примеру, в Постановлении 5-1208/15 от 7.09.2015 Тверского районного суда г. Москвы установлено, что гражданин Ц., «находясь в ЦВЗ “Манеж”, расположенном по адресу: г. Москва, ул. Манежная площадь, дом 1, учинил потасовку с посетителями выставки, а именно: выражался нецензурной бранью, разбил фарфоровые статуэтки, хватал за руки посетителей, громко кричал, плевал в экспонаты, на замечания не реагировал».

Суд постановил: «Ц. признать виновным в совершении административного правонарушения, предусмотренного ч. 1 ст. 20.1 Кодекса РФ об административных правонарушениях, и назначить ему наказание в виде административного ареста сроком на 10 (десять) суток» [12].

Что касается охранного обязательства, а точнее, его неоформление показано на примере

Постановления по делу 5-1162/2015 Останкинского районного суда г. Москва.

ФИО является собственником здания, которое является объектом культурного наследия регионального значения «Дом деревянный, кон. XIX – нач. XX вв.» (далее – Объект) в соответствии с постановлением Правительства Москвы от ДД.ММ.ГГГГ № 202-ПП.

Мосгорнаследием в адрес собственника направлялось уведомление о принятии под государственную охрану здания. Охранное обязательство собственника Объекта не оформлено. По состоянию на ДД.ММ.ГГГГ п. 2 Предписания Собственником не выполнен – работы по сохранению Объекта по согласованной в установленном порядке с Мосгорнаследием документацией не проведены. Суд постановил: «Признать ФИО виновным в совершении административного правонарушения, предусмотренного ч.18 ст. 19.5. Кодекса РФ об административных правонарушениях и назначить административное наказание в виде административного штрафа в размере 2500 рублей» [12].

За более серьезные нарушения предполагается уголовное ответственность. Так, согласно ст. 164 Уголовного кодекса РФ предусмотрена ответственность за хищение предметов, имеющих особую ценность. Наказание за данный вид правонарушения возможно в виде лишения свободы сроком до пятнадцати лет со штрафом до 500 тыс. руб. [13]. Также предполагается уголовная ответственность за уничтожение или повреждение, нарушение требований сохранения или использования памятников истории и культуры, незаконный поиск и изъятие археологических предметов, уклонение от передачи государству предметов, имеющих особую культурную и историческую ценность (ст. 243, ст. 243¹–243³ УК РФ).

Исходя из вышеизложенного, сохранение культурного наследия и сбережение памятников истории и культуры можно формально поделить на активное и пассивное. Что касается первого, то это относится к собственникам и иным законным владельцам объектов культурного наследия, которые независимо от своей воли должны качественно исполнять охранные обязательства. Пассивное «сохранение» культурного наследия выражается, как правило, в соблюдении действующего законодательства в данной сфере и характерно для каждого человека, находящегося на территории Российской Федерации.

Результаты

Сохранение культурного наследия Российской Федерации представляет собой одно из необходимых условий устойчивого разви-

тия Российского государства, обеспечения его целостности, разнообразия социокультурного пространства и национальной безопасности народов России.

Государственная политика в отношении культурного наследия является составной частью государственной культурной политики, охватывающей все стороны жизни, способствующей сохранению традиционных ценностей, укреплению глубоких духовных связей с родной страной.

Правовой основой формирования государственной политики России в отношении культурного наследия являются Конституция РФ, общепризнанные принципы и нормы международного права в культурной сфере, а также федеральные законы и подзаконные акты Российской Федерации.

Важное значение для систематизации действующего законодательства и выработки современной государственной политики в отношении объектов культурного наследия имело принятие Федерального закона от 22 октября 2014 г. № 315-ФЗ, которым были внесены изменения в базовый федеральный закон об объектах культурного наследия и отдельные законодательные акты Российской Федерации [14]. В указанном нормативном правовом акте установлены требования к сохранению, содержанию и доступу к объектам культурного наследия, обязанностям пользователей, собственников и иных законных владельцев памятников, детализированы и четко разграничены полномочия федерального, региональных и муниципальных органов охраны культурного наследия, конкретизированы полномочия федерального органа охраны культурного наследия в отношении контроля за деятельностью региональных органов охраны памятников. В Законе дано определение территории объекта культурного наследия, установлен порядок определения и установления границ территории объекта, порядок использования земельных участков в его границах.

Принципиальное значение в контексте формирования государственной политики в отношении культурного наследия принадлежит Указу Президента Российской Федерации от 24 декабря 2014 г. № 808 «Об утверждении основ государственной культурной политики». Обозначенные в нем задачи государства в области культурного наследия предлагается разделить на две группы: задачи ментального нематериального порядка и задачи, направленные на сохранение объектов культурного наследия, т.е. задачи материального характера.

Государственная политика по сохранению объектов культурного наследия, представляющих

собой уникальную ценность для всего многонационального народа Российской Федерации и являющихся неотъемлемой частью всемирного культурного наследия, предполагает установление для них специального правового режима и действенной системы юридической ответственности.

Список литературы

1. Об утверждении основ государственной культурной политики : указ Президента РФ от 24 декабря 2014 г. № 808 // Собр. законодательства Рос. Федерации. 2014. № 52 (ч. I), ст. 7753.
2. Фонд сохранения культурного наследия Российской Федерации : [сайт]. URL: <http://fundskn.ru/> (дата обращения: 19.02.2016).
3. Конституция Российской Федерации (в ред. от 21.07.2014) // Рос. газ. 1993. 25 дек. ; Собр. законодательства Рос. Федерации. 2014. № 30 (ч. 1), ст. 4202.
4. Президент России: [сайт]. URL: <http://www.kremlin.ru/events/president/news/19243> (дата обращения: 27.02.2016).
5. Министерство культуры Российской Федерации: [сайт]. URL: <http://mkrf.ru/upload/mkrf/mkdocs2015> (дата обращения: 27.02.2016).
6. Об объектах культурного наследия (памятниках истории и культуры) народов Российской Федерации : федер. закон от 25.06.2002 № 73-ФЗ (в ред. от 3.09.2016) // Собр. законодательства Рос. Федерации. 2002. № 26, ст. 2519 ; 2016. № 1 (ч. I), ст. 79.
7. Масленицына С. П. Законодательство по охране памятников истории в России XVIII – начала XX века. URL: <http://art-con.ru/node/5680> (дата обращения: 27.02.2016).
8. Конституция (Основной Закон) Союза Советских Социалистических Республик (принята ВС СССР 07.10.1977 // Ведомости ВС СССР. 1977. № 41, ст. 617.
9. Даль В. И. Толковый словарь живого великорусского языка : в 4 т. СПб., 1863–1866. URL: <http://www.classes.ru/all-russian/russian-dictionary-Dal-term-6195.htm> (дата обращения: 27.02.2016).
10. Гражданский кодекс Российской Федерации от 30.11.1994 № 51-ФЗ (ред. от 31.01.2016). Доступ из справ.-правовой системы «КонсультантПлюс».
11. Кодекс Российской Федерации об административных правонарушениях от 30.12.2001 № 195-ФЗ (ред. от 30.12.2015). Доступ из справ.-правовой системы «КонсультантПлюс».
12. РосПравосудие: [сайт]. URL: <https://rospravosudie.com> (дата обращения: 21.02.2016).
13. Уголовный кодекс Российской Федерации от 13.06.1996 № 63-ФЗ (ред. от 30.12.2015). Доступ из справ.-правовой системы «КонсультантПлюс».
14. О внесении изменений в Федеральный закон «Об объектах культурного наследия (памятниках истории и культуры) народов Российской Федерации» и

отдельные законодательные акты Российской Федерации : федер. закон от 22.10.2014 № 315-ФЗ (ред. от 13.07.2015) // Собр. законодательства Рос. Федерации. 2014. № 43, ст. 5799 ; 2015. № 29 (ч. 1), ст. 4359.

Constitutional Basis of the State Policy of the Russian Federation with Regard to Cultural Heritage

M. A. Lipchanskaya

Saratov State Law Academy,
1, Volskaya str., Saratov, 410056, Russia
E-mail: lipchan_maria@mail.ru

Introduction. In modern conditions, one of the important areas of national development is acknowledged state cultural policy, including with regard to cultural heritage, designed to ensure priority of cultural and human development as the foundation of economic prosperity, national sovereignty and civilizational identity of the Russian Federation. **Theoretical analysis.** prerequisites for the formation of the state of Russia's policy in relation to cultural heritage are the provisions of the Constitution, the generally recognized principles and international acts in the cultural sphere as well as the objectives of the Russian state to preserve the unity and integrity of the state, traditional values and national identity. State objectives in the field of cultural heritage are proposed to divide into two groups: the tasks of the intangible mental order and tasks aimed at preserving the cultural heritage, that is, the material nature of the problem. **Empirical analysis.** Existence of the constitutional obligation determines the objective need for the production of a clear and effective system of legal liability for failure or improper performance of duties within the public policy with respect to the cultural heritage. It is necessary to specify what is meant by «passive» implementation of the constitutional responsibilities of each one to preserve cultural heritage.

Key words: constitutional duty, cultural heritage, participation in cultural life, state policy with regard to cultural heritage.

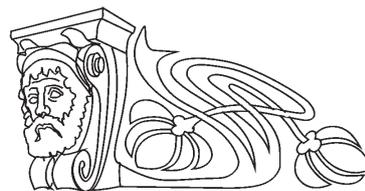
References

1. Ob utverzhdenii osnov gosudarstvennoi kul'turnoi politiki: ukaz Prezidenta RF ot 24 dekabria 2014 g. № 808 [On Approval of the foundations of the state cultural policy. Presidential Decree of December 24, 2014 № 808]. *Sobranie zakonodatel'stva RF* [Collection of Laws of the Russian Federation], 2014, no. 52 (pt. I), art. 7753.
2. *Fond sokhraneniia kul'turnogo naslediia Rossiiskoi Federatsii* (Conservation Fund of the Russian Federation cultural heritage. Site). Available at: <http://fundskn.ru/> (accessed 19 February 2016).
3. Konstitutsia Rossiiskoi Federatsii (v red. ot 21.07.2014) [The Constitution of the Russian Federation (in the red. From 21.07.2014)]. *Rossiiskaia gazeta* [Russian newspaper], 1993, 25 December; *Sobranie zakonodatel'stva RF* [Collection of Laws of the Russian Federation], 2014, no. 30 (pt. 1), art. 4202.
4. *Prezident Rossii* (President of the Russia. Site). Available at: <http://www.kremlin.ru/events/president/news/19243> (accessed 27 February 2016).
5. *Ministerstvo kul'tury Rossiiskoi Federatsii* (Ministry of Culture of Russian Federation. Site). Available at: <http://mkrf.ru/upload/mkrf/mkdocs2015> (accessed 27 February 2016).
6. Ob ob#ektakh kul'turnogo naslediia (pamiatniki istorii i kul'tury) narodov Rossiiskoi Federatsii: federal'nyi zakon ot 25.06.2002 № 73-FZ (v red. ot 03.09.2016) [On objects of cultural heritage (monuments of history and culture) of the peoples of the Russian Federation. Federal law of 25.06.2002 № 73-FZ (an edition of 03.09.2016)]. *Sobranie zakonodatel'stva RF* [Collection of Laws of the Russian Federation], 2002, no. 26, art. 2519; 2016, no. 1 (pt. I), art. 79.
7. Maslenitsyna S. P. *Zakonodatel'stvo po okhrane pamiatnikov istorii v Rossii XVIII – nachala XX veka* (Legislation on the protection of historical monuments in Russia XVIII – early XX century). Available at: <http://art-con.ru/node/5680> (accessed 27 February 2016).
8. Konstitutsia (Osnovnoi Zakon) Soiuz Sovetskikh Sotsialisticheskikh Respublik (prinata VS SSSR 07.10.1977 [The Constitution (Fundamental Law) of the Union of Soviet Socialist Republics (USSR Armed Forces adopted 10.07.1977)]. *Vedomosti VS SSSR* [Bulletin of the USSR Armed Forces], 1977, no. 41, art. 617.
9. Dal V. I. *Tolkovyi slovar' zhivigo velikorusskogo iazyka* (Explanatory Dictionary of the language. In 4 vol.) St. Petersburg, 1863–1866. URL: <http://www.classes.ru/all-russian/russian-dictionary-Dal-term-6195.htm> (accessed 27 February 2016).
10. Grazhdanskii kodeks Rossiiskoi Federatsii ot 30.11.1994 № 51-FZ (red. ot 31.01.2016) (Civil code of the Russian Federation of 30.11.1994 № 51-FZ (an edition of 31.01.2016)). *ATP «Consultant»* [electronic resource].
11. Kodeks Rossiiskoi Federatsii ob administrativnykh pravonarusheniakh ot 30.12.2001 № 195-FZ (red. ot 30.12.2015) (Code of the Russian Federation of Administrative Offences of 30.12.2001 № 195-FZ (an edition of 30.12.2015)). *ATP «Consultant»* [electronic resource].
12. RosPravosudie. Site Available at: <https://rospravosudie.com> (accessed 21 February 2016).
13. Ugolovnyi kodeks Rossiiskoi Federatsii ot 13.06.1996 (red. ot 30.12.2015) (Criminal Code of the Russian Federation of 13.06.1996 № 63-FZ (an edition of 30.12.2015)). *ATP «Consultant»* [electronic resource].
14. O vnesenii izmenenii v Federal'nyi zakon «Ob ob#ektakh kul'turnogo nasledia (pamiatniki istorii i kul'tury) narodov Rossiiskoi Federatsii» I otdel'nie zakonodatel'nye akty Rossiiskoi Federatsii: federal'nyi zakon ot 22.10.2014 № 315-FZ (red. ot 13.07.2015) [On Amendments to the Federal Law «On objects of cultural heritage (monuments of history and culture) of the peoples of the Russian Federation» and Certain Legislative Acts of the Russian Federation. Federal law of 22.10.2014 № 315-FZ (an edition of 07.13.2015)]. *Sobranie zakonodatel'stva RF* [Collection of Laws of the Russian Federation], 2014, no. 43, art. 5799; 2015, no. 29 (pt 1), art. 4359.

УДК 378.14

ПРАКТИКА КАК ОБЯЗАТЕЛЬНЫЙ ЭЛЕМЕНТ ОБРАЗОВАТЕЛЬНОГО ПРОЦЕССА В ВУЗЕ: ПРОБЛЕМЫ НОРМАТИВНОГО ОБЕСПЕЧЕНИЯ

Е. В. Бердникова

доцент кафедры конституционного и муниципального права,
Саратовский национальный исследовательский государственный
университет имени Н. Г. Чернышевского
E-mail: berev79@yandex.ru

С. В. Деманова

доцент кафедры конституционного и муниципального права,
Саратовский национальный исследовательский государственный
университет имени Н. Г. Чернышевского
E-mail: claire_d@bk.ru

Введение. Настоящая статья затрагивает наиболее актуальные вопросы, связанные с организацией и проведением практики в образовательной организации высшего образования. Акцентируется внимание на проблемных моментах нормативного сопровождения практики как обязательного элемента образовательного процесса в вузе. **Цель.** Основная цель работы состоит в исследовании практики обучающихся в вузе с точки зрения анализа нормативной регламентации ее содержания и результатов. **Результаты.** Авторами проведен анализ российской нормативно-правовой базы, регулирующей особенности организации и проведения практики в вузе, изучены особенности регламентации практического обучения студентов в локальных актах некоторых образовательных организаций высшего образования. В статье показано соотношение нормативного регулирования федерального уровня и уровня локальных актов вузов, выделены основные направления их несоответствия. **Заключение.** Авторы приходят к выводам о наличии в системе российского высшего образования отдельных проблем, обусловленных противоречием действующей федеральной нормативной основы в сфере организации и проведения практик в образовательных организациях высшего образования и уровнем правовой регламентации данного элемента образовательного процесса в локальных актах вузов.

Ключевые слова: обучающиеся, образовательная организация высшего образования, основные профессиональные образовательные программы, практика, руководитель практики, программы прохождения практик, локальные акты вузов.

DOI: 10.18500/1994-2540-2016-16-3-360-365

Введение

Интенсивное развитие общественных отношений, начавшееся с момента демократизации Российского государства, внедрение инновационного компонента в отечественную экономику и одновременно необходимость повышения ее конкурентоспособности на уровне мирового сообщества не могли не затронуть и уровня подготовки квалифицированных кадров, востребованных рынком труда и готовых к вызовам глобального технологического прогресса. Современная

парадигма экономического процесса детерминирует унификацию образовательной и производственной среды, сближая образовательные организации и работодателей в их целях, задачах и направлениях функционирования, результатом которого выступает высококвалифицированный специалист. Практикоориентированность стала нормой образовательной деятельности в вузе, решая установки, закладываемые интересами и требованиями предприятий и организаций. Особое место в указанном контексте занимает практика, которая является обязательным элементом учебного процесса, способствующим, с одной стороны, отработке и закреплению знаний, полученных в ходе теоретического обучения, а с другой стороны, получению необходимых практических навыков для дальнейшей успешной профессиональной деятельности.

Цель

Основная цель работы состоит в исследовании нормативного сопровождения практики как обязательного элемента получения высшего образования, а также в выявлении противоречий регламентации данной части учебного процесса локальными актами вузов России.

Результаты

Важную роль в обеспечении любого процесса приобретает нормативная основа, которая определяет базовые аспекты его реализации. С регулятивной точки зрения практика имеет достаточно полное правовое оформление на уровне федерального законодательства и подзаконных нормативных актов федерального уровня. Так, Федеральный закон от 29.12.2012 № 273-ФЗ «Об образовании в Российской Федерации» [1] (далее – Закон об образовании) определяет практику как вид учебной деятельности, направленной на формирование, закрепление, развитие практических навыков и компетенции в процессе выполнения определенных видов работ, связанных с будущей профессиональной деятельностью. Юридическая трактовка данного понятия еще раз подтверждает нашу мысль о взаимообусловленности сферы образования и рынка труда. Помимо общего определения практики Закон об образовании устанавливает

некоторые универсальные подходы к ее организации и проведению. Во-первых, регламентируется, что именно основные профессиональные образовательные программы предусматривают проведение практики у обучающихся. Кроме того, законодатель оговаривает, что проведение практики осуществляется образовательными организациями посредством договоров с профильными организациями, деятельность которых соответствует реализуемой образовательной программе. При этом не исключается возможность ее проведения непосредственно в вузе.

Раскрытие отдельных основополагающих аспектов практики обучающихся, закрепленных Законом об образовании, происходит посредством нормативной регламентации в документах Министерства образования и науки Российской Федерации. Так, Приказом Минобрнауки России от 27.11.2015 № 1383 утверждено Положение о практике обучающихся, осваивающих основные профессиональные образовательные программы высшего образования [2] (далее – Положение о практике), которое определяет порядок организации и проведения практики обучающихся, осваивающих основные профессиональные образовательные программы (ОПОП) высшего образования всех уровней, виды, формы и способы ее проведения.

Вышеуказанным Положением установлены три основных вида практики, которые соответствуют определенному этапу освоения ОПОП по мере возрастания:

- учебная, которая проводится в целях получения первичных профессиональных умений и навыков;
- производственная, организуемая в целях получения профессиональных умений и опыта профессиональной деятельности;
- преддипломная, которая является составной частью производственной и проводится в случае, если стандартом предусмотрена защита выпускной квалификационной работы.

Каждый вид практики реализуется в определяемой на основе ФГОС ВО образовательной организацией форме (типе практики), определяющей ее целевую, функциональную и содержательную направленность. Это может быть научно-исследовательская, педагогическая, технологическая и иные типы практики.

По способу проведения, который устанавливается вузом самостоятельно на основе требований ФГОС ВО, практики делятся на стационарную и выездную. Стационарная практика может проводиться в образовательной либо в профильной организации, которые расположены непосредственно в данном населенном пункте,

а выездная реализуется вне его территории. Положением о практике предусматривается организация выездной производственной практики в полевой форме, когда существует необходимость создания специальных условий для ее проведения.

Различия указанных выше способов проведения практики заключаются также в регламентации порядка их финансирования. Так, например, при проведении выездных производственных практик обучающихся особенности оплаты проезда к месту проведения практики и обратно, а также дополнительные расходы, связанные с проживанием вне места постоянного жительства (суточные), за каждый день практики, включая нахождение в пути к месту практики и обратно, должны устанавливаться локальным нормативным актом образовательной организации. Прохождение стационарной практики не предусматривает компенсации расходов на проезд и проживание.

Практика может проводиться либо непрерывно, когда в календарном учебном графике выделяется непрерывный период учебного времени для проведения всех видов практики, и дискретно – либо по видам практики посредством выделения в календарном учебном графике непрерывного периода учебного времени для проведения каждого вида (совокупности видов) практики, либо по периодам проведения практики путем чередования в календарном учебном графике периодов учебного времени для проведения практики с периодами учебного времени для проведения теоретических занятий.

Особую часть организации практики занимает руководство ее проведением. Данный аспект регламентируется Положением о практике в части установления двух типов руководителей:

- руководитель практики от образовательной организации из числа лиц, относящихся к профессорско-преподавательскому составу, который занимается разработкой индивидуальных заданий для обучающихся, распределяет места для прохождения практики, контролирует ее сроки и содержание, оказывает методическую помощь и оценивает результаты практики;
- руководитель практики из числа работников профильной организации, который согласовывает индивидуальные задания, содержание и планируемые результаты практики обучающихся, предоставляет рабочие места, обеспечивает безопасные условия прохождения практики, отвечающие санитарным правилам и требованиям охраны труда, в том числе проводит инструктаж в сфере охраны труда, техники безопасности, пожарной безопасности, а также знакомит практикантов с правилами внутреннего трудового распорядка.

Особыми обстоятельствами прохождения практики выступают, во-первых, возможность заключения с обучающимся срочного трудового договора о замещении вакантной должности при ее наличии, а во-вторых, возможность прохождения обучающимися всех видов практики по месту работы в случае совмещения обучения с профессиональной деятельностью, при условии, если она соответствует требованиям, предъявляемым к содержанию практики.

Обязанности обучающихся в период прохождения практики ограничены в соответствии с Положением о практике, выполнении индивидуальных заданий, предусмотренных программами практики, соблюдением правил внутреннего трудового распорядка и требований охраны труда и пожарной безопасности. Представленные по итогам прохождения обучающимися результаты практики оцениваются и учитываются в порядке, установленном образовательной организацией.

Проведенный анализ регламентации практики федеральными актами позволяет сделать вывод о том, что данный уровень регулирования определяет общую нормативную канву организации данной части учебного процесса, оставляя большую часть вопросов на усмотрение самих образовательных организаций.

Ретроспективное изучение подходов к регламентации прохождения практики обучающимися образовательных организаций высшего образования, содержащихся в локальных актах вузов, позволяет сделать ряд неутешительных выводов, главным из которых остается несоответствие их отдельных положений требованиям документов, разработанных Министерством образования и науки Российской Федерации. Проведенный анализ положений, регламентирующих порядок организации практики и размещенных на официальных сайтах некоторых вузов, показал, что порядка 30% образовательных организаций не привели локальные акты в соответствие с федеральным Положением о практике, другими словами, в указанных вузах до сих пор действуют документы, принятые до ноября 2015 г. Например, в Положении о практике студентов КНИТУ, регулирующем организацию и проведение практики в Федеральном государственном бюджетном образовательном учреждении высшего образования «Казанский национальный исследовательский технологический университет», до сих пор происходит ссылка на старую нормативную основу, включающую утратившие силу Закон Российской Федерации «Об образовании» (от 10.07.1992 № 3266-1), Федеральный закон от 22.08.1996 №125-ФЗ «О высшем и послевузовском профессиональном образовании», Поста-

новление Правительства Российской Федерации от 14.02.2008 № 71 «Об утверждении Типового положения об образовательном учреждении высшего профессионального образования (высшем учебном заведении)», Приказ Минобрнауки России от 25.03.2003 г. № 1154 «Об утверждении Положения о порядке проведения практики студентов образовательных учреждений высшего профессионального образования» [3]. Принимая во внимание устаревшую нормативную основу указанных локальных актов, можно со всей уверенностью утверждать, что они изобилуют разнообразными неточностями в определении видов, типов, способов проведения практики, содержат значительное количество пробелов, связанных, например, с отсутствием регламентации особенностей организации практики для инвалидов и лиц с ограниченными возможностями и т.д.

Основными критическими сторонами локальных актов, регламентирующих порядок прохождения практики, являются:

– несоответствие видов практики. Так, например, в Положении о практике обучающихся в Томском политехническом университете [4] содержится тезис о том, что для бакалавров и специалистов видами практики выступают учебная, производственная, в том числе преддипломная, а для магистров основными видами являются производственная и педагогическая. Таким образом, из учебного процесса уровня магистратуры вуз самостоятельно исключил учебную практику;

– ограничение федеральных требований, предъявляемых к содержанию объема регламентации порядка организации и проведения практики, локальными актами вуза. В п. 6.4 Положения о практике обучающихся, осваивающих основные образовательные программы высшего образования Федерального государственного автономного образовательного учреждения высшего образования «Санкт-Петербургский политехнический университет Петра Великого» [5] из числа обязательных элементов программы практики исключено указание вида практики и фонд оценочных средств для проведения промежуточной аттестации обучающихся. Кроме того, зачастую вузы «забывают» включать в свои акты пункты, связанные с финансированием прохождения практики. Например, Положением о порядке организации и проведения практики обучающихся по основным профессиональным образовательным программам высшего образования Южно-Уральского государственного университета не установлен порядок компенсации расходов обучающимся в случае организации выездных практик [6]. Еще одним распростра-

ненным пробелом локального регулирования является отсутствие указания на порядок оформления результатов практики, их оценку и учет;

– нарушение требований трудового законодательства. В соответствии со ст. 91 Трудового кодекса РФ установлены нормы рабочего времени его сокращенной продолжительности [7]. В частности, для работников в возрасте от шестнадцати до восемнадцати лет данные нормы составляют не более 35 часов в неделю; для работников, являющихся инвалидами I или II группы, – не более 35 часов в неделю и т.д. Однако в ряде локальных актов вузов, регламентирующих прохождение практики, предел продолжительности рабочего времени для работников в возрасте от 16 до 18 лет увеличивается на 1 час – не более 36 часов в неделю, что можно расценивать как прямое нарушение действующего трудового законодательства [8];

– установление дополнительных обязанностей для студентов. В Положении о практике обучающихся в Томском политехническом университете говорится о том, что «...проведение практики для студентов очно-заочной и заочной формы обучения, в том числе получающих второе высшее профессиональное образование, организуется выпускающей кафедрой, как правило, по основному месту работы, если их деятельность соответствует профилю направления подготовки... В противном случае студент самостоятельно находит место практики по месту жительства и согласовывает его с заведующим выпускающей кафедрой и руководителем практики от кафедры...» [4]. Данным ультимативным подходом к проведению практики вуз снимает с себя все обязательства по организации прохождения практики обучающимися, наделяя последних дополнительными и весьма обременительными обязанностями, осуществление которых является непосредственной функцией образовательной организации;

– ограничение конституционного права на бесплатное образование. Несмотря на отсутствие в федеральном Положении о практике четкого указания в отношении формы обучения студентов, обладающих правом на компенсацию расходов, связанных с прохождением выездных практик, некоторые вузы все же стремятся уточнить, что финансирование возможно только для студентов очного обучения. Такой подход можно увидеть, например, в Положении о практике обучающихся, осваивающих основные образовательные программы высшего образования Федерального государственного автономного образовательного учреждения высшего образования «Санкт-Петербургский политехнический

университет Петра Великого» [5], где сказано, что обучающимся в университете по очной форме на период прохождения всех видов практики, связанных с выездом из места нахождения университета, выплачиваются суточные в размере, установленном действующим законодательством Российской Федерации, за каждый день прохождения выездной практики, включая нахождение в пути к месту практики и обратно. На наш взгляд, такое игнорирование студентов очно-заочной и заочной форм обучения можно расценивать как прямое нарушение их конституционного права на бесплатное высшее образование.

Заключение

Подводя итог рассмотрению проблем нормативного обеспечения организации и проведения практики в рамках реализации основных профессиональных образовательных программ высшего образования, следует еще раз отметить важность и актуальность практической составляющей образовательного процесса, ее непосредственное влияние на формирование будущего высококвалифицированного специалиста. Однако необходимо подчеркнуть, что регулятивная основа данного элемента образовательного процесса характеризуется противоречивостью и нуждается в совершенствовании как с концептуальной точки зрения, так и с юридико-технической стороны. Отчасти необходима ревизия всего массива локальной документации образовательных организаций на предмет его актуальности и соответствия действующим нормативным правовым актам федерального уровня. Представляется важным развивать постоянное информационно-методическое взаимодействие между образовательными организациями высшего образования и Министерством образования и науки Российской Федерации.

Список литературы

1. Об образовании в Российской Федерации : федер. закон от 29.12.2012 № 273-ФЗ (ред. от 02.06.2016) // Собр. законодательства Рос. Федерации. 2012. № 53 (ч. 1), ст. 7598 ; 2016. № 23, ст. 3290.
2. Об утверждении Положения о практике обучающихся, осваивающих основные профессиональные образовательные программы высшего образования : приказ Минобрнауки России от 27.11.2015 № 1383. URL: <http://www.pravo.gov.ru>, 22.12.2015 (дата обращения: 02.07.2016).
3. Положение о практике студентов КНИТУ. URL: <http://www.kstu.ru/servlet/contentblob?id=94516> (дата обращения: 04.07.2016).
4. Положение о практике обучающихся в Томском политехническом университете. URL: <http://portal>.

tpu.ru/SHARED/n/NVKOZLOVA/praktika/Tab2/Pologenie2013.pdf (дата обращения: 04.07.2016).

5. Положение о практике обучающихся, осваивающих основные образовательные программы высшего образования Федерального государственного автономного образовательного учреждения высшего образования «Санкт-Петербургский политехнический университет Петра Великого». URL: http://www.spbstu.ru/upload/dmo/pol_o_praktike_29.03.2016.pdf (дата обращения: 04.07.2016).
6. Положение о порядке организации и проведения практики обучающихся по основным профессиональным образовательным программам высшего образования Южно-Уральского государственного университета. URL: http://k.susu.ru/_olan/_docs/_big_susu/praktika.pdf (дата обращения: 04.07.2016).
7. Трудовой кодекс Российской Федерации от 30.12.2001 № 197-ФЗ (ред. от 30.12.2015) // Собр. законодательства Рос. Федерации. 2002. № 1 (ч. 1), ст. 3 ; 2016. № 1 (ч. I), ст. 54.
8. Положение о порядке организации и проведения практики студентов МГТУ им. Н. Э. Баумана, обучающихся по основным образовательным программам бакалавриата, специалитета, магистратуры. URL: http://hoster.bmstu.ru/~det/norm_docs/%D0%9F%D0%9E%D0%9B%D0%9E%D0%96%D0%95%D0%9D%D0%98%D0%95%20%D0%BF%D0%BE%20%D0%BF%D1%80%D0%B0%D0%BA%D1%82%D0%B8%D0%BA%D0%B5-2016.pdf (дата обращения: 04.07.2016).

Practice as a Compulsory Element of the Educational Process at University: the Problems of Normative Support

E. V. Berdnikova

Saratov State University,
83, Astrakhanskaya str., Saratov, 410012, Russia
E-mail: berev79@yandex.ru

S. V. Demanova

Saratov State University,
83, Astrakhanskaya str., Saratov, 410012, Russia
E-mail: claire_d@bk.ru

Introduction. This article discusses the topical questions which are connected with the organization and practice in the educational organization of higher education. The article focuses on problematic issues of normative support of the practice as a compulsory element of the educational process in Higher Education Institution. **Purpose.** The main goal of the article is to study student practice in Higher Education Institution from the point of view of the analysis of normative regulation of its content and results. **Results.** The authors analyzed the normative legal base in Russia regulating the characteristics of the organization and conduct of practice at University, peculiarities of practical training of students in local acts of some educational institutions of higher education. The article shows the correlation of normative regulation at the federal level and the level of local acts of universities, authors highlighted the main directions of their inconsistency. **Conclusion.** The authors come to conclusion that

the system of Russian higher education has some problems. These problems are caused by the contradiction between the current federal regulatory framework in the sphere of the organization and conduct of practices in the educational institutions of higher education and the level of legal regulation of this element of the educational process in local acts of universities.

Key words: students, educational institution of higher education, basic professional educational programmes, practice, head of practice, programme practices, local acts of universities.

References

1. Ob obrazovanii v Rossiiskoi Federatsii: federal'nyi zakon ot 29.12.2012 № 273-FZ (red. ot 02.06.2016) [About Education in Russian Federation. Federal law of 29.12.2012 № 273-FZ (an edition of 02.06.2016)]. *Sobranie zakonodatel'stva RF* [Collection of Laws of the Russian Federation], 2012, no. 53 (pt. 1), art. 7598; 2016, no. 23, art. 3290.
2. Ob utverzhdenii Polozheniia o praktike obuchaiuschikhsia, osvaivaiuschikh osnovnye professional'nye obrazovatel'nye programmy vysshego obrazovaniia: prikaz Minobrnauki Rossii ot 27.11.2015 № 1383 (About the statement of practice of students mastering basic educational program of higher professional education regulations. Order of Ministry of Education and Science of the Russian Federation of 27.11.2015 № 1383). Available at: <http://www.pravo.gov.ru>, 22.12.2015 (accessed 2 July 2016).
3. Polozhenie o praktike studentov KNITU (On the practice of students of KNITU regulations). Available at: <http://www.kstu.ru/servlet/contentblob?id=94516> (accessed 4 July 2016).
4. Polozhenie o praktike obuchaiuschikhsia v Tomskom politekhnicheskom universitete (On the practice of students of Tomsk Polytechnic University regulations). Available at: <http://portal.tpu.ru/SHARED/n/NVKOZLOVA/praktika/Tab2/Pologenie2013.pdf> (accessed 4 July 2016).
5. Polozhenie o praktike obuchaiuschikhsia, osvaivaiushih osnovnye obrazovatel'nye programmy vysshego obrazovaniia Federal'nogo gosudarstvennogo avtonomnogo obrazovatel'nogo uchrezhdeniia vysshego obrazovaniia «Sankt-Peterburgskii politekhnicheskii universitet Petra Velikogo» (On the practice of students mastering basic educational program of higher professional education of Federal State Autonomous Educational Institution of Higher Professional Education Peter the Great Saint Petersburg Polytechnic University regulations). Available at: http://www.spbstu.ru/upload/dmo/pol_o_praktike_29.03.2016.pdf (accessed 4 July 2016).
6. Polozhenie o poriadke organizatsii i provedeniia praktiki obuchaiuschikhsia po osnovnym professional'nyim obrazovatel'nyim programmam vysshego obrazovaniia Yuzhno-Ural'skogo gosudarstvennogo universiteta (On the procedure of the organization and conduct of practice at basic educational program of higher professional education at South Ural State University). Available at: http://k.susu.ru/_olan/_docs/_big_susu/praktika.pdf (accessed 4 July 2016).

7. Trudovoi kodeks Rossiiskoi Federatsii ot 30.12.2001 № 197-FZ (red. ot 30.12.2015) [Labor code of Russian Federation of 30.12.2001 № 197-FZ (an edition of 30.12.2015)]. *Sobranie zakonodatel'stva RF* [Collection of Laws of the Russian Federation], 2002, no. 1 (pt. 1), art. 3; 2016, no. 1 (pt. 1), art. 54.
8. Polozhenie o poriadke organizatsii i provedeniia praktiki studentov MGTU im. N. E. Baumana, obuchaiuschikhsia po osnovnym obrazovatel'nym programmam bakalavriata, spetsialiteta, magistratury (On the procedure

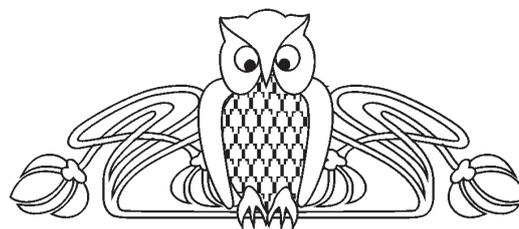
of the organization and conduct of practice of the students of MGTU of N. E. Bauman who are trained on the main educational programs of a bachelor degree, a specialist programme, a magistracy). Available at: http://hoster.bmstu.ru/~det/norm_docs/%D0%9F%D0%9E%D0%9B%D0%9E%D0%96%D0%95%D0%9D%D0%98%D0%95%20%D0%BF%D0%BE%20%D0%BF%D1%80%D0%B0%D0%BA%D1%82%D0%B8%D0%BA%D0%B5-2016.pdf (accessed 4 July 2016).

УДК 342.843.32

РАЗВИТИЕ ИЗБИРАТЕЛЬНОГО ЗАКОНОДАТЕЛЬСТВА О ТАЙНЕ ГОЛОСОВАНИЯ В ДЕРЕВОЛЮЦИОННОЙ РОССИИ И В СОВЕТСКИЙ ПЕРИОД

Д. А. Кравец

аспирант кафедры конституционного и муниципального права, Саратовский национальный исследовательский государственный университет имени Н. Г. Чернышевского
E-mail: dariakr2004@mail.ru

Введение. Избирательное законодательство Российского государства на различных этапах его развития закрепляет открытое или тайное голосование на выборах в органы государственной власти и местного самоуправления. **Цель.** Основная цель статьи состоит в анализе процесса развития избирательного законодательства о тайне голосования в дореволюционной России и в советский период. **Результаты.** Правовое закрепление принцип тайного голосования получил в дореволюционной России. В первое десятилетие Советской власти голосование проводилось открыто, даже в случае альтернативного закрепления тайного голосования в нормативно-правовых актах, регламентирующих проведение выборов в Советы. Дальнейшее развитие тайного голосования в Советской России характеризуется наличием прогрессивного демократического законодательства и политизированной практики его реализации. Реализация тайного голосования в избирательной практике СССР началась в последние годы перестройки. **Заключение.** Предложена периодизация основных этапов развития избирательного законодательства о тайне голосования в дореволюционной России и в советский период. **Ключевые слова:** закрытая подача голосов, тайное голосование, избирательное законодательство Российской империи и СССР.

DOI: 10.18500/1994-2540-2016-16-3-365-370

Введение

Развитие институтов избирательного права в нашей стране имеет достаточно длительную историю. Еще во времена военной демократии и вечевого строя в древнерусских городах появились предпосылки к созданию избирательного законодательства. По мнению исследователей, на вече зародились первые выборные традиции, формировались и получили развитие основы

представительной и непосредственной демократии [1, с. 3].

На различных этапах развития Российского государства выборы в органы государственной власти и местного самоуправления осуществлялись посредством открытого и тайного голосования. В рамках данного исследования под открытым голосованием понимается способ голосования, при котором воля голосующего выражается в присутствии других лиц и видна им. Указанный способ голосования проводится различными действиями: поднятием рук, вставанием с мест и др. Таким образом, при открытом голосовании человек открыто демонстрирует свою позицию по тому или иному вопросу.

Тайное голосование – это способ голосования, при котором воля голосующего остается неизвестной другим лицам, что обеспечивается специальными механизмами (использование бюллетеней, наличие оборудованных кабин и урн для голосования и т.д.). Тайное голосование исключает возможность отслеживания результатов голосования и дальнейшего преследования граждан в зависимости от их выбора, что, в свою очередь, укрепляет веру людей в институт выборов и честность их результатов.

Цель

Основная цель статьи состоит в анализе процесса развития избирательного законодательства о тайне голосования в дореволюционной России и в современный период.

Результаты

Исследование развития избирательного законодательства о тайне голосования в дореволюционной России следует начать с анализа нормативно-правовых актов, регламентирующих выборы в Государственную думу 1905 г. Правовой основой указанного избирательного процесса являлось Положение о выборах в Государственную думу от 6 августа 1905 г., в котором проведение выборов в городское избирательное собрание проводилось «закрытою подачею голосов, посредством записок» [2]. Анализ норм Положения 1905 г. и практики его применения позволяет сделать вывод о том, что в Российской империи понятие «закрытая подача голосов» выступало аналогом современного тайного голосования, так как сходно с ним по содержанию и мерам обеспечения (закрытое волеизъявление избирателей и фиксация его результатов на записке; личное вручение избирательной записки председателю избирательной комиссии; помещение записки в особый ящик для голосования). Таким образом, в 1905 г. были созданы правовые основы закрытого голосования. Позднее Положение о выборах от 3 июня 1907 г. сохранило нормы, регламентирующие закрытый порядок подачи голосов [3].

Понятие «тайное голосование» появилось в российском законодательстве в 1917 г., когда власть в стране перешла к Временному комитету членов Государственной думы (Временному правительству). Так, согласно ст. 1 Положения о выборах от 2 октября 1917 г. Учредительное собрание образуется из членов, избранных населением на основе всеобщего, без различия пола, и равного избирательного права, посредством прямых выборов и тайного голосования, с применением начала пропорционального представительства [4]. Таким образом, избирательная система переходного периода 1917 г. имела весьма прогрессивный характер, поскольку основывалась на еще не ставших в тот период общепризнанными принципах всеобщего, равного, прямого избирательного права при тайном голосовании.

Однако с момента установления в стране жесткой однопартийной политической системы выборы стали проводиться открытым путем, несмотря на то, что в Конституции РСФСР 1918 г. порядок голосования не определялся, это подразумевало, что он мог быть как тайным, так и открытым. Сходное положение о самостоятельности выбора избирательными комиссиями тайного или открытого способа голосования содержалось и в Декрете ВЦИК «Инструкция о перевыборах городских и сельских советов и о созыве волостных (районных), уездных (окружных) и губернских

(областных) съездов советов» 1924 года [5]. Однако на практике как такового выбора избирательные комиссии не совершали. Так, из 46 обследуемых волостей только в одной из них – в Тамбовской губернии – использовалось тайное голосование, во всех остальных случаях на собраниях голосование было открытым. В случае проведения тайного голосования не избирали кандидатов, предварительно утвержденных партийной ячейкой, и итоги выборов оказались неожиданными для вышестоящих органов власти [6, с. 154].

При этом важно отметить, что Конституция СССР 1924 г. отошла от закрепления выбора между тайным и открытым голосованием, и более того – не содержала норм, регулирующих избирательное право граждан [7].

Безальтернативное правовое закрепление открытого голосования произошло в ст. 41 Декрета ВЦИК «Об утверждении Инструкции о выборах городских и сельских советов и о созыве съездов советов» 1925 г. [8]. Советские праведы оценивали применение открытого способа голосования в указанный период по-разному: одни поддерживали его, так как «в отличие от буржуазного государства, в пролетарском государстве избирателям опасаться нечего» [9, с. 158], а другие оправдывали ограниченностью ресурсов: «...неграмотность подавляющего большинства населения страны и отсутствие элементарных технических средств для организации выборов (бумаги, типографских материалов)» [10, с. 163]. Однако, по нашему мнению, открытое голосование в Советском государстве использовалось как эффективный способ воздействия на волеизъявление людей с целью полного контроля их выбора, а также выявления оппозиционных настроений и их дальнейшего подавления.

Значимым этапом развития законодательства о тайне голосования в советский период стало принятие Конституции 1936 г., в которой появилась отдельная глава, посвященная избирательной системе, где регламентировалось проведение выборов на основе всеобщего, равного и прямого избирательного права при тайном голосовании [11]. Однако, несмотря на закрепление тайного голосования, в тексте Основного закона 1936 г. отсутствует его понятие, в то время как другие универсальные принципы всеобщего, равного и прямого избирательного права уточняются в ст. 135–139 Конституции.

Понятие тайного голосования также не раскрывается и в других нормативно-правовых актах, регламентирующих электоральные отношения в СССР. При этом Положение о выборах в Верховный Совет СССР 1937 г. регламентирует отдельные механизмы обеспечения тайного голосования:

- выделение в помещении особой комнаты для заполнения бюллетеней;
- запрет присутствия кого бы то ни было в особой комнате кроме голосующих;
- наличие перегородок или ширм в особой комнате в случае одновременного допуска нескольких избирателей;
- возможность приглашения в особую комнату другого избирателя для заполнения избирательных бюллетеней в силу неграмотности или какого-нибудь физического недостатка голосующих [12].

Интересным также представляется восприятие политическими деятелями закрепления принципа тайного голосования в советском законодательстве. В. М. Молотов в своем докладе «Об изменениях в Советской Конституции» на VII Съезде Советов 6 февраля 1935 г. отмечал, что «сам факт перехода от открытых к закрытым выборам ярко подчеркивает рост пролетарского демократизма в Советском Союзе и стремление советской власти поставить работу своих органов под усиленный контроль рабочих и крестьян» [13, с. 2].

Таким образом, к 1936 г. тайное голосование было закреплено не только на конституционном уровне, но и развернуто были регламентированы механизмы его обеспечения в избирательном законодательстве СССР. Однако практика применения рассмотренных норм была совершенно иной и свидетельствовала о том, что на исследуемом историческом этапе тайна голосования стала дополнительным средством достижения «нужных» результатов выборов для партийных деятелей путем фальсификаций при подсчете голосов.

Примерами подтверждения формализма процедуры тайного голосования являются письма избирателей, хранящиеся в фонде Центральной избирательной комиссии Государственного архива Российской Федерации, в которых они высказывали свое недовольство и равнодушие к реалиям правовых нарушений избирательных принципов. Так, в письме Я. С. Шульмана из г. Николаева обращено внимание на игнорирование тайны голосования: «В нашей стране выборы имеют свои особенности. Одной особенностью является выдвижение, регистрация и баллотировка на выборах одного кандидата в депутаты. Поэтому когда избиратель, являясь в помещение для выборов и получив избирательные бюллетени, от стола участковой избирательной комиссии прямо направляется к избирательной урне и опускает в нее избирательные бюллетени, то это нарушение порядка голосования, явное игнорирование и пренебрежение конституционным принципом тайны голосования. Специальные по-

мещения существуют для “заполнения избирателями избирательных бюллетеней” и избиратель, оставив в избирательном бюллетене фамилию кандидата, за которого голосует, в помещении, отведенном для заполнения избирательных бюллетеней. На практике делается наоборот. Зайти с избирательным бюллетенем в кабину – что прямо предусмотрено законом – считается предосудительным, почти явным показателем голосования против. Подобная практика сводит на нет тайну голосования и профанирует выборы, давая пищу недоброжелательной критике и подрывая престиж и авторитет избирательной системы государства...» [14].

Законодательство СССР конца 1970-х гг. стало прогрессивным в отношении регламентации тайного голосования. Конституция СССР 1977 г., в которой была сохранена глава «Избирательная система», закрепляла тайное голосование среди других универсальных принципов избирательного права (всеобщего, равного и прямого). При этом впервые в тексте Основного закона появилось разъяснение понятия «тайное голосование», целью которого является недопущение контроля за волеизъявлением избирателей (ст. 99) [15]. Указанное положение дублируется в ст. 5 Закона «О выборах в Верховный Совет СССР» 1978 г. [16].

Также в указанном Законе были регламентированы следующие изменения механизмов организации тайного голосования:

- введение понятия «кабина или комната для тайного голосования»;
- запрет присутствия членов избирательных комиссий в качестве помощников избирателям, не имеющим возможности самостоятельно заполнить бюллетени;
- закрепление нарушения тайны голосования в качестве оснований привлечения к ответственности членов избирательных комиссий, должностных лиц государственных и общественных органов.

Таким образом, к концу 1970-х гг. впервые на конституционном уровне было разъяснено понятие «тайное голосование». Появление нарушения тайны голосования среди оснований привлечения к ответственности в советском законодательстве тех лет свидетельствует о значении реализации указанного принципа для избирательного процесса.

Этап перестройки в Советском государстве не отразился на избирательном законодательстве, в котором сохранилось закрепление всеобщих, равных, прямых выборов при тайном голосовании. При этом сохранились и расхождения декларируемых принципов и избирательной

практики, что, в свою очередь, было вызвано кризисным периодом смены политического режима в государстве.

Дальнейшее развитие механизмов организации тайного голосования в СССР произошло в ходе избирательной реформы конца 1980-х гг.:

- закрепление требований для специально отведенных помещений для голосования;
- оборудование достаточного количества кабин или комнат для тайного голосования;
- определение места выдачи избирательных бюллетеней;

– установка избирательных ящиков таким образом, чтобы голосующие при подходе к ним обязательно проходили через кабины или комнаты для тайного голосования (ст. 52 Закона СССР «О выборах народных депутатов СССР» 1988 г. [17]).

Таким образом, избирательное законодательство этапа перестройки регламентировало не только обязательность тайного голосования на выборах, но и закрепляло дополнительные меры предотвращения игнорирования данного принципа посредством размещения кабин для голосования на пути к избирательным ящикам. Также важно отметить, что к концу 1980-х гг. в СССР были преодолены ранее обозначенные проблемы формализма закрепленного принципа тайного голосования. На выборах народных депутатов СССР 1989 г. было положено начало соответствия избирательной практики декларируемым нормам советского избирательного законодательства о тайне голосования.

Заключение

По нашему мнению, на основе проведенного исторического анализа следует выделить важные этапы развития избирательного законодательства о тайне голосования в дореволюционной России и СССР.

1. 1905–1917 гг. Генезис принципа тайного голосования в форме закрытой подачи голосов берет свое начало с момента проведения полномасштабных выборов в Государственную думу в 1905 г. С 1917 г. в нормативно-правовых актах Временного правительства впервые закрепляются еще не ставшие тогда общепризнанными принципы всеобщего, равного, прямого избирательного права при тайном голосовании.

2. 1918–1936 гг. Регрессивным в отношении развития принципа тайного голосования является советское избирательное законодательство 1920–1930-х гг., когда закреплялось проведение открытого голосования или выбор открытого/тайного голосования осуществлялся на усмотрение избирательных комиссий. На практике чаще проводилось открытое голосование, которое ис-

пользовалось в качестве эффективного механизма воздействия на волеизъявление избирателей с политическим подтекстом.

3. 1936–1987 гг. С появлением отдельной главы «Избирательная система» в Основном законе СССР 1936 г. принципы всеобщего, равного, прямого избирательного права при тайном голосовании получили свое постоянное закрепление на конституционном уровне. Советское избирательное законодательство регламентировало механизмы организации тайного голосования, однако опыт проведения избирательных кампаний показал несоответствие конституционно закрепленных норм сложившейся практике. Существовавшая командно-административная система не дала возможности реализации демократических принципов, в том числе и тайного голосования, в советской избирательной системе 1950–1970-х гг. Выборы в СССР находились под влиянием общей партийно-государственной установки, хотя и были легитимными, с одной стороны, но, с другой стороны, являлись формальной процедурой, проведение которой не влияло на характер и состав руководящих государственных органов.

В Конституции 1977 г. тайное голосование впервые не просто было закреплено среди основных принципов избирательного права, но и раскрыто его содержание в тексте Основного закона, а также на уровне Положений о выборах всесторонне регламентировало избирательные процедуры. В советском избирательном законодательстве конца 1970-х гг. нарушение тайны голосования стало основанием для привлечения к ответственности.

4. 1988–1993 гг. С появлением альтернативных выборов в СССР начали действовать и закрепленные в избирательном законодательстве механизмы обеспечения тайного голосования. Положение об обязательности голосования в специально отведенных кабинетах дополнительно обеспечило свободу волеизъявления избирателей. В постсоветском избирательном законодательстве получили развитие дополнительные механизмы организации тайного голосования: изменения в оборудовании помещения для голосования, появление института наблюдателей и т.д.

Список литературы

1. *Ивайловский Д. А.* К вопросу о выборах как характерной черте государственно-правовых явлений России // Государственная власть и местное самоуправление. 2008. № 6. С. 10–14.
2. Положение о выборах в Государственную Думу от 6 августа 1905 г. URL: <http://www.gumer.info/>

- bibliotek_Buks/History/Article/pol_vubor.php (дата обращения: 09.03.2016).
3. Положение о выборах в Государственную Думу от 3 июня 1907 г. URL: <http://constitution.garant.ru/history/act1600-1918/5208/> (дата обращения: 09.03.2016).
 4. Положение о выборах в Учредительное собрание : постановление Временного правительства от 20 июля 1917 г. // Документы Временного правительства и советского государства об Учредительном собрании. URL: <http://historysibsuti.narod.ru/ys11.htm> (дата обращения: 09.03.2016).
 5. Инструкция о перевыборах городских и сельских советов и о созыве волостных (районных), уездных (окружных) и губернских (областных) съездов советов : декрет ВЦИК от 11.08.1924 // СУ РСФСР. 1924. № 71, ст. 695.
 6. Саламатова М. С. Советская избирательная система 1918–1936 гг. : преемственность и новации // Историко-правовые проблемы : новый ракурс. 2013. Вып. 6. С. 142–163.
 7. Конституция (Основной Закон) Союза Советских Социалистических Республик (утверждена II Съездом Советов Союза ССР от 31 января 1924 г.). М. : Юридическое Издательство Наркомюста, 1924. Доступ из справ.-правовой системы «Гарант».
 8. Об утверждении Инструкции о выборах городских и сельских советов и о созыве съездов советов : декрет ВЦИК от 13.10.1925 // СУ РСФСР. 1925. № 79, ст. 603.
 9. Стучка П. И. Учение о государстве пролетариата и крестьянства и его Конституции СССР и РСФСР. М. ; Л. : Госиздат, 1926. 291 с.
 10. Кукушкин Ю. С., Чистяков О. И. Очерк истории советской Конституции. М. : Политиздат, 1987. 367 с.
 11. Конституция (Основной закон) Союза Советских Социалистических Республик (утверждена постановлением Чрезвычайного VIII Съезда Советов Союза Советских Социалистических Республик от 5 декабря 1936 г.). М. : Юридическое Издательство НКЮ СССР, 1937. Доступ из справ.-правовой системы «Гарант».
 12. Положение о выборах в Верховный Совет СССР (утверждено 4-й Сессией ЦИК СССР VII Созыва 9 июля 1937 года) // Вестн. АН СССР. 1937. № 9. С. 2–14.
 13. Доклад тов. В. М. Молотова на седьмом с'езде советов 6 февраля сего года // Сов. Сибирь. 1935. № 29 (4598). 8 февр. С. 1–3.
 14. Государственный архив Российской Федерации. Ф. Р-7522 : Центральная избирательная комиссия по выборам в Верховный Совет СССР. Оп. 9. Д. 24. Л. 176.
 15. Конституция (Основной Закон) Союза Советских Социалистических Республик (принята ВС СССР 07.10.1977) (ред. от 14.03.1990) // Ведомости ВС СССР. 1977. № 41, ст. 617 ; Свод законов СССР. 1990. Т. 3. С. 14.
 16. О выборах в Верховный Совет СССР : закон ВС СССР от 06.07.1978 № 7772-IX // Ведомости ВС СССР. 1978. № 28, ст. 441.
 17. О выборах народных депутатов СССР : закон СССР от 01.12.1988 // Ведомости ВС СССР. 1988. № 49, ст. 729 ; Свод законов СССР. 1990. Т. 1. С. 57.

Development of Electoral Legislation on Secret Ballot in Pre-Revolutionary and Soviet Russia

D. A. Kravec

Saratov State University,
83, Astrakhanskaya str., Saratov, 410012, Russia
E-mail: dariakr2004@mail.ru

Introduction. The electoral legislation of the Russian state at various stages of its development enshrines the open or secret ballot in elections to bodies of state authority and local self-government.

Purpose. The main purpose is to analyze the development of the electoral legislation of the secret ballot in pre-revolutionary Russia and throughout the Soviet period. **Results.** Legal consolidation of the principle of the secret ballot took place in pre-revolutionary Russia. During the first decade of the Soviet power voting was conducted openly, even in the case of an alternate consolidation of the secret ballot in the legal acts which regulated the conduct of elections to the councils. Further development of the secret ballot in the Soviet Russia is characterized by progressive democratic legislation and politicized practice of its implementation. Implementation of the secret ballot in the election practice of the USSR began in the last years of perestroika. **Conclusion.** The author suggests a periodization of the main stages of the development of electoral legislation on secret ballot in pre-revolutionary Russia and throughout the Soviet period. **Key words:** closed suffrage, secret ballot, electoral legislation of the Russian Empire and the USSR.

References

1. Ivailovskii D. A. K voprosu o vyborakh kak kharakternoi cherte gosudarstvenno-pravovykh iavlenii Rossii [On the question of the elections as a characteristic feature of the state-legal phenomena in Russia]. *Gosudarstvennaia vlast' i mestnoe samoupravlenie* [State authority and local self-government], 2008, no. 6, pp. 10–14.
2. *Polozhenie o vyborakh v Gosudarstvennuiu Dumu ot 6 avgusta 1905 g.* (Regulations on the State Duma elections of August 6, 1905). Available at: http://www.gumer.info/bibliotek_Buks/History/Article/pol_vubor.php (accessed 9 March 2016).
3. *Polozhenie o vyborakh v Gosudarstvennuiu Dumu ot 3 iyunia 1907 g.* (Regulations on the State Duma elections of June 3, 1907). Available at: <http://constitution.garant.ru/history/act1600-1918/5208/> (accessed 9 March 2016).
4. *Polozhenie o vyborakh v Uchreditel'noe sobranie: postanovlenie Vremennogo pravitel'stva ot 20 iuliia 1917 goda* (Regulations on the elections to the Constituent Assembly. Provisional Government Resolution of July 20, 1917). *Dokumenty Vremennogo pravitel'stva i sovetskogo gosudarstva ob Uchreditel'nom sobranii* (Documents of the Provisional Government and the Soviet State on the Constituent Assembly). Available at: <http://historysibsuti.narod.ru/ys11.htm> (accessed 9 March 2016).
5. *Instruktsiia o perevyborakh gorodskikh i sel'skikh sovetov i o sozyve volostnykh (raionnykh), uezdnykh (okruzhnykh) i gubernskikh (oblastnykh) s'ezdov sovetov: dekret Vserossiiskogo Tsentral'nogo Ispolnitel'nogo Komiteta ot 11.08.1924* [Instructions on the re-election of city and village councils, and on

- the convening of rural municipality (district), county and provincial (regional) congresses councils. Decree of the All-Russian Central Executive Committee on 08.11.1924]. *Sobranie zakonov RSFSR* [Collection of Laws of the RSFSR], 1924, no. 71, art. 695.
6. Salamatova M. S. Sovetskaia izbiratel'naia sistema 1918–1936 gg.: preemstvennost' i novatsii [The Soviet electoral system 1918–1936 years: succession and novation]. *Istoriko-pravovye problemy: novyi rakurs* [Historical and legal problems: a new perspective], 2013, iss. 6, pp. 142–163.
 7. Konstitutsiia (Osnovnoi Zakon) Soiuz Sovetskikh Sotsialisticheskikh Respublik (utverzhdena II S#ezdom Sovetov Soiuz SSR ot 31 ianvaria 1924 g.) (The Constitution (Fundamental Law) of the Union of Soviet Socialist Republics (approved by the II Congress of Soviets of the USSR of January 31, 1924)). Moscow, Legal Publisher of People's Commissariat, 1924. *ATP «Garant»* [electronic resource].
 8. Ob utverzhdenii Instruktsii o vyborakh gorodskikh i sel'skikh sovetov i o sozyve s#ezdov sovetov: dekret Vserossiiskogo Tsentral'nogo Ispolnitel'nogo Komiteta ot 13.10.1925 [On approval of Instructions on the election of city and village councils and on the convening of congresses councils. Decree of the All-Russian Central Executive Committee of 10.13.1925]. *Sobranie zakonov RSFSR* [Collection of Laws of the RSFSR], 1925, no. 79, art. 603.
 9. Stuchka P. I. *Uchenie o gosudarstve proletariata i krest'ianstva i ego Konstitutsii SSSR i RSFSR* [The doctrine of state of the proletariat and peasantry and the Constitution of the USSR and RSFSR]. Moscow, Leningrad, State Publ. House], 1926. 291 p.
 10. Kukushkin Yu. S., Chistiakov O. I. *Ocherk istorii sovetskoi Konstitutsii* [Sketch of the History of the Soviet Constitution.]. Moscow, Politizdat, 1987. 367 p.
 11. Konstitutsiia (Osnovnoi zakon) Soiuz Sovetskikh Sotsialisticheskikh Respublik (utverzhdena postanovleniem Chrezvychainogo VIII S#ezda Sovetov Soiuz Sovetskikh Sotsialisticheskikh Respublik ot 5 dekabria 1936 g.) (The Constitution (Fundamental Law) of the Union of Soviet Socialist Republics (approved by the Extraordinary VIII Congress of Soviets of the Union of Soviet Socialist Republics of December 5, 1936)). Moscow, Legal Publisher of Commissariat USSR, 1937. *ATP «Garant»* [electronic resource].
 12. Polozhenie o vyborakh v Verkhovnyi Sovet SSSR (utverzhdeno 4-i Sessiei Tsentral'nogo ispolnitel'nogo komiteta SSSR VII Sozyva 9 iul'ia 1937 goda) [Regulations on the elections to the USSR Supreme Soviet (approved by the 4th Session of the Central Executive Committee of the USSR VII Convocation July 9, 1937)]. *Vestnik Akademii nauk SSSR* [Bulletin of the USSR Academy of Sciences], 1937, no. 9, pp. 2–14.
 13. Doklad tovarischa V. M. Molotova na sed'mom s#ezde sovetov 6 fevralia sego goda [Report by Comrade V. M. Molotov at the seventh Congress of the Soviets on February 6 this year]. *Sovetskaia Sibir'* [Soviet Siberia], 1935, no. 29 (4598), February 8, pp. 1–3.
 14. *Gosudarstvennyi arkhiv Rossiiskoi Federatsii. Fond R-7522: Tsentral'naia izbiratel'naia komissii po vyboram v Verkhovnyi Sovet SSSR* [The State Archive of the Russian Federation. Fund P-7522: The Central Election Commission for the elections to the Supreme Soviet of the USSR]. Inventory 9. Case 24. L. 176.
 15. Konstitutsiia (Osnovnoi Zakon) Soiuz Sovetskikh Sotsialisticheskikh Respublik (priniata Verkhovnym Sovetom SSSR 07.10.1977) (red. ot 14.03.1990) [The Constitution (Fundamental Law) of the Union of Soviet Socialist Republics (adopted by Supreme Soviet 07.10.1977) (an edition of 14. 03.1990)]. *Vedomosti Verkhovnogo Soveta SSSR* [Bulletin of the Supreme Soviet of the USSR], 1977, no. 41, art. 617; *Svod zakonov SSSR* [Code of Laws of the USSR], 1990, vol. 3, p. 14.
 16. O vyborakh v Verkhovnyi Sovet SSSR: zakon Verkhovnogo Soveta SSSR ot 06.07.1978 № 7772-IX [On the elections in the Supreme Soviet of the USSR. Supreme Soviet of the USSR Law of 06.07.1978 № 7772-IX]. *Vedomosti Verkhovnogo Soveta SSSR* [Bulletin of the Supreme Soviet of the USSR], 1978, no. 28, art. 441.
 17. O vyborakh narodnykh deputatov SSSR: zakon SSSR ot 01.12.1988 [On the Election of People's Deputies of the USSR. USSR Law of 01.12.1988]. *Vedomosti Verkhovnogo Soveta SSSR* [Bulletin of the Supreme Soviet of the USSR], 1988, no. 49, art. 729; *Svod zakonov SSSR* [Code of Laws of the USSR], 1990. vol. 1, p. 57.